

T3(419)
H 54

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

ВОСПОМИНАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

*ВОСПОМИНАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1989

~~ББК 63.3(5)~~
~~Д40~~

Ответственные редакторы и составители
Э. Н. КОМАРОВ и Л. В. МИТРОХИН

Рецензенты
В. И. ПАВЛОВ и А. Е. ГРАНОВСКИЙ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР*

Д $\frac{0804000000-129}{013(02)-89}$ КБ-3-16-89

ББК 63.3(5)

ISBN 5-02-016703-7

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 1989 году исполняется 100 лет со дня рождения Джавахарлала Неру. Огромен его вклад в дело национального освобождения и возрождения дружественной Индии. Велики его заслуги перед человечеством как страстного поборника мира, который выдвигал и отстаивал новаторские принципы международных отношений, содержавшие многое из того, что мы сегодня называем новым политическим мышлением. И конечно, большое значение имела его поистине непоколебимая убежденность в правоте и силе Советского Союза как первого в мире социалистического государства, которое решительно поддержало национально-освободительное движение и в дальнейшем самостоятельное развитие освободившихся стран. Он сыграл огромную роль в установлении дружбы и сотрудничества Индии с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Эти дружба и сотрудничество стали ценным общим достоянием их народов, равно как и важным позитивным фактором международной жизни.

Джавахарлал Неру пользовался особыми симпатиями советских людей, которые глубоко чтят светлую память о нем. Его личное обаяние и выдающийся интеллект, его мудрость, восходившая к многовековой культуре Индии, и его передовой подход, рожденный в борьбе за свободу, производили неизгладимое впечатление на тех из нас, кому довелось встречаться с ним лично либо изучать его жизнь и деятельность, навсегда вошедшие в историю и культуру Индии.

В этой книге собраны воспоминания общественных деятелей и работавших в Индии советских специалистов об их встречах с Джавахарлалом Неру, а также помещены посвященные ему исследования индологов

из СССР, ГДР и ЧССР, в которых авторы стремятся осмыслить значение его воззрений и деятельности. Конечно, то, что читатель найдет здесь, отнюдь не является исчерпывающим, а некоторые оценки могут оказаться не бесспорными. Это представляется закономерным, тем более когда речь идет об истории такой своеобразной и многообразной страны, как Индия.

Приводятся также списки основных трудов Джавахарлала Неру, изданных в нашей стране, и работ о нем советских авторов.

*ВОСПОМИНАНИЯ
о НЕРУ*

И. М. Майский

*Действительный член АН СССР,
Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР
в Великобритании в 1932—1943 гг.*

10 октября 1938 г. я направил Джавахарлалу Неру письмо из Великобритании. Вот его содержание:

«Мой дорогой Неру!

С большим сожалением узнал, что, несмотря на Ваше горячее желание, Вы не сможете посетить СССР. Надеюсь, в будущем Вы изыщете возможность совершить поездку, которую сейчас Вам приходится отложить.

Мне было очень приятно встретиться с Вами в Женеве, и об этой встрече я всегда буду хранить самые теплые воспоминания.

Надеюсь, Ваша дочь и Ваша сестра уже выздоровели или, по крайней мере, чувствуют себя лучше.

Искренне Ваш И. Майский».

При каких обстоятельствах произошла наша встреча в Женеве, предшествовавшая приведенному письму? Сам Неру об этом никогда не писал. В «Автобиографии» он не упоминает о своем желании посетить СССР и о связанной с этим встречей со мной.

Впервые я встретился с Неру в Швейцарии. В то время я был советским послом в Великобритании. Контакт между Неру и мной поддерживал В. К. Кришна Менон, близкий друг и соратник Неру. Мы часто виделись с Кришной Меноном, чтобы обсудить различные вопросы, включая контакты между общественными и политическими деятелями Индии и СССР. Моя переписка с Неру тоже шла через Кришну Менона. Спустя почти сорок * лет очень трудно вспомнить, о чем были эти письма. Помню, что Неру упоминал о своем желании посетить Советский Союз, а я провел всю необходимую подготовку к предполагаемому визиту. Однако по не зависящим от нас обстоятельствам Неру не смог нанести этот визит. Письмо, которое я здесь цитировал, касается отмены этого визита.

Когда я был советским послом в Великобритании, мне часто приходилось ездить в Женеву. Именно там я несколько раз встречался с Неру, который произвел на меня сильное впечат-

* Интервью у акад. И. М. Майского в 1978 г. брали советские востоковеды Л. Митрохин и Н. Федин.

ление. Неру делал многое для установления контактов с СССР и улучшения отношений между нашими странами. Конечно, это было совсем не просто в те годы, ведь официальных отношений между Индией и СССР не существовало, а английские власти старались всячески помешать налаживанию контактов между индийцами и советскими людьми.

Помню такой случай. Однажды одна индийская фирма закупила советские ткацкие станки через советских торговых представителей, и в Индию был направлен советский инженер, чтобы проследить за их сборкой и монтажом. Однако до Индии ему добраться не пришлось. Английские власти остались глухи и к аргументам советской стороны, и к просьбам индийской фирмы. Они отказали советскому инженеру во въездной визе. Не сомневаюсь, что английская колониальная администрация чинила Неру препятствия. Но он, презрев опасность, не только стремился установить связи с левыми силами в Европе, но и вступал в контакты с советскими дипломатами.

Я счастлив, что мне довелось встречаться с этим выдающимся человеком. Он был государственным деятелем крупного масштаба и истинным национальным лидером Индии. Неру прекрасно разбирался в расстановке политических сил в Европе и Азии. Хорошо понимая, в каком трудном положении находилась тогда его страна, он искренне желал установления дружеских связей с народами России. В наших беседах Неру неоднократно говорил о своем желании посетить Советский Союз, чтобы увидеть, какие изменения произошли в СССР со времени его первого визита — в 1927 г. Неру считал, что великие народы России и Индии имеют много общего и должны жить друг с другом в мире и дружбе.

Герберт Фишер

*Немецкий антифашист, в 30-е годы жил в Индии,
в 50-х — 60-х годах торговый представитель,
а затем посол ГДР в Индии*

Впервые я увидел и услышал Джавахарлала Неру в Файзпуре во время сессии Индийского национального конгресса в декабре 1936 г. Конечно, мне приходилось слышать о нем и раньше. Я только что прибыл в Индию, и всю дорогу от Вардхи до Файзпура группа молодежи — добровольцы Конгресса, с которыми я путешествовал, говорили о нем не умолкая, с большим подъемом. Для них Неру был олицетворением надежды, что у Индии есть будущее. Они связывали с его именем свои мечты о полном освобождении, социальной справедливости и здоровом экономическом развитии. В том же году появилась его «Автобиография», и все стремились обязательно ее прочитать. Я знал одного молодого человека, который, не научившись еще

толком читать, добросовестно преодолевал страницу за страницей «Автобиографии» Неру, по многу раз перечитывал отдельные фразы, чтобы лучше понять их смысл. Некоторые молодые люди считали, что придет время, когда Неру станет «индийским Лениным».

Хотя в Файзпуре во всем главенствовал Махатма Ганди, Неру тоже был в центре внимания. Каждый пристально следил за тем, что он говорил и делал. При подготовке резолюций, которые должна была принять сессия, а также работая в комиссии по выработке повестки дня, он, казалось, руководил всем, внимательно выслушивая каждого, взвешивая мнения и факты и лишь затем предлагая наиболее приемлемые формулировки.

Его речь в качестве президента многих молодых слушателей не удовлетворила. Неру еще раз выступил в защиту социализма, но отдал предпочтение борьбе за независимость и не определил, каким станет общество в будущем. «Сегодня Конгресс выступает за полную демократию в Индии и борется за создание демократического государства, а не за построение социализма». Эти слова разочаровали многих из его юных почитателей. Однако с одним из его высказываний они согласились: «Для нас, и мы считаем, что и для всего человечества, проблема сохранения мира не может быть отделена от проблемы устранения империализма. Чтобы устранить причины войн, нужно покончить с империализмом».

Речь Неру впечатляла, производило впечатление и то внимание, с каким более ста тысяч человек слушали каждое его слово. Многие из них пришли сюда из соседних деревень, они не понимали всего того, что он говорил, но он был для них символом будущей свободной и независимой Индии.

Я только что прибыл в Индию и тоже не без труда понимал многое в его речи, но облик этого великого человека, говорящего с высокой трибуны со своими соотечественниками, навсегда останется в моей памяти.

Спустя полтора года мне снова довелось с ним встретиться. Обычно заседания Рабочего комитета ИНК проходили либо в ашраме Ганди в Вардхе, либо в резиденции Неру в Аллахабаде. Между этими городами прямого сообщения не было, и приходилось делать пересадку. Поэтому, если встреча проходила в Вардхе, Неру должен был остановиться в маленьком городке и провести там несколько часов в ожидании поезда. В этом городке была больница, ею руководил один замечательный английский хирург, у которого я останавливался. Однажды он пригласил к себе в гости Неру, предложил ему принять ванну и поужинать вместе. Неру любил бывать в компании людей, получивших английское университетское образование, поэтому с удовольствием принял приглашение хирурга. Вскоре навещать хирурга вошло у него в привычку, и мне часто доверяли привозить его со станции в дом доктора.

Доктор вернулся в Англию, а я и моя жена поселились ря-

дом с домом хирурга, и теперь уже Неру проводил часы до прихода поезда в нашем обществе. Иногда я возил его в ближайшие джунгли, где ему нравилось бродить одному. Для него такие прогулки были долгожданным отдыхом. Местные члены ИНК часто приходили к нам, чтобы побеседовать с ним. Я никогда не видел, чтобы он вел праздные разговоры. Обычно речь шла либо о политической ситуации в Индии, либо о международном положении. Неру не любил, когда его отвлекали пустыми разговорами.

Однажды на станции к нему подошли несколько человек и сказали, что очень хотели бы с ним побеседовать. Он согласился, и они пошли в зал ожидания на вокзале. Там Неру спросил, какие проблемы их волнуют. Когда он узнал, что эти люди хотели просто поболтать с ним, Неру заметил:

— В таком случае поставьте лучше патефонную пластинку. С этими словами он покинул зал.

Кроме событий в Индии Неру волновало все, что происходило в мире. Обычно мы говорили о последних событиях в нацистской Германии, о борьбе испанского народа и о многом другом. Он разговаривал особенно увлеченно, когда речь заходила о проблемах мирового значения, которые он всегда рассматривал под определенным углом зрения.

Однажды какой-то тучный богатый индеец, устроившись у ног Неру и не зная, с чего начать разговор, произнес:

— Думаю, последние дни были для вас особенно интересными?

— Для меня все дни интересны,— последовал ответ. На этом их разговор и закончился.

Примерно в то же время делались попытки разработать план экономического развития Индии. Неру был председателем Планового комитета, которому поручили это дело. Однажды он заметил, как трудно примирить между собой различные интересы и стремления членов комитета. Одни хотят, чтобы все действительно было спланировано, другие пекутся лишь о прибылях для себя, третьи выступают за создание децентрализованной экономики, опирающейся на деревню, в соответствии с идеями и взглядами Махатмы Ганди. Мы были заняты небольшими экспериментами, связанными с кооперативами, вот я и осмелился написать Неру письмо с несколькими предложениями. До сих пор я бережно храню его ответ, датированный 18 апреля 1939 г. Он писал: «Дорогой г-н Фишер, прошу извинить, что задержался с ответом на Ваше письмо. Пожалуйста, направляйте все Ваши предложения и пожелания секретарю Планового комитета по адресу: Олд Кастом Хаус, Бомбей. Если Вы не видели нашего вопросника, то попросите, чтобы Вам его выслали. Искренне Ваш Дж. Неру».

Теперь я уже не помню, о чем писал ему в ответном письме и о чем мы говорили во время встреч в доме доктора и у нас. Однако одна небольшая деталь сохранилась в моей памяти. Не-

ру энергично проводил кампании, направленные на мобилизацию народных масс по всей стране. Он разъезжал на автомобиле и выступал едва ли не в каждой деревне и городе, через которые пролегал его путь. Народ реагировал на эти встречи с огромным подъемом. Весть о его приезде распространялась, словно пожар в лесу. Везде его встречали толпы людей, через которые иногда он с трудом пробивался. Жара, пыль и постоянные выступления отрицательно сказывались на его голосовых связках. Единственным спасением стали горячие напитки, поэтому спутники Неру постоянно возили для него в термосах чай или кофе. Но толпы так напирали, стараясь приблизиться к нему, что термосы бились, и порой их приходилось брать с собой штук по тринадцать в день!

Помыслы Неру были обращены к свободе и будущему Индии. Он говорил о прошлом в тех случаях, когда обращение к прошлому становилось необходимым, чтобы понять будущее. С неиссякаемой энергией он делал свое дело, и его энтузиазм вдохновлял миллионы на активное участие в борьбе за независимость.

Индия уже была свободной, и Джавахарлал Неру стал ее премьер-министром, когда я вновь увидел его. Между Индией и ГДР тогда еще не были установлены дипломатические отношения. Существовало всего лишь торговое представительство, однако перед нами стояла задача добиться полного признания. Вопреки правилам протокола я написал письмо Неру, в котором напоминал ему о наших прежних встречах и поздравлял с тем, что он стал первым премьер-министром Республики Индии, а также выражал свою радость по поводу того, что я вновь приехал в Индию, причем на этот раз специально для того, чтобы развивать дружеские отношения между двумя странами.

Через несколько дней его секретарь уведомил нас о том, что мое письмо дошло до адресата. Он сообщал: «Премьер-министр с удовольствием примет вас позднее. В ближайшие дни он очень занят». К сожалению, забот у Неру не убавилось и наша встреча так и не состоялась. Как я уже говорил, он никогда не чувствовал себя привязанным к прошлому, но в данном случае, несомненно, старался избежать возможных осложнений с посольствами западных стран, особенно ФРГ. Их сотрудники внимательно следили за тем, чтобы не устанавливались контакты, кроме тех, которые необходимы, с их точки зрения, для осуществления торговых отношений, и чтобы не предпринимались какие-либо действия, которые означали бы шаг в сторону признания ГДР.

В 1959 г. мне нужно было знать, готов ли Неру встретиться с нашим премьер-министром Отто Гротеволем, если тот посетит Индию. Полученный ответ меня поразил: «Неру весьма заинтересован во встрече с Отто Гротеволем». Главы государств не только провели серию продолжительных официальных переговоров, но Неру также дал обед в честь Отто Гротеволья в своей

просторной официальной резиденции. Теперь там Музей Неру. С обеих сторон было приглашено много гостей, а Индира Ганди выступала в роли хозяйки. Премьер-министры долго беседовали и до обеда, и во время, и после него. Затем Неру повел гостей в комнату, где у него хранились подарки, которые он получил за все годы.

Накануне отъезда Отто Гротеволья мы устроили в его честь прием в самом крупном тогда отеле в Нью-Дели. Конечно, был приглашен и Неру. Но придет ли он? Незадолго до начала приема администрация отеля уведомила нас, что премьер-министр прибывает, уже заказан его любимый напиток — сок граната. Он приехал и тут же продолжил беседу с Отто Гротеволем.

Гости, включая иностранных дипломатов, весьма удивились происходящему. Они никак не могли понять, что это: знак обычной вежливости или нечто большее. Все посматривали на часы: прошло 10 минут, 20 минут, полчаса. Беседа уже затянулась, она продолжалась дольше, чем это принято на приемах, но все присутствующие ждали, не покидали прием и с интересом следили за тем, чем она кончится.

Два руководителя, бесспорно, понравились друг другу, и в их понимании международных проблем было много общих точек. Следовало ожидать, что за этим наступит скорое признание ГДР. Но последующие события развивались весьма стремительно — здоровье Неру резко ухудшилось. Когда наконец дипломатические отношения между нашими странами были установлены, обоих лидеров уже не было в живых.

Я уже уехал из Индии, когда в 1964 г. скончался Неру. Я навсегда сохраняю память об этом великом человеке. Книги, которые он написал, говорят, как далеко он умел смотреть и как хотел, чтобы его соотечественники шли вперед по пути прогресса.

П. Д. Ерзин

Временный Поверенный в делах СССР в Индии в 1947—1951 гг.

В ночь с 14 на 15 августа 1947 г. в истории Индии произошло знаменательное событие — страна стала независимой. Дружба и сотрудничество между Индией и СССР и другими социалистическими странами были исключительно важны для укрепления позиций молодого индийского государства на международной арене. Благодаря усилиям обеих стран дипломатические отношения между Индией и СССР были установлены сразу же, как только удалось преодолеть формальные препятствия, созданные британским империализмом.

Первым послом Индии в СССР была назначена Виджаялакшми Пандит, сестра Неру. Первым послом Советского Союза в

Индии стал К. В. Новиков, известный дипломат. Он занял свой пост в ноябре 1947 г.

Мне посчастливилось присутствовать при официальном открытии советского посольства в Индии, и в течение пяти последующих лет я встречался с лидерами и представителями различных слоев индийской общественности.

Я приехал в Дели за месяц до прибытия советского посла, чтобы провести необходимую подготовку и выбрать удобное здание для посольства и жилье для его сотрудников. В этом мне помогали индийские правительственные чиновники.

На следующий день после моего приезда в Дели меня принял Неру. Он сказал, что индийское правительство подыскивало удобное здание для советского посольства, а вспомогательные помещения будут предоставлены позднее. Когда прибыл К. В. Новиков, ему понравилось, что наше посольство разместилось в резиденции представителя бывшего княжества Траванкор, занимавшего одно из самых красивых зданий в Дели.

В первые годы независимости дипломатический протокол соблюдался в Индии не очень строго. Поэтому глава правительства присутствовал почти на каждом приеме, устраиваемом дипломатическими миссиями и различными национальными организациями. Почти ежедневно организовывались церемонии по торжественной закладке разных научно-исследовательских и учебных центров. Неру старался не пропускать их и выступал на них с краткими речами. Поэтому у нас часто появлялась возможность видеть его в неофициальной обстановке. Я не помню такого случая, чтобы Неру не подошел к советским дипломатам и не спросил о том, как им живется и нет ли у них каких-либо трудностей: Как правило, Неру присутствовал на всех мероприятиях и приемах, устраиваемых советским посольством, и лично принимал советские делегации, прибывающие в страну.

Персонал советского посольства сразу же по прибытии в Индию мог убедиться в том большом интересе, который индийская общественность проявляла к СССР. Как только газеты сообщили о том, что первые советские дипломаты прибыли в Дели, со всех концов Индии в посольство стали поступать письма, в которых наши индийские друзья приветствовали установление дипломатических отношений между двумя странами и желали советскому народу успехов в строительстве социализма. В основном письма заканчивались просьбой прислать материалы о жизни в СССР — фильмы, фотовыставки, брошюры и книги.

Экономические отношения между Индией и Советским Союзом развивались постепенно. Сначала заключались преимущественно бартерные соглашения. Советская сторона экспортировала удобрения, газетную бумагу и некоторые виды промышленного оборудования. В свою очередь, Индия поставляла в Советский Союз чай, хлопок, джут, т. е. свои традиционные экспортные товары.

Развитие отношений между Индией и СССР берет свое на-

чало с 1955 г., когда Неру посетил Советский Союз с официальным визитом. С того времени регулярные встречи государственных руководителей обеих стран стали неотъемлемой частью советско-индийских отношений.

М. Меньшиков

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Индии в 1953—1957 гг.

В 1953 г. я приступил к исполнению обязанностей посла СССР в Индии. Моя первая встреча с индийцами, представителями Индийско-советского культурного общества, произошла в Бомбее, где самолет, на котором я летел, сделал остановку на пути в Дели. Я и сегодня помню эту теплую встречу, рукопожатия и гирлянды цветов.

Прибыв в Дели, я сразу же нанес визит Неру — в то время он занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел. Когда я вошел в его кабинет, он поднялся из-за стола и крепко пожал мне руку.

Мне было поручено вручить Неру чек на 250 тысяч рублей от имени Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР для оказания помощи индийцам, пострадавшим от наводнения. Принимая чек, Неру выразил благодарность и добавил, что почти каждый год обширные территории Индии страдают от засухи, наводнений, сильных ураганов и землетрясений. Он сказал, что индийское правительство хорошо знакомо с масштабами этой проблемы, однако не обладает достаточными средствами, для того чтобы справиться со стихийными бедствиями.

Неру посоветовал мне совершить поездку по стране.

— Об Индии написано много книг,— с улыбкой сказал Неру,— я тоже писал, но все-таки лучше увидеть страну собственными глазами и самому познакомиться с ее людьми.

Я последовал совету Неру и не пожалел об этом. Я открыл «свою» Индию во всей ее неповторимой красоте, встречался с ее трудолюбивым и гостеприимным народом. То было время, когда империалисты, не желая мириться с существованием независимой Индии, всячески старались восстановить свое бывшее влияние, воспользовавшись экономическими трудностями страны. Неру рассматривал дружбу с Советским Союзом как один из важнейших аспектов независимой внешней политики Индии.

Дружеские отношения между нашими двумя странами год от года крепли. В декабре 1953 г., примерно через месяц после моей первой встречи с Неру, между СССР и Индией было подписано торговое соглашение сроком на пять лет. Позднее бы-

ли заключены соглашения о строительстве в Индии металлургического комбината в Бхилаи, заводов тяжелого машиностроения, шахтного оборудования, оптического стекла, а также угольных шахт в бассейне Корба. Было достигнуто соглашение об организации с советской помощью первого государственного сельскохозяйственного предприятия в Суратгархе и о строительстве ГРЭС в Нейвели. Советские специалисты помогали своим индийским коллегам в проведении геологоразведочных работ и организации добычи нефти. Между Индией и СССР были налажены регулярные авиа- и морские пассажирские рейсы. Неру постоянно следил за ходом переговоров и делал все возможное, чтобы устранить возникавшие трудности и препятствия на пути сотрудничества.

В те годы между нашими странами начались первые научно-технические и культурные обмены. Десятки советских делегаций прибывали в Индию, организовывались выставки, знакомившие с достижениями социалистического строительства в СССР. В свою очередь, в нашу страну отправлялись индийские делегации. Неру приветствовал и поощрял такие обмены. Об этом можно судить хотя бы потому, что он стремился принимать многих советских представителей, приезжавших в Индию.

Не надо думать, что в осуществлении дружественной политики по отношению к нашей стране Неру не приходилось сталкиваться с препятствиями. Реакционные деятели стремились поставить под сомнение целесообразность сближения Индии с СССР. Порой их оппозиция становилась совершенно очевидной. Неру всегда внимательно выслушивал аргументы своих коллег, соглашался с их конструктивными предложениями и замечаниями. В принципиальных вопросах (а ведь таким и был вопрос об отношениях между Индией и СССР) он проявлял непреклонность и последовательность. Неру лично следил за претворением в жизнь индийско-советских мероприятий, убеждая, а порой и принуждая противников добрых отношений с СССР отступить.

Помню, доктор С. Радхакришнан, покойный президент Индии, не раз подчеркивал, что Неру всегда выступал за укрепление дружбы с СССР, высказывался за необходимость развития Индии по пути социализма.

Неру любил детей, и эта любовь была взаимной. День его рождения, 14 ноября, стал большим праздником всех индийских детей. Помню, я неоднократно получал из его рук подарки для советских девочек и мальчиков — лауреатов международных выставок детских рисунков.

Премьер-министр ценил прекрасное, восхищался природой и увлекался многими видами искусств. Особенно любил он национальные танцы и классическую музыку. Старался не пропустить ни одного выступления советских балетных коллективов, приезжавших в Индию на гастроли.

Я прожил в Индии четыре с лишним года и все эти годы постоянно чувствовал дружеское внимание Неру ко мне как представителю СССР. В необходимых случаях он безотлагательно принимал меня: днем — на работе, а вечером — дома. Как правило, выслушав мой доклад или прочитав сообщение, он, немного подумав, отвечал на него или по крайней мере выражал свое мнение по затрагиваемому вопросу.

Неру отличался исключительным трудолюбием. Его рабочий день длился 17—18 часов в сутки. Отпусками он никогда не пользовался. Я как-то спросил: «Премьер-министр, как вы можете столь безжалостно относиться к собственному здоровью?»

Неру шутливо заметил, что если работа интересная, а у него как раз такая, то она превращается в отдых. До самого последнего часа своей жизни он оставался верен себе и активно трудился.

В. Э. Дымшиц

В 1957—1959 гг.—

*главный инженер строительства
металлургического комбината в Бхилаи*

Я неоднократно встречался с Неру как на строительной площадке Бхилайского металлургического комбината, так и на официальных приемах в Дели. Для меня Неру навсегда останется человеком, посвятившим свою жизнь борьбе за лучшую долю для своего народа, за укрепление дружеских отношений между Индией и СССР.

Особенно мне запомнился приезд Неру в Бхилаи в середине декабря 1957 г. Тогда он обошел всю строительную площадку. В его присутствии были установлены первые колонны доменного цеха и прокатного стана. Создалось впечатление, что на строительной площадке его интересовало абсолютно все. В цехе металлоконструкций его попросили включить первую установленную там машину для резки листового металла. Правда, цех еще не достроили — не было крыши, и солнце нестерпимо жгло сквозь проемы. Неру поинтересовался, как советские инженеры переносят тяготы тропического климата. Оказавшийся среди присутствовавших инженер Н. Б. Лобоккий заметил, что жаркий климат имеет свои преимущества. Так, например, еще до окончания строительства часть установленного оборудования можно пускать в эксплуатацию и получать необходимую продукцию.

С первого дня строительства комбината в Бхилаи мы чувствовали, что Неру следит за тем, чтобы все наши просьбы выполнялись. И хотя строители старались не злоупотреблять ин-

тересом Неру к стройке, лишь немногие из них удержались от желания обсудить с ним те проблемы, которые сдерживали темпы работы. В частности, строители были благодарны Неру за помощь при решении проблем, возникших при разгрузке советского оборудования в порту Визагапатнам. Тогда Неру предложил направить часть судов с грузами для Бхилаи в порты Бомбея и Калькутты, что значительно поправило положение с доставкой оборудования на стройплощадку.

Выступая на стотысячном митинге, Неру заявил, что Индия не сможет двигаться вперед, не имея собственной развитой тяжелой промышленности. Поля Индии нуждаются в воде. Для этого страна должна строить плотины, электростанции и промышленные предприятия. Вот почему так нужен металл. Индия, сказал он, имеет богатые месторождения первоклассной железной руды, но до недавнего прошлого это богатство лежало втуне. Теперь строится крупный металлургический комбинат. Для Индии он — символ будущего. Преодолевая трудности, продолжал Неру, индийский народ должен сделать все от него зависящее, чтобы создать свою металлургическую промышленность. Советские специалисты оказывают индийцам большую помощь, обучают их, делятся своими знаниями и опытом. Неру сказал, что индийцы должны быть благодарны им за это.

Он подчеркнул, что для индийских инженеров и рабочих чрезвычайно важно знать, как нужно развивать свою собственную промышленность.

Перед отъездом Неру заявил:

— То, что еще недавно было лишь мечтой, начинает становиться реальностью. Бхилаи — это символ и провозвестник будущего Индии.

Н. В. Г о л д и н

С 1959—1961 г. — главный инженер строительства металлургического комбината в Бхилаи; с 1970 г. — президент Общества советско-индийской дружбы

Мне посчастливилось встречаться с Неру несколько раз, когда он приезжал в Бхилаи, а также во время моих командировок в Дели. Самым сильным впечатлением от встреч и бесед с Неру было восхищение его пронизательностью и широтой взглядов. В те годы газеты всех политических оттенков широко комментировали «беспрецедентный эксперимент». Противники индийско-советского сотрудничества не скупилась на мрачные пророчества, пускаясь в рассуждения о некомпетентности русских специалистов, отсталости русской технологии и неспособности Советов к деловому сотрудничеству, не говоря уж о происках «красной» пропаганды. Были необходимы широта взглядов и

решимость большого политика, чтобы, отбросив застарелые предрассудки, отличить правду от вымысла и проводить политику разностороннего сотрудничества Индии с первой в мире страной социализма. Именно такими качествами обладал Неру.

Я помню его выступление на массовом митинге строителей комбината в Бхилаи. Обращаясь с речью к простым труженикам Индии, он доходчивым языком объяснил им, что, если Индия хочет стать сильной и независимой, преодолеть нищету, отсталость и неграмотность, ей необходимо заложить основу тяжелой промышленности в государственном секторе экономики. Все ключевые отрасли промышленности, подчеркнул Неру, должны быть взяты под контроль государства, потому что лишь оно способно создать условия, необходимые для повышения жизненного уровня.

— Здесь вы видите,— сказал он,— ваших русских братьев. Они приехали сюда, чтобы помочь вам достичь самообеспеченности, создав базовые отрасли промышленности. Они живут и работают бок о бок с индийцами, делятся с ними своим богатым опытом. Было время, когда и им приходилось начинать на пустом месте. Это усилиями таких людей Россия превратилась в одну из самых могучих держав в мире. Я хочу, чтобы вы учились у ваших русских коллег, как нужно трудиться, ведь это позволит вам построить много новых заводов, таких, как этот, возвести новые храмы для новой Индии.

Неру внимательно следил за тем, как идет дело индустриализации Индии. Вот пример. Строительство гигантского металлургического комбината в Бхилаи, который теперь производит треть стали в Индии, требовало своевременных поставок цемента, арматуры, электродов, ацетилена и других необходимых материалов.

В то время Индия испытывала нехватку многого, к тому же поставки часто задерживались в пути. Когда первая очередь комбината, доменная печь, была почти готова, всякое промедление обходилось очень дорого. На строительстве работало более 60 тысяч человек, а также множество машин и механизмов. Каждый день строительства обходился Индии в 100 тысяч рупий. Во время командировки в Дели я информировал премьер-министра о сложившейся ситуации. Не успел я вернуться в Бхилаи, как наша стройка была объявлена первоочередной вместе с двумя другими металлургическими комбинатами, входящими в государственный сектор.

Хорошо помню, как в октябре 1960 г. в Бхилаи приехал Неру. И на этот раз его, как всегда, сопровождал Сваран Сингх (тогда министр стали, шахт и топлива). Должен заметить, что у нас со Сваран Сингхом были добрые отношения. Он всегда откликался на наши просьбы и предложения и старался делать все возможное, чтобы скорее решать возникавшие проблемы, большие и малые, включая обеспечение советских специалистов, не при-

выкших к тропическому климату, кондиционерами и привычными для них продуктами питания и т. д.

Примерно в то же время мы запускали в производство стан по выпуску рельсовой и конструкционной стали. Помню, Неру задавал чисто технические вопросы, касающиеся производительности стана, качества и количества рельсов и швеллеров, их длины, возможности применения термообработки для упрочения их поверхности, чтобы продлить их срок службы, конкурентоспособности, экспортных возможностей и т. п. Неру, конечно, пришел в восторг при виде раскаленных добела стальных слитков и болванок, превращавшихся на его глазах в полезные изделия, но при этом он не забывал, что с помощью делавших их умных машин нужно получить максимальную прибыль для страны и для ее народа.

Убежден, что сотни советских специалистов и членов их семей, которые работали и жили в Бхилаи и Ранчи, в Дургапуре и Анклешваре, разделяют мои впечатления о Неру. На всех заводах, которые строились с помощью Советского Союза, он обязательно интересовался условиями жизни советских инженеров и других специалистов. Он даже посещал школы, где учились их дети, присутствовал на концертах самодеятельности и спортивных соревнованиях. Я убежден, что в сознании поколений советских людей Неру останется великим государственным деятелем, внесшим огромный вклад в дело индийско-советской дружбы.

Б. Романов

Советник по экономическим вопросам посольства СССР в Индии в 1957—1963 гг.

Во время моего пребывания в Индии у меня была возможность неоднократно встречаться с Неру. Особенно мне запомнился день 16 декабря 1957 г., когда премьер-министр прибыл на строительную площадку металлургического завода в Бхилаи. С самого начала его огромный интерес ко всему происходящему был очевиден. Без всяких признаков усталости он обходил цех за цехом, задавал вопросы и старался как можно глубже вникнуть в технические аспекты. В частности, он интересовался, каким образом велось строительство огромной железобетонной трубы коксовой батареи, которая без привычных внешних лесов поднялась на высоту около ста метров.

Много внимания уделял Неру разведке и добыче нефти в Индии. Он не раз посещал районы, где советские специалисты, работавшие бок о бок с их индийскими коллегами, искали «черное золото», столь необходимое для экономического развития Индии. В этой связи мне вспоминается один эпизод во время

встречи с Неру. Однажды он прибыл в Камбей, где с помощью советских специалистов велась разведка нефти. Из одной из скважин ударила нефть, обрызгав одежду стоящего рядом Неру. Мы, находившиеся возле него советские и индийские специалисты, почувствовали себя несколько смущенными, и только Неру остался невозмутимым:

— В этом ширвани* я выступлю в парламенте,— успокоил он.— Пусть все знают, что у нас теперь есть своя нефть.

Эту скважину Неру назвал «Васудхара», что значит «Источник Процветания».

Мне неоднократно приходилось видеть Неру во время его приездов в Анклешвар, откуда нефть поступала на нефтеперерабатывающий завод в Кояли. В 1963 г. он заявил, что нефть Анклешвара, обнаруженная при дружеском содействии советских специалистов, обеспечит экономическое развитие и процветание не только штата Гуджарат, но и всей Индии. Неру подчеркнул, что развитие индийской нефтедобывающей промышленности стало благодаря помощи СССР еще одним шагом Индии по пути прогресса.

Неру заложил первый камень нефтеперерабатывающего завода в Кояли. В своей речи по этому поводу он сказал, что строительство нефтеперерабатывающего завода в штате Гуджарат также оказалось возможным благодаря помощи Советского Союза, большого друга Индии. Он выразил уверенность, что нефтеперерабатывающий завод еще более укрепит связи между двумя странами. СССР обладает огромным потенциалом и достиг больших успехов в технике, поэтому Индии есть что перенять из опыта советских друзей.

В середине ноября 1963 г. Неру посетил Ранчи и Дургапур по случаю ввода в строй первых цехов завода тяжелого машиностроения и завода по производству шахтного оборудования, создаваемых с помощью СССР. Нас поразило, что Неру, несмотря на большую занятость и тяжелую болезнь, все-таки нашел время и силы, чтобы присутствовать на церемонии пуска основных промышленных объектов.

Я всегда буду помнить Неру как человека, всецело посвятившего себя делу мира и процветания своей страны, а также утверждавшего дружбу и сотрудничество между Индией и СССР.

* Ш и р в а н и — традиционная одежда индийцев.

*Агроном на сельскохозяйственной ферме
близ Суратгарха,*

Весть о том, что премьер-министр Неру собирается в апреле 1959 г. посетить Суратгарх, чтобы осмотреть местную ферму, быстро распространилась по всем окрестным деревням. Крестьяне со своими семьями стали стекаться в Суратгарх со всех уголков дистрикта Ганганagar.

Мне довелось вести машину, в которой ехали Неру, Индира Ганди, главный министр правительства штата Раджастан, министр сельского хозяйства правительства Индии и управляющий фермой. Неру пожал мне руку и сказал, что рад новой встрече со мной. Оказывается, он помнил, как ему представляли меня год назад, во время приема в Дели.

Осмотр начался с отделения фермы, расположенного неподалеку от железнодорожной станции Рандмахал. Неру интересовался буквально всем: что сделано по проекту орошения, какая техника использовалась, сколько рабочих требуется для выполнения ручной работы и как индийцы справляются с новой сельскохозяйственной техникой. Когда машина проезжала мимо пшеничного поля, где была в разгаре жатва, он вышел из машины, поднялся на комбайн и долго смотрел, как непрерывным потоком текло в бункер зерно.

Какое-то время Неру наблюдал за жатвой, беседовал с трактористами, комбайнерами, механиками, полеводами и внимательно слушали их объяснения. Держался он очень непринужденно, шутил, и нам сразу стало легко и просто в атмосфере дружелюбия, которое он буквально излучал.

В Суратгарх мы вернулись лишь поздно вечером. Городская площадь была заполнена народом. Неру поднялся на трибуну и ровным, спокойным голосом обратился к собравшимся. В заключение он сказал, что, когда в Индии будет больше таких ферм, решится проблема продовольствия.

Много и тепло говорил он о той большой работе, которую проделали механизаторы, превратившие пустыню в край изобилия, о Советском Союзе, который помогает Индии развивать национальную экономику, о советских специалистах, работающих плечом к плечу с их индийскими коллегами, а также о тех задачах, которые стоят перед индийскими крестьянами в деле преобразования деревни.

Во время ужина Неру интересовался условиями жизни и работы советских механизаторов и специалистов. Мы были тронуты его вниманием и заботой. Я всегда буду помнить Неру — человека с сильным характером, ясным умом и добрым сердцем.

*Профессор, руководитель группы
советских педиатров,
работавшей в Дели (1958—1961)
по приглашению индийского Красного Креста.*

В Индии мы работали на кафедре детских болезней медицинского колледжа в Нью-Дели. Я читал там курс детских инфекционных болезней и в то же время вместе с индийскими коллегами писал учебник на эту тему. Общество Красного Креста и Красного Полумесяца СССР помогло мне осуществить издание этой книги. В учебнике я обобщил данные, собранные индийскими медиками, а также советский опыт по профилактике детских инфекционных болезней.

Я говорю об этой книге потому, что она дала мне возможность встретиться с Неру. Веками в Индии врачи пользовались широким набором методов лечения, которые включали две древние системы — «аюрведу» и «юнани». Между тем Неру настаивал на пересмотре этих древних медицинских систем в свете современной медицины. Об этом он писал еще в 1957 г. в своем предисловии к книге доктора Г. Борхара «Здравоохранение в независимой Индии». При всей своей занятости он следил за всем, что было важным для его страны в области здравоохранения. Он великолепно понимал, что являлось нужным, и в том же предисловии писал: «Цель повышения уровня здравоохранения в стране означает не столько лечение болезней, сколько предупреждение их».

Вскоре после прибытия в Индию мы вместе с нашими индийскими коллегами написали и опубликовали ее. Она называлась «Проблемы педиатрии». Один экземпляр этой книги мы послали Неру. Через несколько дней я получил письмо, которое бережно храню все эти годы. В нем говорилось:

«Дорогой профессор Либов!

Я признателен Вам за книгу о лечении детских болезней, написанную совместно индийскими и советскими докторами. Убежден, что она будет полезна всем, кто интересуется этой важной проблемой.

Искренне Ваш

Джавахарлал Неру».

...Неру вошел в свой кабинет в здании парламента точно в назначенное время. Нас оказалось трое: премьер-министр, Радж-кумари Амрит Каур и я. Неру положительно отозвался о публикации книги об инфекционных детских заболеваниях, ведь, по его словам, для Индии — они враг номер один, а враг номер два — плохая питьевая вода и отсутствие канализации. Индийцам приходилось начинать все с самого начала, вот почему опыт СССР был действительно для них полезен. Ведь Советской Рос-

сии тоже в свое время пришлось решать проблему контроля инфекционных заболеваний и питьевой воды. Неру считал, что советские люди хорошо справились с этими проблемами, и он выразил надежду, что индийцам эта задача тоже окажется по плечу.

Премьер-министр спрашивал меня о последних методах предупреждения болезней в сельской местности и об организации системы здравоохранения в СССР. Я старался дать как можно более подробную информацию, обращая при этом особое внимание на ключевые вопросы, чтобы не отнимать много времени у моего собеседника. Однако Неру задавал вопрос за вопросом, и я понял, что он примеривает мои ответы к положению в Индии. Его вопросы не оставили у меня сомнений в том, что он был выдающимся государственным деятелем, который хорошо знал нужды и проблемы своего народа и мог определить главные проблемы здравоохранения.

И. Г. Эренбург*

Писатель

Мне посчастливилось встретиться с Джавахарлалом Неру и провести с ним вечер. В ходе нашей беседы Неру сказал, что он боится философствовать, ибо это удел профессиональных философов. Я не профессиональный политик, и пусть другие судят о лидере правительства с той точки зрения, что он сделал и чего не сделал в стране, разграбленной колонизаторами, стране древней, разнообразной и сложной. Я хочу сказать о человеке, с которым было легко обсуждать различные вопросы, о человеке оригинальном, с широким кругозором.

Неру мог думать не только о политических проблемах. Он мог вникать в проблемы, которые далеко выходили за рамки ежедневных забот правительства. Может быть, это было результатом духовной природы его страны с ее тысячелетними традициями. Он был до мозга костей индийцем. Но для него духовные особенности национального гения никогда не были связаны с духовной изолированностью. Неру очень тепло говорил, беседуя со мной, о Льве Толстом, Ромене Роллане, Бернарде Шоу, лекции которого он одно время слушал. Он рассказывал, как до него дошло сообщение об Октябрьской революции. Он говорил о Ленине как человеке, который много сделал, чтобы изменить сознание всего человечества.

Однажды, когда Бюро Всемирного Совета Мира собралось в Дели, мы были приняты Неру. Он с воодушевлением говорил о борьбе за мир как о великом движении народов наших дней.

Во время разговора со мной он говорил об Ашоке, правившем

* Из статьи И. Г. Эренбурга по случаю кончины Джавахарлала Неру.— Известия. 27.05.1964.

в Индии в III в. до н. э., который торжественно заявил, что никогда и ни при каких обстоятельствах не обратится к оружию. Неру понимал, что означает атомное оружие, и говорил на языке «панча шила», а не на языке «холодной войны».

Когда он был в Москве, он видел, что его чувства полностью разделяются. Москвичи засыпали его автомобиль скромными цветами северного лета. Но эти цветы говорили о теплоте сердец не меньше, чем роскошные гирлянды Индии...

Я хочу, чтобы индийский народ нашел в себе силы продолжать политику мира, которой следовал Джавахарлал Неру. Следуя ему, ненавидеть войну, расизм, шовинизм, стремиться к сохранению в Азии — которую все мы считаем колыбелью цивилизации — человеческого достоинства, сотрудничества между народами, мира и еще раз мира. Это будет самым лучшим памятником этому глубоко человечному человеку.

Ираклий Абашидзе

Поэт, лауреат премии им. Дж. Неру

Когда в декабре 1956 г. Джавахарлал Неру поднялся на трибуну конференции писателей стран Азии в Дели, я уже знал его. Его книга «Открытие Индии» была опубликована в Советском Союзе на русском языке еще в 1955 г., я прочел ее — и вот перед нами стоял ее автор — несгибаемый рыцарь, перенесший много лет заточения в Ахмаднагарской и Наинской тюрьмах, великий мыслитель Востока, художник и поэт, премьер-министр Индии, человек, который когда-то сказал о себе: «Я тоже был сложной личностью со своими тайными и неизведанными глубинами, непостижимыми для меня самого». Конечно, я не претендую на понимание всей сложности этой выдающейся личности. Но, как мне кажется, главное в Неру — это его страстная убежденность в том, что человечество заслуживает более счастливой судьбы, чем та, которая выпала на долю его огромной части.

Он писал: «Я не сомневался, что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество... Она заложила фундамент новой цивилизации, к которой может двигаться мир...»

Мне пришли на память эти слова, когда я слушал речь Джавахарлала Неру на конференции писателей Азии. Он начал ее с дружеского упрека, обращенного к председательствовавшему на заседании известному итальянскому писателю Карло Леви:

— Я только сегодня утром прилетел из Америки, а вы сразу

же при моем появлении в зале приглашаете меня на трибуну, ведь я не готов к выступлению...

Премьер-министр произнес замечательную речь — помню, я тогда не поверил, что она не была подготовлена заранее... Речь эту Неру посвятил известному требованию своего учителя М. Ганди: «Дадим сегодня прежде всего то, что насущно необходимо для жизни... Я хочу такого искусства и такой литературы, которые могут говорить с миллионами».

М. Ганди адресовал эти слова деятелям литературы и искусства борющейся Индии. Джавахарлал Неру обратился с ними к творческим работникам всех стран, призывая нас к бдительности, к защите прогресса, светлых идеалов гуманизма, свободы и демократии. Неру с особой остротой говорил о роли и долге писателей тех стран, народы которых недавно встали на путь самостоятельного развития; он говорил о стоящих перед ними трудностях, особенно в области языка и письменности...

Неру заинтересованно изучал советскую действительность, практические достижения Советского Союза произвели на Неру чрезвычайно глубокое впечатление. Об этом он писал в книге «Открытие Индии». Он высоко отзывался о Стране Советов еще в двадцатые годы, когда написал книгу «Советская Россия». А 28 мая 1955 г. в предисловии к русскому изданию «Открытия Индии» он заявил: «Я надеюсь через несколько дней посетить Советский Союз, эту великую страну, чтобы лично увидеть то, о чем я читал так много, и познать в какой-то мере те силы, которые содействовали созданию в наш век этой великой обширной страны, оказывающей столь большое влияние на судьбы всего мира».

13 июня 1955 г. на тбилисском аэродроме было очень жарко. По этому поводу мы шутили, что встречаем индийских гостей соответствующей погодой. На шестой день поездки по Советскому Союзу премьер-министр Индии Джавахарлал Неру с дочерью Индирой Ганди и сопровождающими лицами прибыл в столицу Грузинской Советской Социалистической Республики.

По трапу самолета медленно спустился рослый человек в национальной одежде с сандаловой палочкой в руке, он подошел к микрофону и в ответ на приветственную речь хозяев сказал: «Везде в вашей большой стране, куда бы мы ни приехали, нас встречали открыто и сердечно. Эти встречи позволяют мне испытывать чувство родства между нашим народом и народами Советского Союза. Я думаю, что мир всегда был главной необходимостью, и особенно необходим в настоящее время». Индийского премьера и сопровождающих его тепло приветствовали в Москве, Волгограде, Крыму.

Из Крыма Джавахарлал Неру и Индира Ганди прилетели в Грузию в Тбилиси. В тот вечер правительство республики пригласило почетных гостей на знаменитое плато фуникулера.

Наш парк на плато фуникулера выше, чем висячие сады Бомбея. С фуникулера весь город виден как на ладони, впрочем, и с бомбейских садов город виден прекрасно. Особенно яркое, незабываемое впечатление оставляет это зрелище ночью, когда Тбилиси освещен мириадами электрических звезд. Неру этот вид очень понравился, не могла скрыть своего восхищения и Индира Ганди.

На другой день после прибытия в столицу Грузии Неру и Индира Ганди посетили г. Рустави. Этот город мы построили после войны в 20 километрах от Тбилиси. Сегодня Рустави — один из центров металлургии Советского Союза. Осмотрев Рустави, Джавахарлал Неру сказал, что скоро и в Индии начнется с помощью советских специалистов строительство такого металлургического завода. Завод действительно был построен с помощью советских специалистов: это знаменитый Бхилайский металлургический комбинат.

Наши дорогие гости с интересом осмотрели город и его окрестности. 14 июня, перед отлетом из Грузии, Джавахарлал Неру заявил в тбилисском аэропорту: «Пользуясь случаем, я передаю вам и всем жителям солнечной Грузии свои наилучшие пожелания. Я всегда буду помнить этот визит». Было приятно, что человек, выросший под горячим солнцем Индии, назвал нашу республику солнечной.

Самолет умчал их к новым встречам. Ашхабад... Ташкент... Самарканд... Алтайский край... Магнитогорск... Свердловск... Урал... Ленинград... Москва...

- В те дни мы узнали еще об одной профессии, которую, оказывается, когда-то приобрел Джавахарлал Неру. Побывав на Урале в геологическом музее, Неру записал в книге впечатлений: «Это прекрасный музей, он интересен для каждого человека, а особенно для тех, кто изучал геологию; поскольку в студенческие годы я изучал геологию, этот музей очень интересен для меня. Мне было бы интересно тщательно изучить замечательную коллекцию собранных здесь образцов руд».

Этого и многого другого из биографии Неру я еще не знал. Шел июнь 1955 года, и советский читатель не располагал тогда книгой «Открытие Индии». Но открытие Джавахарлала Неру началось для меня с того самого года.

...Я пишу эти строки и думаю о том, как все-таки велика должна быть ответственность писателя, удостоенного премии имени этого великого индийца. Мы живем на планете Земля — XX век сделал ее очень похожей на дом, где под одной крышей собрались сотни народов. Этот дом может постигнуть страшное горе, если каждый из нас не будет предан делу мира на Земле так же горячо и беспредельно, как был предан ему Джавахарлал Неру.

*Член делегации советских учителей
на Конференции профсоюза учителей Индии в 1961 г.
в Джабалпуре*

Когда мы вернулись в Дели после поездки по Индии, работник советского посольства сказал нам, что премьер-министр Неру интересуется опытом развития образования, в частности преподавания национального и русского языков в союзных и автономных республиках СССР, а также хочет узнать о языковых проблемах общения между различными национальностями в СССР. Поэтому Неру попросил устроить для него встречу с делегацией советских учителей.

Мы прибыли в резиденцию Неру. Было нас шестеро — вся советская делегация. Неру приветствовал нас у порога своего кабинета и обменялся со всеми дружескими рукопожатиями. На встрече был также И. А. Бенедиктов, советский посол в Индии. Я с большим интересом и невольным волнением вглядывался в премьер-министра одной из крупнейших стран мира, который принадлежал к числу самых известных деятелей на нашей планете. Есть люди, которые словно светятся изнутри, чей интеллект не подавляет, а поднимает окружающих. Таким мне видится и Неру. Каждый его жест, свойственная лишь ему манера поведения, ровный, спокойный голос, добрая улыбка — все это привлекало к нему, вызывало чувство глубокого уважения.

Конечно, премьер-министру приходилось в то время много работать, он выглядел очень усталым.

Кто-то рассказал Неру, что среди нас находится преподаватель из Ташкента Рано Каюмова, соавтор нескольких учебников хинди для школьников Узбекистана, изучавших этот язык. Неру долго и внимательно рассматривал два букваря на языке хинди, преподнесенных ему делегацией в подарок, а затем сказал:

— Нам в Индии необходим общий национальный язык. Если бы нам удалось организовать изучение языка хинди во всех индийских школах, это было бы достижением. К сожалению, у нас многие неохотно воспринимают язык хинди, хотя я не теряю надежды, что в конечном итоге отношение к нему изменится.

Посол Бенедиктов сказал Неру, что среди советских делегатов есть педагог из Татарской АССР. Неру задал мне несколько вопросов о татарской школе, а затем спросил, где я изучал английский язык, в Москве или в Казани. Я ответил, что учился в Москве. Затем я сказал премьер-министру, что хотел бы передать ему письмо от казанской пионерки.

— Когда вы со своей дочерью побывали в Казани, — пояснил я, — в аэропорту вас встретила с цветами татарская школьница. Она шлет вам свой пионерский привет и просит помочь

ей — она хотела бы переписываться с одним из индийских школьников.

Неру улыбнулся и тотчас же, в нашем присутствии, поручил своему помощнику заняться этим вопросом.

— Это очень отрадное желание, — сказал он, — представители молодого поколения наших стран должны крепить дружбу!

Премьер-министр задумался, а затем, взяв со стола небольшую статуэтку из слоновой кости с изображением герба Ашоки, вручил ее мне.

— Пожалуйста, — сказал он, — передайте это в подарок юным гражданам вашего города.

Когда аудиенция была окончена, мы сфотографировались с Неру на память, он сердечно простился с каждым, проводив нас до дверей.

Память об этой встрече я сохраню до конца своей жизни.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Э. Н. Комаров

**ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ,
МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ**

Среди множества факторов, которые обусловили социально-политические воззрения и деятельность Джавахарлала Неру, два, несомненно, являлись решающими: национальное возрождение Индии и воздействие огромных перемен в мире, стимулировавших рост национально-освободительного движения, которое, в свою очередь, само становилось важным компонентом мирового развития. Сознывая неразрывную общность судеб своей родины и всего человечества, он стремился связать воедино дело национальной свободы с делом демократии и общественного прогресса, ориентированного на социализм; он добивался реализации убеждения, что человеческий прогресс должен наконец перестать «уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых», — убеждения, которое высказывал Маркс еще в середине прошлого века¹. Передовой подход Джавахарлала Неру наряду с одаренностью выдающегося мыслителя и политического деятеля мирового масштаба позволил ему сыграть поистине историческую роль и в национальном возрождении Индии как ее национальный лидер, и в международной жизни как крупнейший выразитель чаяний народов развивающихся стран и убежденный поборник всеобщего мира.

Неру олицетворял давнюю связь индийского национального движения и мирового прогресса. Обращаясь к истории борьбы Индии за свободу, мы видим, что уже в начале XIX в. замечательный индийский просветитель и провозвестник национального возрождения Рам Мохан Рай (1772—1833) горячо сочувствовал Великой французской революции, вдохновлялся ее демократическими идеалами, радовался успехам и печалился из-за неудач прогрессивных движений в Европе. Во второй половине XIX в. индийские патриоты живо интересовались освободительными движениями в Италии и Ирландии, а крупнейший национальный деятель того времени Дадабхай Наороджи (1825—1917), названный на склоне лет «великим старцем Индии», сотрудничал с английским социал-демократом Гайндманом и в 1904 г. участвовал в Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме. Он был далек от социалистических идей, но,

как и некоторые другие передовые индийцы, сумел почувствовать в поднимавшемся международном рабочем движении силу, способную оказать поддержку освободительным стремлениям народов колониальных стран.

В первом десятилетии XX в. несколько индийцев уже вступили в контакт с рабочими организациями в Европе и Северной Америке, а двое из них в 1907 г. участвовали в Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте. Там индийская революционерка Б. К. Кама, выдвигая требование свободы Индии, говорила, что индийский народ «пробудится и последует примеру наших товарищей из России, которым мы шлем братский привет»².

Это было время революции 1905—1907 гг. в России, которая привлекла к себе пристальное внимание в Индии. Будучи крупнейшим революционным событием того времени, она стимулировала обращение передовых национальных деятелей к народным массам, особенно к фабричным рабочим. По примеру всероссийской политической стачки (октябрь 1905 г.) была организована всеобщая забастовка в Бомбее в 1908 г. в защиту национального лидера Бала Гангадхара Тилака (1856—1920), осужденного колониальным судом, а также ряд других массовых выступлений с участием рабочих. Бомбейская забастовка 1908 г. была отмечена В. И. Лениным как свидетельство начавшегося пробуждения индийских народных масс и начало конца английской власти в Индии³.

В те годы будущий вождь индийского национально-освободительного движения Махатма Ганди (тогда он боролся против расового гнета в Южной Африке) назвал революционные события в России, прежде всего всероссийскую политическую стачку в октябре 1905 г., «великим уроком» для своих соотечественников, призывал их «проявить такую же силу, что и русские». Он предсказывал, что грядущая победа революции в России станет «величайшим событием нынешнего века»⁴. Хорошо известно, что критическое учение Л. Н. Толстого, мировое значение которого как художника и его мировая известность как мыслителя и проповедника отразили по-своему мировое значение поднимавшейся в России революции, оказало глубокое влияние на формирование социального идеала Махатмы Ганди, обращенного против эксплуатации и угнетения. Под влиянием учения Л. Н. Толстого и в то же время под воздействием самих революционных событий в России, таких, как всеобщая политическая забастовка в 1905 г., Ганди разрабатывал свою «доктрину ненасилия» именно как метод массовой политической борьбы против колониальной власти в Индии.

Неру принадлежал к другому поколению индийских борцов за свободу. Его социально-политические воззрения во многом сформировались уже тогда, когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция, а в самой Индии поднималась организованная борьба рабочих и затем крестьянства, на-

чалось распространение социалистических идей и индийское национально-освободительное движение становилось массовой силой. Неру наследовал и углубил ту восходящую еще к XIX в. заинтересованность в деле прогресса человечества и тот международный кругозор, которые были свойственны индийским национальным лидерам и борцам за свободу. Это ему принадлежат слова: «Наша борьба была лишь частью гораздо более широкой борьбы за свободу»⁵.

*Первооснова —
национально-освободительное движение*

Джавахарлал Неру родился 14 ноября 1889 г. в Аллахабаде. Его отец — Мотилал Неру, способный и преуспевающий адвокат, в годы детства и юности сына главным образом был занят профессиональной карьерой и лишь впоследствии стал деятелем национального движения. Семья была богатой и принадлежала к высшей индийской интеллигенции того времени, которая получала европейское образование, обычно в Англии, и, как правило, придерживалась умеренно-либеральных взглядов, по существу просветительских. Вплоть до начала XX в. такие взгляды почти безраздельно преобладали в национальном движении и определяли идейно-политические позиции Индийского национального конгресса.

Начиная с Рам Мохан Рая индийские национальные деятели XIX в. выступали, по существу, с позиций просветительства, которое являлось определенным этапом становления буржуазной идеологии во многих странах, хотя и в разное время. Индийские просветители полагали, что постепенное преобразование средневековых социальных институтов и утверждение в стране «современных», «европейских», т. е. буржуазных, порядков, а вместе с ними развитие образования, науки и техники приведут ко всеобщему благоденствию. Идеализация «западных», «европейских» порядков была характерна для просветителей тех стран, где развитие буржуазных отношений началось гораздо позднее, чем в Западной Европе. В Индии она сказывалась на отношении тамошних либеральных просветителей к английской власти, которое было противоречивым, неоднозначным. Многим из них буржуазная Англия представлялась чуть ли не образцом общественного устройства. В то же время в самой Индии они сталкивались не только со средневековыми институтами, но и с колониальным режимом. Именно они выступили с сознательной критикой национального неравноправия, протестуя против устранения индийцев от управления страной, и во многом обнажили механизм колониальной эксплуатации. Однако их критика колониального режима сочеталась с признанием английской власти «благоденствием» (blessing) для Индии и отнюдь не поднималась до требования независимости. Это объясняется прежде всего поли-

тический слабостью нарождавшихся «средних классов» — индийской буржуазии и других социальных групп, вовлекавшихся в буржуазное развитие, их экономической, а по-своему и политической зависимостью от английской колониальной власти.

Формирование буржуазии и национальной интеллигенции в Индии началось в основном во второй половине XIX в. Едва ли не сразу же они стали овладевать «современными» (т. е. на тогдашнем европейском уровне) средствами производства (фабрика), образованием (среднее и высшее), современными формами буржуазной идеологии и социально-политической организации, тогда как народные массы, включая фабрично-заводских рабочих, еще оставались средневековым народом. Такое явление, отражавшее своеобразие буржуазного развития в колониальной Индии, можно назвать элитарной модернизацией.

Дело в том, что буржуазия и буржуазные элементы общества возникли в Индии не столько в результате весьма ограниченного развития капиталистического производства, которое там началось в основном непосредственно с возникновения фабричной промышленности, сколько в ходе колониальной эксплуатации страны английским капиталом как рынка сбыта английских фабричных товаров и источники сырья и продовольствия для индустриальной Англии. Действуя в качестве посредников в этом процессе, т. е. обслуживая промышленный капитал Англии в партнерстве с английскими коммерческими фирмами в Индии или непосредственно, традиционно весьма развитое индийское купечество, особенно его верхушка, еще в первой половине XIX в. стало овладевать современными методами ведения торговых и банковских дел и со временем превратилось в коммерсантов эпохи промышленного капитализма. Так в Индии началось формирование буржуазии и различных буржуазных элементов, которые уже во второй половине XIX в. оказались довольно многочисленными абсолютно, но, конечно, не по отношению к огромному населению страны. Тогда же наиболее удачливые и предприимчивые среди индийских купцов, ставших коммерсантами, начали заводить свои фабрики — превращались в промышленных капиталистов-фабрикантов, которые сочетали промышленное предпринимательство с торговым и банковским. Они стали получать оборудование и технический персонал для своих фабрик, большей частью текстильных, из Англии на неравноправных условиях, когда во второй половине XIX в. одновременно с дальнейшим развитием колониальной эксплуатации Индии в качестве рынка сбыта и источника сырья начался вывоз английского капитала в эту страну.

Возникшая в Индии фабричная промышленность принадлежала частью английским, а частью индийским фабрикантам. Ко времени достижения Индией независимости доля последних намного превысила долю первых. Это отражало более заметный рост фабричной промышленности в колониальной Индии, чем в других колониях и зависимых странах. Тем не менее промыш-

ленное развитие оставалось весьма ограниченным в сравнении с масштабами огромной страны, что было следствием совокупности условий ее колониального подчинения. Формирование рабочего класса, которое определялось развитием капиталистической промышленности в самой Индии, имело более узкую экономическую базу, чем формирование буржуазии и обуржуазивание других групп имущих классов, поскольку буржуазия и буржуазные средние слои возникали не только благодаря развитию капиталистического производства в самой стране, но также (а поначалу и преимущественно) в результате ее колониального вовлечения в мировую капиталистическую торговлю. Если крупный индийский город уже к концу XIX в. становился капиталистическим, то в деревне, где сосредоточена основная масса населения страны, вплоть до середины XX в. преобладали полуфеодальные, а то и феодальные отношения. И если индийские социальные верхи уже с начала XX в. были относительно хорошо организованы политически и обеспечены современным образованием и средствами информации не намного хуже, а то и вовсе не хуже, чем имущие классы капиталистических стран, то $\frac{4}{5}$ населения страны в канун ее независимости оставались неграмотными и даже фабричные рабочие в подавляющем большинстве не знали грамоты.

Хотя первые признаки пробуждения индийских народных масс, особенно фабричных рабочих, появились уже в начале XX в., более или менее организованная борьба трудящихся, прежде всего фабричных рабочих и отчасти крестьянства, стала постепенно разворачиваться лишь в 20—30-х годах, а значительная масса традиционно угнетенной деревенской бедноты (сельские рабочие и беднейшие крестьяне из низших каст, «неприкасаемых» и «племен») начала активизироваться, как правило, уже после достижения Индией независимости, и то главным образом с 60-х годов. Активизации народных масс, с одной стороны, препятствовала глубокая и стойкая традиционная социальная приниженность значительной их части, обусловленная кастовым неравенством, а с другой — поддержка колониальной властью различного рода пережиточных средневековых и полусредневековых социально-экономических порядков, прежде всего феодально-помещичьего землевладения, и подавление народной борьбы всей современной мощью этой изощренной власти.

Своеобразие общественного развития в колониальной Индии, названное нами элитарной модернизацией, во многом обуславливало соотношение социально-политических сил в стране и в национально-освободительном движении на всем длительном и сложном пути его развития. Это сказывалось на деятельности его лидеров, в том числе Неру, ограничивая их возможности. Тем значительней предстает историческая роль тех из них, кто, преодолевая барьеры элитарной модернизации и традиционной социальной структуры, шел в народ, мобилизовал и организовывал массы на борьбу за свободу и общественный прогресс.

Возникновение в Индии еще в 70-х годах XIX в. ряда региональных социально-политических организаций и образование в 1885 г. Индийского национального конгресса как политического объединения в масштабах огромной и многообразной страны свидетельствовали о немалых организационных потенциях возникшего национального движения. Однако в то время эти организации и их деятельность были еще далеки от народной жизни и не имели никакого влияния на массы, которые, по сути дела, жили еще в условиях средневековья. У индийских национальных деятелей XIX в. еще не было сил, чтобы активно противостоять английской власти, и они не рассчитывали самостоятельно установить и поддерживать буржуазные общественные порядки, к которым стремились. Отсюда их надежды на то, что постепенно это осуществит сама английская власть, а уже выявлявшиеся противоречия колониального режима будут устранены путем компромисса в «обоюдных интересах».

Конгресс тогда обращался не к индийским народным массам, а к общественному мнению Англии и английским правителям в Индии, критикуя колониальную власть, убеждая провести те или иные реформы в интересах индийцев. Английские власти эти обращения в основном игнорировали. И хотя деятельность национальных организаций и Конгресса во второй половине XIX в. способствовала пробуждению национального самосознания и создавала организационные предпосылки для дальнейшего развития национального движения, она не приносила непосредственных политических результатов.

В детстве и отрочестве Неру еще застал характерную интеллектуальную атмосферу и настроения индийской интеллигенции, а точнее, ее верхушки второй половины XIX в. Рассказывая о своем отце, он весьма выразительно, всего в двух-трех фразах обрисовал эти настроения: «Отец, разумеется, был националистом, в несколько расплывчатом значении этого слова, но он восхищался англичанами и их образом жизни. Он считал, что его соотечественники опустили и едва ли не заслужили всего того, что выпало на их долю. В душе он слегка презирал политиканов, которые только говорят и говорят, ничего не делая. Впрочем, он и сам не имел ясного представления о том, что могли бы они делать»⁶.

Среда эта, казалось, не могла воспитать активного стремления к свободе. И все же она подготавливала почву. Достаточно указать на такую деталь, отразившую становление нового мировоззрения в Индии XIX в. В своих воспоминаниях Неру, в частности, писал: «О религии у меня были весьма смутные представления. Она казалась мне женским занятием. Отец и старшие из двоюродных братьев относились к этому вопросу юмористически, отказываясь принимать его всерьез». Домашний учитель-англичанин начал было приобщать тринадцатилетнего мальчика к теософии — этой созданной европейцами смеси из индуистского мистицизма и пережитков масонства. Теософы, основавшие в

Индии свое общество, оказали влияние на впечатлительного подростка. На время он приобрел «вялый и безжизненный вид, который иногда указывает на благочестие». Однако вскоре речь зашла о гораздо более серьезных вещах. Услышав призывы к национальному освобождению, которые стали раздаваться в Индии на рубеже XIX—XX вв., он по-юношески бурно откликнулся на них: «В уме моем теснились националистические идеи, я размышлял об освобождении Индии и об избавлении Азии от европейского ига. Я мечтал о смелых подвигах, о том, как буду с мечом в руках сражаться за Индию и помогу ее освобождению»⁷.

В 1905 г. юного Джавахарлала отправили в Англию для продолжения образования. Там он пробыл до 1912 г.: сначала учился в аристократической школе в Харроу, а затем в Кембриджском университете, где изучал право. В первый же год своего пребывания в Англии (тогда ему было всего 16 лет) он заинтересовался событиями тамошней политической жизни, что, впрочем, едва ли выходило за пределы юношеской любознательности, но все же показательно. Юный Неру познакомился также с социалистическими идеями, очевидно фабианского толка, и сочувствовал им. «Это были весьма расплывчатые идеи, скорее гуманистического и утопического порядка, нежели научного»⁸, — писал он впоследствии.

Конечно, молодого Неру, как и других индийских студентов в Англии, особенно занимали события на родине — тем более что в Англии некоторые индийцы вели пропагандистскую деятельность, привлекая к ней обучавшихся там соотечественников. Подъем национального движения в 1905—1908 гг. знаменовал важный сдвиг в общественно-политической жизни Индии и послужил отправным пунктом в формировании национально-освободительных стремлений и социально-политических позиций Неру.

К концу XIX в. в передовых общественных кругах страны получили распространение новые воззрения, которые свидетельствовали о близившемся пробуждении национального самосознания народа, отражали по-своему его пока еще глухое, но нараставшее возмущение. Активным носителем освободительных стремлений становилась новая национальная интеллигенция, которая в отличие от прежней — главным образом выходцев из богатой помещичье-купеческой среды — была более многочисленной, чем-то напоминала разночинцев, терпела жестокую нужду и остро ощущала национальное угнетение. Передовых индийцев, вступивших на политическую арену на рубеже XIX и XX вв., не удовлетворяла деятельность тогдашнего Конгресса. Они стали задумываться об активной борьбе против английского господства, о вовлечении в нее масс. Некоторые из них уже начинали сознавать, что буржуазная цивилизация Запада, породившая войны и беспощадное колониальное угнетение, — отнюдь не идеал, а утверждавшаяся в Индии «власть денег», т. е. буржуазные отношения, еще более усугубляет нищету и угнетение народа.

Надо в первую очередь назвать бенгальцев Бонкимчондро Чаттерджи и Свами Вивекананду, которые еще в конце XIX в. не только выступили против национального неравноправия и средневековых общественных порядков, но и поставили вопрос о пороках буржуазной цивилизации, сочувствовали социалистическим идеям.

Однако, обличая всевластие денег, индийские мыслители того времени видели спасение лишь в возрождении самобытной индийской «духовности», которую противопоставляли «материалистической цивилизации» Запада. Фактически они исходили из еще сохранявшегося в народе средневекового преобладания религиозного сознания и уповали на религиозно-моралистическую проповедь. Апеллируя к массам, они зачастую стремились сделать религию национальным знаменем, рассматривали «возрождение индуизма» как предпосылку национальной самостоятельности. Их обращение к религии было проявлением национализма угнетенной нации на определенной стадии его развития. Впрочем, был в нем и свой социальный смысл.

Индийские националисты-демократы начала XX в., которых тогда обычно называли «крайними» в отличие от их либеральных предшественников и современников — «умеренных», фактически мыслили экономическое развитие Индии таким же, как и на Западе, — на основе частнокапиталистического предпринимательства. При этом они уже хорошо понимали, что английская власть препятствует подъему национальной экономики, и стали авангардом движения «свадеш» (поощрение национальной промышленности и утверждение национальной самостоятельности вообще) и бойкота британских товаров в 1905—1908 гг., в котором видели и средство защиты национальной промышленности, и массовое действие против колониальной власти. Но индийские националисты-демократы начала XX в. (также в большей степени, чем «умеренные») осознавали нарастание общественных противоречий, обостряемых и порождаемых буржуазным развитием. Националисты пытались найти выход из них в религиозно-моралистической проповеди, утверждая, что возрожденная «индийская духовность» позволит избежать пороков буржуазной цивилизации, избавит народные массы от эксплуатации и угнетения и обеспечит национальное единство. Еще в 90-х годах XIX в. Свами Вивекананда призывал: «Создайте европейское общество с религией Индии!»

Политические лидеры «крайних» начала XX в., среди которых ведущую роль играл Тилак, первыми обратились к народным массам, а это обращение к народу и начавшееся его пробуждение вели к борьбе не только за национальную свободу, но и «за азбучные права человека, за демократию»⁹. Вот почему Тилака и других «крайних» можно назвать националистами-демократами. Они видели будущую Индию республикой, выступали за право рабочих на забастовку и организацию. Правда, националисты-демократы фактически поддерживали забастовки

на предприятиях, принадлежавших англичанам, и пытались там организовать профсоюзы. Как правило, они не звали крестьян к борьбе против помещиков и лишь довольно неопределенно высказывались за ограничение феодально-помещичьей и ростовщической эксплуатации крестьянства, но поддерживали крестьянские выступления против налогового гнета колониального государства.

Иными словами, националисты-демократы начала XX в. не ставили вопроса о социальном преобразовании как таковом. Их демократизм представлял прежде всего как демократическое содержание национализма угнетенной нации — против угнетения. Вместе с тем они уже выдвигали задачи установления политической демократии, были республиканцами. Их обращение к народу сыграло существенную роль в превращении «старых бунтов», т. е. народных выступлений средневекового типа, обреченных на поражение, в «сознательное демократическое движение»¹⁰, а пробуждение масс, их вовлечение в политику ставило на повестку дня вопрос о социальном преобразовании. Этот вопрос предстояло решать поколению индийских борцов за свободу, к которому принадлежал Неру. Но многие из них, как и он сам, получили исходный политический импульс именно от националистов-демократов начала века. «Что касается политики,— говорил Неру впоследствии,— я был, можно сказать, индийским националистом, стремящимся к свободе Индии, и в контексте индийской политики скорее принадлежал к крайнему направлению, которое тогда представлял Тилак»¹¹.

Между тем политическая и социальная радикализация индийского национального движения шла далеко не прямолинейно. Следующий шаг в его развитии был сделан под руководством человека, который сложился как мыслитель и политический деятель еще в конце XIX — начале XX в. и фактически принадлежал к тому же поколению, что и «крайние» да и многие «умеренные». Это был Махатма Ганди (1869—1947), который своеобразно соединил, как бы синтезировал позиции «крайних» и «умеренных» начала XX в., что во многом определило дальнейшее развитие индийского национально-освободительного движения под руководством Конгресса. Ганди обрел свой социальный идеал и разработал идейно-политическую концепцию массового действия, возглавляя движение индийцев в Южной Африке против расовой дискриминации. Разумеется, и тогда он жил и проблемами поднимавшегося национального движения в Индии, и событиями в мире. Об этом, в частности, свидетельствуют его живая заинтересованность ходом революции 1905—1907 гг. в России (он посвятил ей ряд статей в своей газете «Индиан опинион») и, конечно, влияние, которое оказало на него учение Л. Н. Толстого. На индийской политической арене Ганди выступил в годы первой мировой войны. По окончании войны в обстановке подъема национального движения он быстро занял руководящее положение в Конгрессе и стал национальным лидером.

Националисты-демократы начала XX в. только нащупывали пути и средства борьбы против колониальной власти, а организованные массовые выступления еще во многом были спорадическими. Ганди же выдвинул определенную систему массовых политических действий (кампании гражданского неповиновения и несотрудничества). Более решительный, можно сказать, агитационный характер приняла в выступлениях Ганди критика социального угнетения вообще и обличение пороков буржуазного общества в особенности. Вот как, в изложении Неру, воспринимала эти выступления Ганди передовая молодежь тогдашней Индии: «Слезайте со спин крестьян и рабочих все вы, живущие их эксплуатацией,— говорил он нам,— уничтожьте систему, порождающую эту нищету и эти страдания»¹².

Однако путь к цели Ганди, особенно в ранний период своей деятельности, усматривал в отказе от современного крупного производства и в проповеди опрощения. Мечтая об обществе свободных и равноправных крестьян и ремесленников, он отвергал крупное производство, потому что, по существу так же, как и индийские националисты-демократы начала века, не мог представить крупное производство иначе как капиталистическим.

В 1907—1909 гг. Ганди говорил, что «рабочие бомбейских фабрик превращены в рабов», а «индийский Рокфеллер будет не лучше американского», «спасение Индии в том, чтобы забыть все, чему она научилась в течение последних пятидесяти лет»¹³. Говоря словами К. Маркса, Ганди фактически представлял себе крупную промышленность «только источником антагонизма», и лишь следующее поколение передовых борцов за свободу пришло к пониманию того, что именно крупная промышленность является также творцом «материальных и духовных условий, необходимых для разрешения этих антагонизмов»¹⁴.

Сознавая не только наличие, но и обострение социальных противоречий, как унаследованных от средневековья, так и порождаемых растущим капитализмом, националисты-демократы и особенно Ганди искали выход из этих противоречий. В выборе направления их поиска сыграло важную роль стремление к национальному объединению перед лицом чужеземной власти. Непосредственно питаемое национализмом угнетенной нации, оно приводило их к проповеди социального компромисса, имевшей, конечно, также и свои социально-классовые истоки. Националисты-демократы начала века и Ганди видели средство достижения социального компромисса, прежде всего в убеждении имущих позаботиться о неимущих, не быть жестокосердным, «перемениться в своем сердце». При этом уже в начале XX в. в связи с перспективой подъема массового движения предпринимались попытки убедить имущие классы в необходимости компромисса под угрозой социальной революции. Великий поэт Рабиндранат Тагор в 1908 г. призывал «спасти будущее страны от страшного несчастья — социального несогласия». Стремясь убедить помещиков «пожертвовать личными интересами» ради бла-

га крестьян, он предостерегал их: «Поступать иначе — это все равно, что ходить с динамитом в кармане»¹⁵. У Ганди речь шла уже не только об убеждении как властей, так и имущих классов путем моралистической проповеди (хотя в отношении последних это все же играло у него главную роль), он предусматривал также и соответствующие его компромиссному подходу массовые ненасильственные действия — забастовки, гражданское неповиновение и т. п.

Еще во время первой мировой войны Ганди выдвинул «теорию опеки», которую затем постоянно развивал и пропагандировал. Следовало убедить капиталистов и помещиков в том, что они являются не собственниками, а «опекунами» своего имущества, в действительности принадлежащего всему обществу, и должны по личному усмотрению использовать это имущество в интересах общества, опроститься и ограничить свои потребности. Накануне достижения Индией независимости Ганди предлагал в законодательном порядке превратить собственников в «опекунов», назначив им своего рода «комиссионные», и постепенно передавать крупную промышленность государству, а также вести дело к кооперированию крестьян и ремесленников. Эти выступления Ганди относятся уже к тому времени, когда среди участников национально-освободительного движения получили распространение новые представления о социально-экономическом прогрессе. Они складывались под воздействием достижений социалистического строительства в СССР и растущей борьбы трудящихся в самой Индии, когда там коммунисты уже создали свою партию, которая набирала силу, а внутри Конгресса возникло течение, ставившее целью социализм и приведшее к образованию Конгрессистской социалистической партии. Выдающую роль в распространении этих новых представлений, связанных с идеалом социализма, суждено было сыграть Неру.

Он наследовал традиции, заложенные в ходе предшествующего развития индийской общественно-политической мысли. В то же время его воззрения и деятельность, сформировавшиеся на новом историческом этапе, представляли значительный шаг вперед. Он развивал просветительские и гуманистические начала, которые были присущи передовой индийской политической мысли со времен Рам Мохан Рая: веру в ценность и достоинство человеческой личности, в силу разума и в возможность научного познания мира, в общественный прогресс. Это сделало Неру убежденным противником пережитков средневековья в общественной жизни и сознании людей. Он неизменно выступал против индусско-мусульманской розни и религиозного шовинизма (коммунализма), кастового деления и сословно-кастового гнета. Вместе с Ганди он упорно добивался, чтобы свободная Индия стала по-настоящему светским государством, не допускала дискриминации своих граждан по религиозной и кастовой принадлежности.

У Неру и других передовых индийцев его поколения просве-

тительское начало приобрело ярко выраженную антиколониальную и демократическую направленность. Устранение пережитков средневековья закономерно связывалось ими с борьбой за национальное освобождение. Понимание необходимости этой борьбы Неру воспринял еще в юности от националистов-демократов. Тогда же пришли к нему новые идеи и настроения, связанные с критикой буржуазного общества, эксплуатации и угнетения вообще. Это было еще во время его пребывания в Англии, а в годы первой мировой войны, по возвращении на родину, он увлекался работами Бертранда Рассела, ставшего его любимым автором. Однако доминировало стремление к национальной свободе. Вместе с тем свойственный Неру в юные годы национализм, его тогдашние «весьма расплывчатые социалистические идеи» были свободны от индуистского или какого-либо иного религиозного облачения. Это отличало молодого Неру от националистов-демократов начала века и от Ганди и стало важным признаком нового в национальном движении и общественной мысли Индии.

Ведь до Неру едва ли не все ведущие индийские мыслители и общественно-политические деятели (от Рам Мохан Рая до Ганди) считали вопросы религии, как таковой, жизненно важными. Очевидно, их религиозные воззрения отражали своеобразную буржуазную религиозную формацию в Индии, т. е. фактически создание «буржуазной разновидности» религии¹⁶. Рам Мохан Рай и вслед за ним индийские либеральные просветители второй половины XIX в. в своем религиозном реформаторстве акцентировали необходимость преодоления средневековых порядков и обычаев, свсвященных ортодоксальной религией. Националисты-демократы начала XX в. (и их предтечи Бонкимчондро Чаттерджи и Свами Вивекананда), а по-своему и Ганди, фактически продолжали это реформаторское дело, но в то же время видели в религии национальную традицию и национальное знамя, а в религиозно-моралистической пропаганде — средство преодоления социальных противоречий ради национального объединения перед лицом чужеземной власти. Их фактическое религиозное реформаторство приобретало ярко выраженный националистический, антиколониальный характер. Однако националистическое обращение к религии, которое так или иначе сочеталось с традиционализмом — идеализацией патриархальной старины и идеями национальной исключительности, могло легко перехватываться и использоваться различными консервативными и реакционными силами в интересах сохранения существующего общественного порядка, а в условиях такой поликонфессиональной страны, как Индия, облегчало разжигание религиозной розни колониальной властью, опиравшейся на эти силы.

К тому времени, когда Неру включился в политическую жизнь, националистическое обращение к религии и дань традиционализму уже становились пройденным этапом для авангарда борцов за национальную свободу, но, конечно, еще не для

многих участников национального движения. В то же время в ходе дальнейшего развития национального движения и обострения социальных противоречий обращение к религии и возвеличивание патриархальной старины все чаще и активнее использовались консервативными и коммуналистскими силами, а у некоторых носителей религиозного национализма он явно превращался в коммунализм, хотя это все же было скорее исключением и отнюдь не относилось к ведущим лидерам «крайних» начала века.

Тенденция к высвобождению идеи борьбы за свободу от религиозного и традиционалистского облачения стала давать себя знать уже перед первой мировой войной. Тогда раздались голоса, призывавшие отбросить рассуждения о «духовности» как обскурантистские и уводящие от действительных нужд страны. Пенджабский борец за свободу Хар Даял в 1912 г. называл проповедь индуистского возрождения «трансцендентальной чепухой»¹⁷. Постепенно «оставляли религиозные идеи» участники нелегальных национальных организаций в Бенгалии¹⁸. В своем манифесте группа индийских эмигрантов в Париже в 1909 г., ставившая своей задачей подготовку вооруженного восстания, подчеркивала: «Мы будем проповедовать идеи, являющиеся достоянием всего цивилизованного мира, и в этом смысле наша программа не содержит ничего необычного или исключительно-го»¹⁹. А в 1917 г. в аналогичном манифесте индийских эмигрантов уже говорилось, что английская власть «стремится действовать в союзе с предрассудками и религиозными суевериями Востока»²⁰.

Таким образом, Неру отнюдь не был одиночкой в своем секюлярном (безрелигиозном) подходе к освободительной борьбе и социальным проблемам, но являлся представителем поднимавшихся новых сил национально-освободительного движения. Вместе с ними он наследовал рационалистический подход индийских национальных деятелей-просветителей XIX в., но развивал его уже без их религиозного реформаторства, сочетавшегося в Индии с просветительством. От националистов-демократов он наследовал дело борьбы за национальную свободу, но без религиозного и традиционалистского облачения и был последовательным противником коммунализма в любых его проявлениях.

Религиозные вопросы, как таковые, его не волновали. «Я интересуюсь этим миром, этой жизнью, а не каким-то иным миром и потусторонней жизнью», — говорил он. Правда, он отмечал, что в его сознание «прокрадывались смутные идеалистические взгляды, приближавшиеся, пожалуй, к ведантистским»²¹. В то время для Неру это были вопросы сугубо внутреннего мира человека, а понятие «духовный подход», в сущности, обозначением гуманизма, как и у Тагора, которого Неру называл «великим гуманистом Индии» и своим учителем. Фактически тагоровское восприятие единства человека и природы в самой жизни, которая видится всеобъемлющей и одухотворенной, пронизывает

следующие строки Неру: «Многообразие и полнота природы волнуют меня, создают в душе ощущение гармонии, и мне кажется, что я чувствовал бы себя как дома в языческой и пантеистической атмосфере древней Индии или Греции, но без присущей им идеи бога или богов»²².

Национальная свобода и общественное преобразование

В то время, когда Неру, будучи студентом в Англии, впервые познакомился с социалистическими идеями, некоторые индийцы уже вступали в контакт с международным рабочим движением. О социалистических идеях уже знали и в самой Индии. О них писала, правда еще лишь в информативном плане, индийская национальная печать. В 1912 г. вышла небольшая брошюра-биография К. Маркса на языке малаялам. Как правило, социалистические идеи встречали сочувствие у националистов-демократов, но их еще отдаленное знакомство с этими идеями не приводило к перемене в мировоззрении, и социалистические идеи не становились руководством к действию. Тем не менее знакомство с ними, пусть даже не близкое, расширяло кругозор и способствовало росту демократизма.

Весьма показательно, что еще в 90-х годах прошлого века и перед первой мировой войной социалистические идеи не раз встречали в Индии нападки в помещичье-аристократических кругах потому, что это были идеи равенства. Именно в этом видел «опасности социализма» один из ведущих заминдаров — махараджа Бурдвана, который в 1910 г. призывал не допустить проникновения социализма «в массы Индии» и ратовал за то, чтобы их пробуждение было направлено в «здоровое русло»²³. Опасения более общего порядка высказывались и в националистических кругах. В 1913 г. видный лидер «крайних» Бипин Чандра Пал размышлял о том, что распространение в Индии «западного социализма» может породить неодолимые «силы разрушения» и иметь непредсказуемые последствия²⁴. В дальнейшем такого рода представления получили немалое распространение одновременно с социалистическими идеями и подъемом борьбы трудящихся.

В 1912 г. Неру вернулся из Англии. Карьера адвоката его не интересовала, а влекла политика. В 1913 г. он уже вошел в провинциальную организацию Конгресса в Соединенных провинциях (ныне Уттар-Прадеш). Тогда ему было 24 года. Опыта политической деятельности, хотя бы работы с молодежью, он, очевидно, не имел, если не считать участия в собраниях студентов-индийцев, на которых выступали политические деятели Индии, приезжавшие в Англию или жившие там в эмиграции. Между тем студенческая молодежь Индии уже сыграла заметную роль в качестве активистов движения «свадеш» и бойкота англий-

ских товаров в 1905—1908 гг. Небольшие нелегальные национально-революционные организации, скорее, кружки, которые возникли тогда в Бенгалии и некоторых других местах, были в основном молодежными. Они вели антиколониальную пропаганду, рассчитывая поднять восстание, но фактически действовали методами индивидуального террора. В 1908 г. студент Динхра застрелил в Лондоне видного бюрократа из министерства по делам Индии.

Неру-студент был далек от чего-либо подобного, хотя и сочувствовал «крайним», которые действовали обычно легально. Когда он вернулся в Индию, национальное движение переживало спад. В Конгрессе безраздельно правили «умеренные», которые не желали каких-либо массовых выступлений, боялись их. «Крайние» были вынуждены покинуть Конгресс еще в 1907 г. Однако организовать свою партию им не удалось. Они вернулись в Конгресс в 1916 г., приняв условия «умеренных», категорически настаивавших на исключительно «конституционных методах» политической деятельности.

Неру, сын богатого адвоката, получивший сугубо элитарное «буржуазное воспитание», которое он считал «неотделимым» от себя, и занявшийся политикой как активист Конгресса (в те годы сугубо умеренного), казалось, должен был стать «умеренным». Однако этого не случилось. Конечно, не только тогда, но и впоследствии традиции либералов-«умеренных» были сильны в Конгрессе и не могли не оказать свое влияние. Тем не менее молодое поколение активистов Конгресса вступало в политическую жизнь под воздействием событий 1905—1908 гг. и пропаганды «крайних», а вскоре в мире и в самой Индии наступили новые времена.

Уже в годы первой мировой войны стал намечаться новый подъем национального движения, что позволило «крайним» вернуться в Конгресс. Активизировались (после провалов) нелегальные национально-революционные группы, и даже была предпринята попытка восстания, однако пресеченная властями буквально в зародыше. Когда же по окончании войны национальное движение стало подниматься на новый уровень, отличаясь от событий 1905—1908 гг. невиданным прежде размахом забастовочной борьбы фабричных рабочих, хотя по преимуществу еще стихийной или полустихийной, а также крестьянскими волнениями в целом ряде мест, к руководству Конгрессом пришел Ганди. Он своеобразно соединил, как бы синтезировал, позиции «крайних» и «умеренных». В отличие от «умеренных» Ганди, как и «крайние», отвергал английскую власть, которую называл «сатанинской». Более того, он решительнее, чем «крайние» в начале века, шел в народ, что было совершенно чуждо «умеренным», правда, и сам народ, особенно фабричные рабочие, а кое-где и крестьяне, теперь начинали подниматься.

Хотя «крайние» действовали обычно в пределах легальности и некоторые из них выдвигали идею «пассивного сопротивле-

чия», т. е. фактически ненасильственных массовых действий, однако они не отвергали самой возможности вооруженной борьбы за свободу, а в 1906—1907 гг. Тилак предпринимал для ее подготовки определенные шаги. В отличие от «крайних» Ганди принципиально отвергал любое революционное насилие. Он требовал исключительно ненасильственных действий в борьбе против колониальной власти или против эксплуатации и социального угнетения. Ганди возводил свою доктрину ненасилия в ранг вероучения или религиозной заповеди. Фактически он преобразовал ограничительный принцип «конституционных методов» политической деятельности, который был непреложным правилом для либералов-«умеренных», в «принцип ненасилия», тоже ограничительный, но допускавший более широкие и активные действия, вплоть до неподчинения законам и распоряжениям властей, без применения насилия (*сатьяграха* — гражданское неповиновение). Принцип «ненасильственных методов» был принят Конгрессом как обязательный. В текущей политической практике Ганди относил свое требование ненасилия лишь к действиям против существующей власти и тех или иных общественных установлений, но не распространял его на действия самих властей в целях поддержания гражданского правопорядка, равно как и на сопротивление внешней агрессии. Ненасильственное общество и ненасильственный мир были его идеалом. Как политический лидер Ганди видел свою задачу прежде всего в достижении национальной свободы именно ненасильственными методами.

Объективно гандистская концепция ненасилия и само преобладание невооруженных массовых действий в индийском национально-освободительном движении обуславливались исторически сложившимися соотношениями сил в колониальной Индии. Безоружному, разделенному на множество этнонациональных, религиозных и кастовых групп народу, который лишь пробуждался к организованной борьбе за свободу, противостояла изощренная власть и военная мощь крупнейшей империалистической державы того времени — власти, имевшая немалую социальную опору в самой Индии и способная как на подавление, так и на маневрирование и провоцирование религиозной, этнической и кастовой розни. Во всяком случае, подавив восстание 1857—1859 гг., являвшееся, по существу, народным выступлением средневекового типа, в котором главной силой были индийские солдаты (сипаи) колониальной армии, английские правители смогли различными мерами долго удерживать войска и полицию, набранные из индийцев, в стороне от поднимавшегося национального движения. Немногие попытки поднять восстание, которые предпринимали национальные революционеры в первой трети XX в., неизменно пресекались властями. Однако в дальнейшем в результате роста национального движения, в частности благодаря антиимпериалистическим кампаниям, которые проводил Конгресс под руководством Ганди, освободительные стремления стали все шире проникать в армию. Начавшийся переход индийско-

го персонала вооруженных сил на сторону национально-освободительного движения, невиданный подъем забастовочной борьбы рабочих в 1946—1947 гг. и многие другие массовые выступления сыграли решающую роль в достижении Индией независимости в 1947 г.

Конечно, гандистская концепция ненасилия обуславливалась не только соотношением сил между индийским национально-освободительным движением и английской империалистической властью в Индии, когда к руководству Конгрессом пришел Ганди. Среди других факторов, ее обуславливавших, была установка на решение политических и социальных проблем путем компромисса, фактически преобладавшая в индийском национальном движении, когда во главе его стал Ганди. Он продолжал и развивал эту установку уже в массовых действиях, которыми он руководил. Ему принадлежит выражение «прелесть компромисса». Вместе с тем гандистская концепция ненасилия, которую Ганди неизменно связывал с идеалом освобождения от национального и социального угнетения, отразила давние гуманистические стремления к лучшему и идеальные моральные нормы, которые человечество вырабатывало на протяжении веков вопреки условиям эксплуататорского общества. Поэтому многое в учении Ганди и в его концепции ненасилия принадлежит отнюдь не только прошлому, но и настоящему, а тем более будущему.

Хотя Неру в годы борьбы за свободу подчас испытывал сомнения насчет эффективности «ненасильственного метода», он фактически ему следовал, да и не мог бы поступить иначе в качестве лидера Конгресса. В 1936 г. он писал, что для него самого, как и для Конгресса в целом, «ненасильственный метод» не был и не мог быть религией, непогрешимым вероучением или догмой. Он мог быть «лишь политикой или методом, сулящим определенные результаты, и по этим результатам в конечном итоге и надлежало судить о нем»²⁵. Неру считал ненасилие «оружием, которое может быть использовано повсюду, но особенно соответствует духу и нынешним условиям Индии»²⁶.

Когда Ганди пришел к руководству Конгрессом, его призыв к действию против колониальной власти в обстановке нараставшего возмущения привлек к нему патристическую молодежь. Неру писал, что Ганди был для него «не только большим и прекрасным человеком, но еще и человеком действия». Более того, «метод ненасилия» делал это действие относительно доступным, а сам Ганди тогда обещал победу в течение одного года. Именно молодые активисты, среди которых был и Неру, поддержали Ганди, и притом с большим энтузиазмом, чем ветераны Конгресса даже среди «крайних» — для многих из них его подход был все же непривычным, а лидеры «умеренных» не приняли ни гандистское отвержение английской власти («несотрудничество»), ни массовых действий, хотя бы и ненасильственных. В 1919 г. они покинули Конгресс и образовали свою партию — Либеральную федерацию.

Когда молодой Неру включился в освободительную борьбу, юношеские искания социального идеала на время отступили на задний план, оттесненные «чистейшим национализмом», как он говорил. Однако вскоре эта борьба обратила его к нуждам и страданиям индийского крестьянства, которое само уже начинало приходить в движение. В 1921 г. он как активист Конгресса отправился в один из сельских районов, охваченных крестьянскими волнениями. Там он был арестован. В дальнейшем его неоднократно бросали в тюрьму. Неру провел в заключении в общей сложности около одиннадцати лет. Прямое столкновение с жизнью народа, особенно крестьянства, открыло Неру «важную сторону индийской проблемы, которой националисты не уделяли почти никакого внимания», показало «узость и недостаточность национализма» и выявило необходимость добиваться «социальной свободы»²⁷. Познание действительной жизни народа, начинавшего пробуждаться, и воздействие мировых событий, прежде всего Великой Октябрьской социалистической революции, дали мощный стимул поискам путей национального освобождения и социального прогресса в Индии. Неру уже не могли удовлетворить ни национализм сам по себе, ни расплывчатые социалистические идеалы юности.

Великая Октябрьская социалистическая революция сразу же встретила живой отклик в Индии. Под ее воздействием индийские борцы за свободу стали гораздо активнее, чем прежде, обращаться к массам. В 1919 г., незадолго до своей кончины, вождь националистов-демократов Бал Гангадхар Тилак, выступая на митингах рабочих, сказал, что «главным врагом является чужеземная власть». В то же время он указал: «Сила рабочих организаций будет расти, и с течением времени именно рабочие придут к власти»²⁸.

Если в 1906—1907 гг. имели место лишь немногие и малоуспешные попытки создать профсоюзы, то теперь они возникали повсеместно. В 1918—1920 гг. уже насчитывалось более сотни профсоюзов, правда, многие из них оказывались неустойчивыми. Достаточно напомнить о неграмотности подавляющего большинства рабочих. Во главе профсоюзов вставали общественные и политические деятели весьма различного толка, в том числе и такие, которые были далеки от национально-освободительной борьбы. Однако наиболее значительную роль в создании первых профсоюзов в Индии сыграли именно националисты-демократы. В 1920 г. по инициативе Тилака было основано общеиндийское профсоюзное объединение — Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП). На его первом съезде председательствовал известный лидер националистов-демократов начала века Ладжпат Рай. В своей речи он говорил о важной роли рабочих в национально-освободительной борьбе на основе национального единения, подчеркивая вместе с тем необходимость организации рабочих для защиты их собственных интересов. При этом он уже связывал поднимавшееся рабочее движение в Индии с международным

рабочим движением. «Рабочие Индии,— говорил он,— объединяют свои силы не только для того, чтобы защитить собственные интересы, но и стать звеном в международном братстве рабочих... Впереди идет русский рабочий, который поставил своей целью установление диктатуры пролетариата»²⁹.

В начале 20-х годов в Индии возникли коммунистические группы. В 1922 г. первые индийские коммунисты на ежегодной сессии Индийского национального конгресса выдвинули свою программу, которая наряду с завоеванием независимости предусматривала осуществление ряда социально-экономических преобразований — ликвидацию помещичьего землевладения, национализацию крупной промышленности, предоставление рабочим права на организацию, установление минимальной заработной платы, восьмичасового рабочего дня и т. п.

Конгресс эту программу не принял. Тем не менее новая перспектива развития национально-освободительного движения и будущей свободной Индии привлекала активистов профсоюзных и молодежных организаций, молодых деятелей Конгресса, среди которых уже выделялся Джавахарлал Неру. Уже в 1919—1920 гг. он пытался сформулировать свои идеи в статье под названием «Пути к свободе». В ней говорилось, что «все больше и больше людей приветствуют возникновение нового строя в России», а «трезвое и критическое изучение идей, лежащих в его основе, помогло бы в решении проблем, стоящих перед нашей страной». И далее: «Какая-то форма коммунизма, возможно, окажется более соответствующей духу народа Индии, нежели парламентская система», ибо последняя «не даст нам того мира, к которому мы стремимся»³⁰. Однако эта статья осталась неопубликованной. Впоследствии Неру писал: «Я отнюдь не был пионером на социалистическом поприще в Индии. Собственно говоря, я даже отстал в этом отношении и лишь с трудом продвигался по тому пути, который был проложен многими, опередившими меня. Рабочее профсоюзное движение было явно социалистическим по своей идеологии. То же самое можно сказать о большинстве молодежных лиг... События, происходившие в Советском Союзе, в особенности пятилетний план, усилили эту тенденцию»³¹.

В 30-х годах тяготение Неру к социалистическому идеалу, намечавшееся еще в юности и получившее импульс в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, переросло в приверженность. Этому способствовали, с одной стороны, события в самой Индии, с другой — непосредственное знакомство Неру с международным рабочим и коммунистическим движением и с первыми достижениями социалистического строительства в СССР. В конце 20-х годов в Индии поднялась новая волна забастовочной борьбы фабричных рабочих. Во многом благодаря деятельности коммунистов индийское рабочее движение становилось более организованным и боевым. Забастовки рабочих и выступления студенчества возвестили новый

подъем национально-освободительного движения в начале 30-х годов. Именно в это время Неру, выступив за соединение борьбы за национальную свободу с делом общественного преобразования, приобрел особое влияние в Конгрессе как его ведущий лидер.

Контакты с участниками международного рабочего и коммунистического движения и борцами за национальную свободу в других колониальных и зависимых странах во время поездки в Европу в 1926—1927 гг., участие в Брюссельском конгрессе Лиги борьбы против империализма, а затем посещение Советского Союза сделали его убежденным поборником единства действий антиимпериалистических сил в мировом масштабе.

«Становилось все более ясно,— писал Неру в связи с Конгрессом в Брюсселе,— что борьба за свободу — есть общая борьба против общего противника — империализма и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности и предпринять совместные действия»³².

Неру совершил свою первую поездку в СССР, когда наша страна только приступала к социалистическому строительству. В СССР его поразили «энергия, решимость, способность выносить тяготы и лишения ради достижения цели»³³. Его книга «Советская Россия» (1929), как и «Письма о России» (1930) Рабиндраната Тагора, тоже написанные по впечатлениям о поездке в СССР, сыграла выдающуюся роль, удовлетворяя растущий интерес индийцев к первой стране социализма и утверждая симпатии к ней. И Джавахарлал Неру и Рабиндранат Тагор, каждый по-своему, стремились извлечь из опыта СССР урок для Индии. Они оба видели в Стране Советов вдохновляющий пример возрождения народа, а их рассказ о ней звал на борьбу за свободу и возрождение Индии.

Можно выделить три основных фактора, обусловивших уже тогда симпатии Неру к Стране Советов и заинтересованность в ее успехах. Каждый из этих факторов имел самостоятельное значение, но действовали они в общем направлении.

Во-первых, последовательная борьба СССР против империализма и поддержка национально-освободительного движения. Это имело решающее значение для Неру, как и для многих борцов за национальную свободу, в их отношении к Советскому Союзу, который являлся единственным союзником национально-освободительного движения угнетенных народов, располагавшим материальной силой. В 1928 г., выступая перед студентами в Калькутте, Неру говорил: «Несмотря на многие свои ошибки, Россия сегодня — величайший борец против империализма; то, что она сделала для народов Востока, справедливо и великодушно. Россия идет на Восток как равный, а не как завоеватель или высшая раса. И разве удивительно, что ее приветствуют?»³⁴

Во-вторых, проявив поразительную, но рационально обоснованную проницательность, Неру оценил значение для Индии усилий советского народа в деле подъема экономики и культу-

ры еще тогда, когда советский опыт лишь зарождался. В книге «Советская Россия» он отмечал, что СССР и Индия «являются огромными сельскохозяйственными странами, где индустриализация только начинается, и им обоим предстоит преодолеть бедность и неграмотность». Далее он указывал: «Если Россия найдет удовлетворительное решение этих проблем, то наша работа в Индии будет облегчена»³⁵.

В-третьих, симпатии Неру к СССР были обусловлены теми передовыми социальными стремлениями, которые возникали у него еще в юности и формировались в обстановке подъема национально-освободительного движения 20—30-х годов. В них нашла свое отражение и та традиционная заинтересованность в мировом прогрессе, которая возникла у передовых индийских деятелей и борцов за свободу еще в XIX в. Неру указывал именно на мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции: «Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое неугасимое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир... Если будущее полно надежды, то это в большой мере благодаря Советской России и сделанному ею»³⁶.

Неру отдавал себе отчет о той «зачастую огромной цене», которую, как он писал, советскому народу пришлось заплатить за свои достижения. Он видел «многие неудачи» первого в мире опыта построения социализма, которые причиняли ему «сильную боль». В 1935 г. он отмечал, что «чрезмерное применение насилия и мер подавления может иметь плохие последствия, от которых трудно будет избавиться»³⁷. Как и Ганди он горячо надеялся на то, что Ганди называл изменением «формы», но не существа «большевистского режима» в России. Неру был поистине непоколебим в своем убеждении, что опыт социалистического преобразования в СССР и само существование первой страны социализма играют огромную роль в деле мирового прогресса вообще и в деле освобождения угнетенных империализмом народов в особенности. В январе 1940 г., т. е. в начале второй мировой войны, он писал: «Мы должны быть начеку в связи с кампаниями, которые ведутся в других странах и в Индии против Советов. Нам следует держаться нашей веры (если мы действительно верим) в социализм и в социалистический строй как в средство устранить пороки мира. Мы должны помнить, что Советская Россия, несмотря на многие неудачи, далеко продвинулась в установлении этой экономической системы, и было бы трагедией, если бы данный великий порядок вещей, обещающий столь многое для будущего, был бы разрушен или подорван. Поэтому мы заявляем о нашем дружественном отношении к социализму России, и любое покушение на него встретит наше решительно осуждение»³⁸. Еще через два года он более определенно, чем когда-либо прежде, указал на значение достижений СССР для возрождения Индии: «Наши проблемы аналогичны тем, с

которыми столкнулась Россия какое-то время назад, и они могут быть решены таким же образом, как их решали русские. Мы должны использовать урок, который дает нам СССР, для индустриализации и развития образования в нашей стране»³⁹.

Если Ганди в 1905 г. призывал индийцев извлечь «урок» из революционных событий в России для развертывания массовых действий против английских властей, то Неру много лет спустя тоже говорил о важном для Индии «уроке», который давала советская страна в деле развития. Показательно и то, что эти слова были сказаны Неру в феврале 1942 г., когда советский народ вел войну не на жизнь, а на смерть с фашистскими захватчиками. В том же году Махатма Ганди говорил, что Россия не может потерпеть поражения в войне, потому что иначе «кто же в мире останется у бедняков»⁴⁰, значит, и у самой тогдашней Индии. А годом раньше прозвучали слова Рабиндраната Тагора: «Только они (Советы.— Э. К.) укротят (фашистского.— Э. К.) зверя»⁴¹.

Существенное воздействие на формирование общественных воззрений Неру оказало изучение трудов основоположников научного социализма, углубив его приверженность социалистическому идеалу, которую он сохранил до конца дней. Это проложило определенный мировоззренческий рубеж между ним и индийскими национальными лидерами предшествующего поколения, включая Ганди, а также многими современными ему деятелями Конгресса гандистского или буржуазно-либерального толка. «Изучение Маркса и Ленина,— писал Неру,— оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете. В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий новый смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным. Практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление»⁴².

Под влиянием идей научного социализма и достижений СССР у Неру складывалось убеждение, что «единственным ключом к решению мировых проблем и проблем Индии является социализм», как заявил он с трибуны сессии Конгресса в 1936 г. На смену моралистическим представлениям теперь приходило понимание социализма как объективного результата исторического развития общества и стремление осуществить в Индии общественные преобразования, ведущие к социализму. В том же выступлении Неру говорил: «Я употребляю это слово (социализм.— Э. К.) не в расплывчатом гуманистическом значении, а в научном, экономическом смысле. Вместе с тем социализм — нечто большее, чем экономическое учение, это — философия жизни, и в качестве таковой он также влечет меня. Кроме социализма, я не вижу иного пути покончить с нищетой, огромной безработицей, деградацией и подчинением народа Индии. Это

«уменьшением сельскохозяйственной задолженности и контролем над ростовщичеством»⁴⁶.

Таким образом, Конгресс еще не решался говорить о ликвидации помещичьего землевладения. В 1932 г. руководящий орган Конгресса — Рабочий комитет — заявил, что Конгресс «не намерен покушаться на чьи-либо законные интересы, которые не противоречат благосостоянию нации», и «призывает землевладельческие и имущие классы всеми средствами помочь Конгрессу в его борьбе за свободу страны». В 1934 г. Рабочий комитет выпустил своего рода разъяснение, в котором указывалось, что Резолюция об основных правах и экономической программе «не предполагает ни конфискации частной собственности без справедливого основания и компенсации, ни пропаганды классовой войны», ибо и то и другое «противоречит вере Конгресса в ненасилие». Далее говорилось, что «Конгресс намеряет более разумное и справедливое использование частной собственности, чтобы предотвратить эксплуатацию безземельных бедняков, и стремится к налаживанию более здоровых отношений между трудом и капиталом»⁴⁷. Это была компромиссная программа демократического общественного преобразования. Она играла свою антиимпериалистическую мобилизующую роль, однако не выходила за пределы довольно умеренного буржуазного реформизма.

Неру хорошо сознавал это и, имея в виду названную выше Резолюцию, отмечал, что «капиталистическое государство легко могло бы принять почти все, содержащееся в этой резолюции»⁴⁸.

В 1938 г. Неру возглавил Национальный комитет по планированию, созданный под эгидой Конгресса. Комитету предстояло подготовить «всеобъемлющий план национального развития», основой которого должна была стать индустриализация. Неру писал, что работа в Национальном комитете была ему особенно по душе. Хотя Национальный комитет был разнороден по составу и социально-политической ориентации участников (как, впрочем, и сам Конгресс), большинство его членов вместе с председателем высказались за государственную собственность на основные отрасли промышленности, ликвидацию крупного помещичьего землевладения, национализацию земли и развитие сельскохозяйственной кооперации. Значительное и влиятельное меньшинство стремилось сузить и ограничить намеченную программу преобразований, предлагая, в частности, вместо установления государственной собственности на крупную промышленность предусмотреть государственный контроль над нею. «Некоторые влиятельные круги в самом Конгрессе, по инициативе которого был создан Комитет,— писал Неру,— смотрели на него как на нежеланного ребенка, не зная, что из него получится, и с недоверием относились к его будущей деятельности. Представители крупного капитала были явно встревожены и настроены критически и, вероятно, вступили в Комитет из тех соображений,

что легче защищать свои интересы, находясь внутри его, чем за его пределами»⁴⁹.

Во второй половине 30-х годов возросла роль профсоюзных, крестьянских и других массовых организаций в политической жизни страны. В деятельности Конгресса приняли участие коммунисты, и Конгресс стал превращаться в организацию единого антиимпериалистического фронта. Усилия Неру способствовали этому. Он выступал за то, чтобы в Конгрессе были представлены профсоюзы и крестьянские организации, за массовые действия на их базе. «Сутью нашей борьбы за свободу является организация масс и массовое действие»,—говорил он. В своей речи председателя сессии Конгресса в 1936 г. (Файзпур) он призывал к созданию «мощного единого фронта всех антиимпериалистических сил в стране» при «активном участии организованных рабочих и крестьян». Указывая на растущую угрозу фашизма и войны, он призывал Конгресс «объединиться со всеми прогрессивными силами мира и выступать за мир во всем мире»⁵⁰.

Впоследствии, оценивая свою деятельность, он писал: «Некоторое время мне казалось, что Конгресс поддается моему влиянию и следует по намеченному мною пути. Но вскоре я понял, что конфликт носит глубокий характер. Мне трудно было сработаться с членами руководящего органа Конгресса, и я понял, что они смотрят на мою деятельность с опаской. Дело было не столько в том, чтобы они выступали против каких-либо конкретных моих действий, а в том, что им не нравился общий курс и направление моей деятельности. Подобное отношение с их стороны было вполне оправданно, так как мы расходились во взглядах. Я полностью выполнял решения Конгресса, но старался подчеркнуть одни стороны этих решений, в то время как мои коллеги делали упор на другие стороны»⁵¹.

В конфликте, возникшем в Конгрессе в конце 30-х годов, возобладал умеренный национально-буржуазный реформизм, и Неру, очевидно, вынужден был смириться со сложившимся соотношением сил. Но и исход этого конфликта заводил Конгресс в тупик. «Вулкан еще не действовал, но он существовал, и уже был слышен его глухой гул. Мы еще находились в тупике...» — писал Неру о тогдашнем положении в стране и Конгрессе⁵².

Ко времени окончания второй мировой войны «вулкан» начал действовать. Национально-освободительное движение получило невиданный прежде размах: в 1946 г. восстали индийские военные моряки и вспыхнули волнения в армейских частях, примерно половина всех рабочих современной промышленности была охвачена забастовками, которые «грозили парализовать экономику страны»⁵³, нарастали крестьянские выступления. Наряду с мощным подъемом освободительной борьбы в Индии «великая победа Советского Союза во второй мировой войне явилась одним из важнейших факторов незамедлительной передачи власти»⁵⁴, как писал индийский исследователь Бимал Прасад, имея в виду достижение Индией независимости в 1947 г. В этой об-

становке Ганди назвал Неру своим преемником. Неру стал первым премьер-министром свободной Индии.

Радикализм Джавахарлала Неру 30-х годов — бескомпромиссное требование полной независимости и пропаганда необходимости социалистически ориентированного общественного преобразования — отражал значительный рост национально-освободительного движения. Однако общее соотношение социально-политических сил в нем и тем более в стране в целом радикально не изменилось. Своеобразие общественного развития (элитарная модернизация) в колониальной Индии обуславливало национально-буржуазное преобладание в освободительном движении, и в особенности преобладание имущих классов, включая их феодально-помещичьи и прочие влиятельные консервативные и реакционные элементы, в общественно-политической жизни страны. Тем не менее благодаря деятельности растущих передовых сил внутри и вне Конгресса национально-освободительное движение все более приобретало боевой, наступательный характер и прогрессивную социальную направленность. Создавались и углублялись его передовые, демократические традиции, которые сыграли важную роль в политическом развитии независимой Индии.

Конечно, были немалые различия в подходе и в конкретных действиях тех, кто вел борьбу за свободу преимущественно вне Конгресса — прежде всего коммунистов, с одной стороны, и передовых лидеров самого Конгресса таких, как Джавахарлал Неру, — с другой. Однако и те и другие выступали в авангарде национально-освободительной борьбы, и те и другие вели ее самоотверженно. Достаточно напомнить, что Неру находился в заключении одиннадцать лет, а это было уделом лишь немногих. В то же время он мог стать и оставаться влиятельным лидером Конгресса, сподвижником Ганди только при условии непосредственного учета общего соотношения сил в Конгрессе и стране. Положение Неру в Конгрессе ограничивало его деятельность в определенных отношениях и сказывалось на воззрениях. Но оно же позволяло ему вести дело свободы и прогресса Индии в качестве лидера борьбы за независимость, а затем в качестве первого государственного руководителя.

Махатма Ганди как никто другой оценил значение способности Неру сочетать передовой подход с учетом социально-политических реальностей. И надо сказать, что во многом именно благодаря Неру эта способность вошла в политическую культуру прогрессивных сил страны. Слова Махатмы Ганди о Джавахарлале Неру прекрасно характеризуют обоих замечательных политических вождей Индии: «Некоторые говорят, что он „стремителен и нетерпелив“. Но в настоящий момент это качество лишь дополняет его достоинства. И если ему свойственны порыв и стремительность воина, то ему также присуща расчетливость государственного деятеля... Он, несомненно, „крайний“, чье мышление опережает окружающую его действительность. Но он до-

статочно скромнен и практичен, чтобы не доводить дело до разрыва. Он кристально чист и правдив, вне всякого сомнения. Это рыцарь без страха и упрека. Нация может чувствовать себя уверенно в его руках... Потребовалось бы нечто гораздо большее, чем различия во мнениях, чтобы разлучить нас. У нас были разногласия начиная с того самого времени, когда мы стали работать вместе, и все же я уже несколько лет говорил и повторяю сейчас, что не Раджаджи⁵⁵, а Джавахарлал станет моим преемником. Он утверждает, что не понимает моего языка и что он говорит на языке, который чужд мне. Так ли это или нет, но язык — не препятствие для союза сердец. И я знаю, что, когда я уйду, он будет говорить на моем языке»⁵⁶.

Программа развития

Осуществлявшаяся под руководством Неру программа самостоятельного национального развития не была импровизированной. Она вырабатывалась на протяжении двадцати лет, предшествовавших достижению независимости, прежде всего благодаря усилиям самого Неру. Она отражала, хотя и в более умеренной форме, его подход, сложившийся в то время.

В соответствии с этой программой были проведены политические и социально-экономические преобразования, направленные на устранение колониально-феодалного наследия и создававшие важные предпосылки дальнейшего прогресса страны.

При достижении независимости была установлена политическая система парламентарной демократии и принимались меры, направленные на предотвращение возникновения военно-авторитарного режима. Феодалные княжества были быстро ликвидированы. При этом важную роль сыграли: утверждение секулярного характера государства, провозглашение равенства независимо от религиозной и кастовой принадлежности, предоставление традиционно наиболее угнетенным социальным группам (бывшие «неприкасаемые» — хариджаны, а также малые народности, или «племена», *адживаси*) представительства в законодательных и местных выборных органах и на государственной службе («резервирование»).

Установление политической демократии (парламентарного строя) существенно отличает Индию от многих других развивающихся стран, где власть имущих классов осуществляется в форме различного рода авторитарных режимов. Во многом это результат демократических традиций, сложившихся в ходе длительного развития национально-освободительного движения вообще и массовой борьбы, в том числе рабочего движения, в особенности. Недаром Махатма Ганди говорил, что национальное движение призвано «воспитывать у масс сознание их способности воздействовать на власть и контролировать ее»⁵⁷.

Будучи убежденным демократом, но отнюдь не идеализируя

буржуазную демократию, Неру видел в демократических правах, свободах и процедурах важный фактор как личностного развития человека, так и общественного прогресса, тем более в условиях классового общества. Он говорил: «Человеческая природа со всем, что в ней есть хорошего, дурного или заурядного, находит отражение в демократии. Вы можете усмотреть в ней слабость, но на деле демократия дает в конечном счете огромную силу, непреходящую и устойчивую. Она является единственной гарантией осуществления нашей общенациональной политики перед лицом реакции. Поэтому было бы неверным менять нам основной подход к демократии только потому, что мы проходим период кризиса или чего-то подобного»⁵⁸.

Установление парламентарной демократии применительно к весьма сложным и своеобразным условиям страны, потребовавшим искусного, недогматического подхода, сыграло важную роль в уничтожении вековой приниженности народных масс, в их политической активизации. Это способствовало проведению социально-экономических преобразований и укреплению независимости, помогало преодолевать сопротивление консервативных и реакционных сил.

Неру с удовлетворением отмечал у простых людей рост чувства собственного достоинства, «определенной уверенности в себе, способности без стеснения говорить с крупными чиновниками или министром, сознания своего дела и веры в него»⁵⁹. Он также считал закономерным достижением в условиях Индии подъем массовых выступлений, забастовок рабочих в защиту их интересов и т. п. «Если мы присмотримся внимательнее,— говорил он,— то увидим, что те, кто бастует, находятся в относительно лучшем положении. Нищие не бастуют. Бастовать, демонстрировать могут те, кто имеет силы и средства для этого»⁶⁰.

В соответствии с подходом, который вырабатывался в национальном движении с начала XX в., государственно-территориальное деление Индии на штаты (в прошлом — «провинции») было приведено в соответствие с расселением крупных индийских народов («реорганизация штатов»), а самим штатам предоставлена автономия в рамках централизованной федерации — Индийского Союза. Неру не хотел спешить с реорганизацией штатов, опасаясь, что это отнюдь не простое дело отвлечет «энергию и ресурсы, необходимые для решения главных экономических задач настоящего времени». Однако в 1953 г. он указывал, что, если требование реорганизации штатов «достаточно утвердилось и имеется общее согласие тех, кого это касается, мы должны удовлетворить его»⁶¹. Проведенная впоследствии реорганизация штатов наряду с наделением их определенной автономией еще при принятии конституции в 1950 г. во многом обеспечила единство огромной многонациональной страны на демократической основе. Эта мера фактически предупредила многие этнонациональные конфликты, которые неизбежно возникли бы при сохранении прежнего чересполосного территориального де-

ления, унаследованного от колониальных и даже доколониальных времен. Конечно, реорганизация шатов не могла устранить этнонациональные проблемы, порождаемые буржуазным развитием, но будучи демократической мерой, она во многом снизила их остроту. Особо важное, можно сказать решающее, значение для обеспечения единства огромной многонациональной страны имел разработанный Неру курс на овладение государством командными высотами экономики.

В годы национально-освободительной борьбы руководство Национального конгресса не решалось непосредственно выдвинуть требование ликвидации феодально-помещичьего землевладения, хотя передовые силы национального движения, в частности Неру, настаивали на этом еще в 20-х годах. В результате подъема борьбы крестьянства в первые годы независимости была проведена аграрная реформа: ликвидировались за выкуп традиционные феодальные права на землю помещичьей аристократии—заминдаров, талукдаров и т. п., а наследственные арендаторы в их прежних владениях становились собственниками земли. Правда, помещики нередко сохраняли часть своих владений, которую они держали на правах частной собственности;—такие земли обрабатывали издольщики и сельскохозяйственные рабочие. Не обошлось без попыток сорвать и эту ограниченную аграрную реформу. Ее противники обратились в суд, ссылаясь на право собственности, которое тогда входило в число «основных прав» граждан, гарантированных конституцией (впоследствии оно было исключено из их числа). Отвечая им в парламенте, Неру, между прочим, говорил: «Эта система (феодалное землевладение.— Э. К.) не может более сохраняться, и не имеет значения, что могут гласить ваши основные права, что может гласить ваша Конституция и что могут решить ваши суды. Если вы не будете смотреть дальше этого, то окажетесь в условиях революционной ситуации, которая игнорирует все эти вещи»⁶².

Незадолго до кончины Неру было принято новое аграрное законодательство, которое в отличие от прежней аграрной реформы предусматривало уже не только отмену феодальных прав помещичьей аристократии на землю, но частичное перераспределение земли в пользу безземельной деревенской бедноты путем введения максимального размера («потолка») землевладения. Предусматривались и другие меры, направленные на изживание кабальных форм эксплуатации деревенской бедноты. Эти меры, особенно введение «потолка» землевладения, встретили гораздо более упорное сопротивление и стали частично осуществляться лишь с 70-х годов.

Под руководством Неру и благодаря его усилиям начал создаваться государственный сектор в материальном производстве, и на этой основе стало внедряться определенное плановое начало в экономическое развитие. За годы независимости государственный сектор достиг внушительных размеров. Он охватывает целиком или в основном транспортную инфраструктуру и

связь, ирригационное строительство, металлургическую и топливно-энергетическую базу промышленности, тяжелое машиностроение и станкостроение, оборонную промышленность, кредитно-финансовые учреждения. Предусматривалось, что государство овладеет «командными высотами экономики» и это позволит предотвратить «концентрацию экономической власти в руках немногих», т. е. рост крупного монополистического капитала. Между тем государственный сектор, действуя в рамках «смешанной экономики», включает лишь меньшую часть обрабатывающей промышленности вообще и легкой в особенности. Он создавался в основном не путем национализации, а путем строительства новых предприятий в отраслях, специально зарезервированных за ним целиком или частично. Создание государственного сектора и определенное экономическое регулирование сдерживали рост монополистического бизнеса; но не предотвращали его, тем более что государство наряду с поддержкой мелкого предпринимательства и определенной защитой его от натиска монополий оказывало финансовую поддержку также и крупным промышленным домам. В результате, если государственный сектор развивался опережающими темпами, то одновременно росло и частное предпринимательство, как крупное, так и мелкое, что обеспечивалось экономическим регулированием в рамках «смешанной экономики».

На рубеже 60—70-х годов проводилась предусмотренная еще при жизни Неру выборочная национализация некоторых предприятий и отраслей из числа принадлежащих местным и иностранным монополиям и подчас приведенных ими в расстройство (банки, общее страхование, угольная промышленность, некоторые другие предприятия, в том числе текстильные фабрики). На национализированные предприятия приходилось тогда около 17% капиталовложений частного корпоративного сектора. На предприятиях государственного сектора (не считая учреждений «социальных услуг» в государственном секторе) сосредоточено около 60% всех занятых в современных («организованных») отраслях экономики (без «социальных услуг») ⁶³. В число этих отраслей не входят сельское хозяйство (кроме плантаций) и ремесленное производство. Хотя учет занятости в частном секторе неполный, все же государственный сектор в современной сфере экономики Индии, очевидно, не уступает частному сектору, и, несомненно, он значительно больше монополий. Однако в «организованной» сфере занято лишь около 10% всего «работающего» населения страны, а если не считать «социальные услуги», то еще меньше.

Доля государственных предприятий в обрабатывающей промышленности (менее 40% занятых) оказывается гораздо меньше, чем в «организованной» сфере в целом, хотя и в обрабатывающей промышленности государственный сектор развивался гораздо быстрее частного. Сохраняющееся значительное преобладание частного сектора в обрабатывающей промышленности

означает, что государственные предприятия поставляют преимущественно первичную и промежуточную продукцию, а их главными клиентами являются промышленные предприятия частного сектора. «Государственный и частный секторы, действуя каждый в определенной сфере, не конкурируют друг с другом. Они в значительной мере взаимозависимы; по правде говоря, частный сектор более зависит от продукции и эффективности государственных предприятий»⁶⁴. Таким образом, цикл общественного производства в промышленности, если он начинается в государственном секторе, завершается главным образом в частном, который производит преимущественно конечную продукцию. Такое положение, а именно отсутствие более или менее существенной завершенности производственного цикла в государственном секторе, очевидно, служит объективным экономическим показателем того, что здесь государственный сектор не является социалистическим укладом, а представляет определенную форму государственного капитализма в развивающейся стране.

В то же время создание внушительного государственного сектора позволило осуществить индустриализацию на национальной основе и укрепить тем самым независимость страны, включая ее обороноспособность, а также в известной мере ограничивать влияние монополий. Недаром политика развития государственного сектора неизменно встречала наибольшее сопротивление консервативных сил, поддерживаемых иностранными империалистическими кругами. Это сопротивление стало особенно ожесточенным и привело к политическому кризису, когда в начале 70-х годов дело дошло до национализации даже немногих частных предприятий, а также до частичного перераспределения земли в пользу деревенской бедноты на основании законодательства о «потолке» землевладения. Определенные монополистические круги теперь выступают за приватизацию государственных предприятий.

В Индии основы индустриализации были заложены не частным капиталом, будь то иностранным или местным, а государством, и государственный сектор именно в материальном производстве значительно превосходит монополии. Это препятствует превращению государственного капитализма в государственно-монополистический, хотя и не исключает попыток консервативных сил действовать в этом направлении. Рост государственного сектора, укрепляя национальную самостоятельность, означает также и создание определенных предпосылок для социализма. Не больше, но и не меньше. В. И. Ленин отмечал, что государственный капитализм есть «полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»⁶⁵. При этом особое значение Ленин придавал той общественной обстановке, в которой создается и получает развитие государственно-капиталистический сектор. Учитывая сово-

купность общественных условий страны и эпохи, конечно, весьма противоречивую, а также имея в виду масштабы государственного сектора и его роль в национальном развитии, очевидно, можно сказать, что в Индии создание внушительного государственно-капиталистического сектора в материальном производстве означает создание как материальных, так и некоторых социальных предпосылок для социалистически ориентированного развития. Ведь здесь в государственном секторе сосредоточено не менее половины всех занятых в современной сфере экономики (кроме сельского хозяйства), условия и оплата труда на государственных предприятиях, как правило, заметно лучше, а промышленных конфликтов в несколько раз меньше, чем на предприятиях частного сектора. В сознании народных масс в значительной мере утвердилось убеждение, что именно правительство (*саркар*) должно строить заводы и фабрики, чтобы дать людям работу, и заботиться о благосостоянии народа.

Следует также иметь в виду, что государственный сектор в материальном производстве и осуществляемое на его основе экономическое регулирование играют решающую роль в обеспечении единства экономической жизни огромной многонациональной развивающейся страны и тем самым служат важным фактором ее целостности. Соответственно реализация объективных экономических и политических потребностей в сохранении и укреплении единства страны взаимосвязаны с развитием государственного сектора и планового начала.

Свою приверженность социалистическому идеалу Неру сохранил до конца жизни. В 1959 г. он говорил, что «современный подход, научный подход есть социалистический подход», капитализм «более не соответствует нынешнему веку» и «мир перерос эту стадию»⁶⁶. «Капитализм сегодня претерпел большие изменения, но он сохраняет свои основные черты и ведет к монополиям и концентрации экономической власти»⁶⁷. Он неустанно повторял: «Мы приняли социализм в качестве нашей цели не только потому, что он представляется справедливым и благим, но и потому, что нет иного пути решения наших экономических проблем»⁶⁸.

Конечно, Неру хотел видеть уже в первых трех индийских пятилетних планах «элементы социализма» и даже говорил, что их становилось все больше от плана к плану. Но он признавал: «В сущности, это еще не социализм, но научное планирование, имеющее целью заложить основу прогресса в будущем... Мы еще далеки от социализма»⁶⁹.

Думается, что здесь Неру определил ту историческую роль (во всяком случае, важнейший ее элемент), которую он сыграл на посту руководителя Индии,— создание основы прогресса в будущем. И он страстно желал, чтобы этот прогресс вел к социальной справедливости, был социалистическим: «Как роскошь

богачей, так и нищета бедняков вульгарны и ведут к деградации. Я хочу уничтожить и то и другое»⁷⁰. Говоря о перспективе смешанной экономики, Неру заявил в парламенте в 1956 г.: «Если очевидно, что государственный сектор должен расти и даже к настоящему времени он вырос как абсолютно, так и относительно, то это не означает, что частный сектор не имеет значения. Он будет играть важную роль, но в конце концов отомрет»⁷¹. В другом случае он говорил, что «государственный и частный секторы постепенно сольются воедино»⁷².

Как это произойдет, он не пытался определить, вероятно потому, что это не являлось для него непосредственной и реальной задачей. Правда, в годы борьбы за независимость он писал: «Национализация средств производства и распределения, по-видимому, неизбежна... На пути к ней могут быть промежуточные станции, но трудно себе представить, что два противоположных, находящихся в конфликте друг с другом процесса могут развиваться параллельно»⁷³.

Его высказывания, относящиеся к середине 30-х годов, отразили как необходимость преодоления сопротивления общественному преобразованию, так и стремление к компромиссу, но последнее и тогда, очевидно, оказывалось преобладающим: «Если привилегированные группы препятствуют осуществлению насущно необходимых реформ, разумно и нравственно ли стараться сохранить их ценой страданий и нищеты масс?» — писал он в 1936 г. Однако тут же он добавлял: «Если бы можно было прийти к какому-либо соглашению с этими привилегированными группами, то это было бы весьма желательно. Можно расходиться во взглядах на то, справедливо это или не справедливо, но едва ли кто-нибудь усомнится в целесообразности такого решения»⁷⁴. Впоследствии достижение социального компромисса становилось для него обязательным условием осуществления общественного преобразования. Неру вновь и вновь ссылаясь на Ганди, ставил в пример его «удивительное умение смягчить противоречия».

Он признавался в происшедшей в нем самой перемене: «Да, я изменился. Акцент на этических и духовных решениях не подсознателен. Он делается сознательно, вполне сознательно... Все, что помогает человеку подняться над самим собой, будь то какой-нибудь бог или даже каменный идол, — хорошо, это хорошая вещь, и ее не следует отвергать»⁷⁵. В то же время Неру приходилось иметь дело с активным сопротивлением его собственной политике демократического общественного преобразования да и с нападками на него лично именно со стороны тех, кто поднимал на щит религию, сея религиозно-общинную вражду, а также противопоставляя моральные ценности в их религиозном облачении делу социального обновления, особенно если оно связывалось, как у Неру, с социалистическим идеалом. Неру прекрасно понимал это, ведя идейную и политическую борьбу с консервативной оппозицией. Выступая на массовых митингах в

1952 г., он говорил, что, «прикрываясь религией, привилегированные группы, прежде всего заминдары и капиталисты, ведут борьбу против экономической политики Конгресса». Коммунализм — это «фактически индийская разновидность фашизма». Он был решителен, когда дело шло о предотвращении коммуналистской угрозы единству страны: «Я не позволю снова разделить Индию. Если где-либо в Индии возникнут беспорядки, я подавлю их всеми имеющимися в моем распоряжении средствами» ⁷⁶.

Имея в виду главных политических противников Конгресса — коммуналистскую партию «Джан сангх» и считавшуюся секулярной консервативную партию «Сватантра парти», которая объявляла себя защитницей «дхармы» (религиозной морали), — Неру в 1960 г. говорил: «Они пытаются воспользоваться различными проблемами, трудностями и разочарованиями, чтобы подорвать основу нации. Эта политика ведет к возникновению фашистского государства. С одной стороны, они пытаются затемнить позитивную экономическую политику и политические проблемы рассуждениями о дхарме и снова о дхарме и тому подобных вещах, а с другой — кричат о коррупции» ⁷⁷.

Отдавая дань, даже возросшую, религиозно-моралистической традиции индийского национализма, Неру тем не менее главные свои надежды на прогресс связывал со стремлением народных масс к социальной справедливости, и это тоже традиция индийского национального движения. «В Индии, как и повсюду, две силы получили развитие — национализм и стремление к социальной справедливости. Социализм и марксизм стали символами этого стремления к социальной справедливости и помимо своего научного содержания оказали огромное эмоциональное воздействие на массы» ⁷⁸.

Говоря о своей собственной приверженности социализму, Неру считал себя свободным от каких-либо «догм», а догматизм связывал главным образом с представлением о неизбежности насильственной борьбы за общественное преобразование с вытекающими отсюда тяжкими последствиями. Он считал, что в растущем стремлении масс к социальной справедливости, в их силе заложены возможности общественного преобразования мирным путем. Неру, в частности, ссылаясь на рост демократического сознания масс — «политической демократии», на усиление рабочего движения в капиталистических странах и видел в этом «возможность мирных перемен» ⁷⁹.

Хорошо известно, что творцы научного социализма даже в их теперь уже далекие времена не только предусматривали, но и предпочитали возможность мирного развития социалистической революции, сознавая, однако, что тогда такая возможность если бы и представилась, то лишь как редкое исключение. Многие коммунистические партии уже давно пришли к выводу о необходимости обеспечить мирный путь общественных преобразований в условиях расширяющейся демократии. Конечно,

могут возникнуть и иные локальные ситуации, требующие ответных действий, в том числе и вооруженных, со стороны революционных сил.

Неру считал, что классовая борьба неизбежна в буржуазном обществе. Но он же полагал, а скорее надеялся, что можно проводить общественные преобразования без обострения классовых конфликтов, на основе «сотрудничества». В 1960 г. он говорил: «Классовая борьба ведется всегда. Ее нельзя отрицать или игнорировать. Но мы хотим решить проблему мирным путем, на базе сотрудничества, а не путем обострения конфликтов и стремимся привлекать людей на свою сторону, вместо того чтобы угрожать им борьбой и уничтожением»⁸⁰.

Однако не кто иной, как он сам, встречал сопротивление тех, чьи интересы затрагивала его реформаторская деятельность. В 1959 г. он специально отмечал, что коммунализм и этнонациональные конфликты не представляли для него основную проблему: «Именно столкновение классовых интересов является сегодня проблемой, и в подобных случаях нелегко устранить привилегированные группы»⁸¹. Он не хотел бы никому «угрожать борьбой и уничтожением», но ему приходилось это делать: угрожать помещикам аграрной революцией (и отнюдь не без оснований), чтобы провести аграрную реформу; угрожать коммуналистам силой государства, чтобы защитить единство страны. Соответственно если Неру считал, что «духовный подход» поможет «мирным методам обращения с классовым конфликтом», то он же, настаивая на «мирных методах», вполне определенно заявлял: «Однако они будут иметь успех только в том случае, если мы ставим перед собой надлежащую цель, ясно понимаемую народом»⁸².

Видный экономист Гьян Чанд, в свое время близкий к Неру, высказывал мнение, что Неру, «к сожалению, не принял в расчет необходимости политического действия, опирающегося на силу организованных масс»⁸³. Говорилось и о другом: «Джавахарлал Неру любил действие, и мысль его зачастую отличалась проницательностью. Но ему было присуще нечто такое, что заставляло его сомневаться и становиться нерешительным. Он, видимо, колебался, когда думал о дорогой цене страданий, которыми почти неизбежно сопровождается коренное социальное преобразование. Он не боялся уплатить эту цену сам, но, наверное, думал о страданиях, которые вызовет революционное действие, и отчаянно надеялся, что нашему исстрадавшемуся народу будет дано их избежать»⁸⁴, — писал известный исследователь, ветеран коммунистического движения Хирен Мукхерджи.

Не нам судить, мог ли Неру в его положении сделать больше, чем он сделал. Но несомненно, что он сумел добиться весьма существенных результатов, имевших как непосредственное, так и перспективное значение. Его деятельность во многом обеспечила самостоятельное национальное развитие страны и создание важных предпосылок для дальнейшего прогресса. Поли-

тическая демократия, преобразования, направленные на изживание колониально-феодалного наследия, внушительный государственный сектор, выдвинутая Конгрессом цель построения в Индии «демократического социалистического общества» и утверждения равенства независимо от религиозной и кастовой принадлежности, в том числе помощь традиционно наиболее угнетенным слоям народа, борьба коммунистов и других передовых сил в защиту интересов трудящихся, включая деятельность руководимых коммунистами левodemократических правительств в трех индийских штатах,— все это обеспечило укрепление независимости страны и повело к изживанию вековой приниженности народных масс, деревенской бедноты.

Подъем народных масс является одним из важнейших или даже самым важным достижением самостоятельного национального развития Индии и залогом ее будущего прогресса. Конечно, перед Индией, огромной и весьма своеобразно развивающейся страной, стоит множество требующих решения трудовых проблем, как унаследованных от прошлого, так и вновь возникающих. Тем не менее можно сказать, что в ряде важных отношений — таких, как уровень национальной самостоятельности, политическая демократия, развитие государственного сектора,— созданные в Индии условия для дальнейшего национального возрождения и общественного прогресса оказываются более благоприятными, чем во многих других развивающихся странах.

*Курс внешней политики.
Вклад в формирование
нового политического мышления*

Одним из важных достижений политики Неру, несомненно, явилось использование для национального возрождения и общественного прогресса Индии не только внутренних потенций ее самой, но также и тех значительных возможностей, которые давало соотношение мировых сил, сложившееся в конечном счете благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и образованию мировой системы социализма. Использовать эти возможности позволил разработанный Неру новаторский курс внешней политики Индии — неприсоединение и сотрудничество с Советским Союзом.

Неру определял политику неприсоединения как «сохранение за Индией свободы принимать по всем возникающим для нее внутренним и международным вопросам самостоятельные решения»⁸⁵. Он указывал также на огромные масштабы страны как на объективный фактор самостоятельности ее внешней политики⁸⁶.

Как известно, Неру отбросил антисоветские «опасения» в административных кругах, восходившие к колониальным временам, и решительно пошел на установление сотрудничества с СССР. Он

сыграл в этом деле поистине выдающуюся и по-своему новаторскую роль. Еще не была формально провозглашена независимость, когда в качестве главы временного правительства Индии он обратился к советскому правительству с посланием: «Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет благотворным для обеих стран и послужит делу мира и прогресса во всем мире»⁸⁷.

Ныне является общепризнанным, что взаимопольное советско-индийское сотрудничество помогло Индии заложить основы индустриализации в государственном секторе и укрепить независимость, включая обороноспособность, противостоять империалистическим, неоколониалистским устремлениям и агрессивно-му давлению капиталистических держав и во многом заставило последних пойти на уступки. Неру не раз указывал на непреходящее значение советско-индийских связей: «Дружба между Индией и Советским Союзом не случайна и не основывается на каких-либо преходящих интересах, но имеет гораздо более глубокие корни»⁸⁸.

Действительно, значение разработанного Неру внешнеполитического курса Индии, ее политики неприсоединения, как и значение ее сотрудничества с Советским Союзом, гораздо шире непосредственной и исходной задачи утверждения национальной самостоятельности страны. Неру стремился к тому, чтобы политика неприсоединения способствовала созданию «климата сосуществования», как он говорил, и таким образом служила фактором мира и международного сотрудничества. В его подходе к коренным вопросам современной международной жизни нетрудно обнаружить многое из того, что мы сегодня называем новым политическим мышлением. Это закономерно. Новое политическое мышление, призванное предотвратить ядерную катастрофу и обеспечить мирное развитие и прогресс человечества, вбирает в себя исторический опыт и интеллектуальный потенциал различных стран и народов. Понятно, что Индия, которая своей борьбой за независимость обогатила новым опытом дело свободы и прогресса, а став независимой, сыграла новаторскую роль в международной жизни, внесла и вносит весьма существенный вклад в формирование нового политического мышления. Реализуя этот опыт и принимая во внимание роль Индии, ее национальные лидеры Махатма Ганди и Джавахарлал Неру выдвигали и отстаивали такие жизненные принципы, которые входят в новое политическое мышление.

Ганди, о котором можно сказать словами В. И. Ленина, что он выражал «созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого»⁸⁹, предчувствовал наступление новой мировой эпохи и возможность создания ненасильственного мира. «История — это перечень постоянных войн. Мы же стараемся сделать историю иной. Я говорю это как представитель национального мышления в том, что касается ненасилия»⁹⁰. Эти слова Ганди произнес в 1937 г., а в 1946 г. он ставил вопрос так:

«Разве атомная бомба не показала бесперспективность насилия вообще?»⁹¹.

Конечно, в учении Ганди о ненасилии было немало утопического, вроде утверждений, что только религия может спасти мир, или надежд на то, что ненасилие осуществится в международной жизни, если какое-нибудь государство подаст пример одностороннего разоружения⁹². Однако главное в этом учении — разрешение конфликтов политическими средствами, а не вооруженной борьбой — становится все более актуальным и решительно необходимым в международной жизни. Таким образом, хотя Ганди вырабатывал учение о ненасилии прежде всего применительно к главной задаче тогдашней Индии — достижению независимости, сегодня оно соответствует первейшей глобальной задаче всего человечества — исключению насилия как средства решения международных проблем. Как говорит М. С. Горбачев, «это путь взаимовыгодных соглашений и обоюдных компромиссов на базе общего высшего интереса — не допустить ядерной катастрофы»⁹³.

Джавахарлал Неру, стремясь к «гандистским решениям» коренных вопросов международной жизни, как он говорил, давал этим решениям свою реалистическую трактовку государственно-го руководителя независимой Индии, архитектора ее внешнеполитического курса: «Сила нужна, но мудрость еще нужнее. Только сочетание силы и мудрости есть благо»⁹⁴. Неру настойчиво подчеркивал необходимость изменения традиционного подхода к вопросам войны и мира в современных условиях. Еще накануне второй мировой войны он писал, что «единственной альтернативой международному сотрудничеству является раскол мира, война и нарастающие конфликты между государствами вплоть до всеобщего разрушения»⁹⁵. Если еще не сама вторая мировая война, то появление ядерного оружия и других средств массового уничтожения сделало это заключение Неру безусловным верным.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1961 г., он указывал: «Никогда прежде мир не стоял перед таким выбором, как сегодня: это выбор между самоуничтожением, именно уничтожением, и выживанием... Насилие сегодня — это не то, что насилие вчера, это такое насилие, которое способно уничтожить всех нас»⁹⁶. Отсюда Неру делал вывод о необходимости «изменения подхода», о необходимости «нового образа мышления и нового развития человечества»⁹⁷. Суть нового образа мышления Неру усматривал в исключении войны и в том, что ныне называется деидеологизацией межгосударственных отношений. «Мы должны твердо решить,— говорил он еще в 1959 г.,— что сегодня война исключается, ибо нельзя даже надеяться на победу или на плоды победы... Мы можем серьезно расходиться, но мы должны воздерживаться от гневных нападок и проклятий; мы должны понимать, что это просто абсурдно, когда одна группа называет половину мира „источником зла“ или

„находящейся под властью зла“... что сейчас особенно необходимо, так это изменение подхода»⁹⁸.

Неру обращал особое внимание на возросшее значение общечеловеческих моральных норм и ценностей как фактора сохранения мира и выживания человечества. А это как раз составляет «центральное звено нового политического мышления»⁹⁹. В «моральном уровне человечества» Неру видел «гарантию против использования во зло силы и власти», которые дает человеку научно-технический прогресс¹⁰⁰. В своем оптимизме на этот счет Неру исходил из совершающихся в мире перемен, из развития человеческой личности и роста демократического сознания народных масс в современную эпоху, идущего хотя и с различных исходных уровней, но повсеместно — и в капиталистических, и в социалистических, и в развивающихся странах.

Между тем он, очевидно, расширительно толковал социально-политическое значение научно-технической революции, утверждая, что в результате ее «идеологический конфликт устарел»¹⁰¹. Это так, но лишь в том, что касается межгосударственных отношений, их деидеологизации, когда становится необходимым не только мирное сосуществование стран с различными социально-политическими системами, но и их активное разностороннее сотрудничество в обоюдных интересах и для решения глобальных проблем человечества. Иное дело — идеологические различия и источники конфликтов вообще. Сам Неру отнюдь не был склонен к терпимости в отношении империализма и колониализма. «Империализм и колониализм, какие бы формы они ни принимали, совершенно недопустимы сегодня и являются источником конфликта»¹⁰², — говорил он в 1959 г.

Неру, естественно, придавал особое значение обеспечению самостоятельного национального развития и подъему благосостояния освободившихся стран. Он подчеркивал первостепенную необходимость мира для этих стран, для Индии. На митинге советско-индийской дружбы в Москве в 1961 г. он говорил, что «все мечты о будущем новой Индии рухнут, если на наш истерзанный мир обрушится новая война»¹⁰³. Он решительно настаивал на том, что «нужна такая мировая политика, которая должна положить конец расизму и империализму и предоставить возможность каждой стране определять свою судьбу»¹⁰⁴. Следуя социалистическому идеалу, он видел в устранении «по крайней мере существующего неравенства между людьми и нациями» путь к уничтожению «главной причины конфликта и войн»¹⁰⁵.

Особая роль в формировании и утверждении нового политического мышления принадлежит советско-индийскому сотрудничеству. «Лично для меня совершенно очевидно, — говорил М. С. Горбачев на встрече с парламентариями Индии в 1986 г., — что именно в общении Советского Союза и Индии впервые в практике международных отношений проявилось многое из того, что мы называем новым политическим мышлением. И то, что в нашем диалоге не являются помехой различия в общественно-

политическом строе, идеологии, национальных, культурных и иных особенностях,— чрезвычайно важно как путеводный пример для других»¹⁰⁶.

В Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира Советский Союз и Индия смогли отразить стремление миллионов людей во всем мире к тому, чтобы покончить с отрывом политики от норм нравственности, чтобы гуманистический потенциал, накопленный человечеством, был реализован в практике международных отношений. Сотрудничество двух исторически новых государств, одно из которых создано в результате первой в мире социалистической революции, а другое — победы национально-освободительного движения, отразило кардинальные перемены и новые тенденции в мировом развитии. Отсюда новаторский характер советско-индийских отношений. В советско-индийском сотрудничестве соединились, с одной стороны, ленинская политика первого в мире социалистического государства, а с другой — демократическая политическая культура Индии, сложившаяся в ходе развития ее национально-освободительного движения.

Джавахарлал Неру был замечательным представителем этой демократической культуры.

Можно ли дать типологическую характеристику Неру как историческому деятелю? Во всяком случае, сделать это непросто, и однозначная характеристика вряд ли возможна. Ведь Неру сформировался идейно и политически прежде всего как лидер национально-освободительного движения, которое давало более или менее общее выражение различным перекрещивающимся интересам и стремлениям своих различных социально-классовых участников, весьма многообразных в Индии. Став государственным руководителем независимой Индии, он решал общенациональные задачи укрепления независимости и изживания колониально-феодалного наследия в условиях буржуазного развития страны. Но еще более сложной и неоднозначной делают характеристику Неру условия мировой эпохи, к которой он принадлежал. Эти условия порождали в Индии исключительно многообразные переплетения прошлого, настоящего и будущего. Неру говорил, что современная Индия живет сразу во многих веках. Наряду с многообразием состава индийского национально-освободительного движения это обуславливало сочетания типологически различных элементов в воззрениях и деятельности Неру.

Конечно, Неру был присущ национализм угнетенной нации как исходный пункт, первооснова его политической деятельности и соответственно его общественно-политических воззрений, особенно отношения к проблеме классовых противоречий и классовой борьбы. Во всяком случае, Неру как политический деятель начинал с «чистейшего национализма». Однако вскоре он смог

вполне определенно увидеть «ограниченность» и «недостаточность» национализма, необходимость социального преобразования. Таково отличие Неру от его предшественников — националистов начала XX в., т. е. «крайних». Однако несомненно и то, что выдвинутая им программа общественного переустройства сочеталась с восходившим к национализму стремлением по возможности «избегать» классовых конфликтов в условиях «великой борьбы за независимость», как говорил Неру в 1930 г. Этому он следовал и впоследствии.

Неру был убежденным демократом и отнюдь не только как приверженец политической свободы и правового строя. Этому привержены и либералы. «И буржуазный демократ и либерал (все либералы суть буржуазные либералы, но не все демократы суть буржуазные демократы) настроен против старого порядка, абсолютизма, крепостничества, привилегий высшего сословия и т. д., настроен в пользу политической свободы и конституционного „правого“ строя»¹⁰⁷, — писал В. И. Ленин в 1912 г., разумеется, имея в виду Россию. Как демократ, Неру добивался мобилизации масс на борьбу за свободу, учитывал и во многом представлял их интересы в этой борьбе. О нем можно сказать словами Ленина: «Демократ представляет массу населения... Но демократ верит в движение масс, его силу, его правоту, несколько не боясь этого движения»¹⁰⁸.

Если демократизм индийских националистов начала века, которые также стремились мобилизовать массы, ограничивался в основном протестом против национального гнета, т. е. представлял главным образом как «общедемократическое содержание» национализма угнетенной нации — «*против* угнетения»¹⁰⁹, то демократизм Неру сочетал борьбу за национальную свободу, а в дальнейшем дело укрепления независимости с делом общественного преобразования, хотя и в определенных рамках, исходно обусловленных национализмом угнетенной нации и буржуазным преобладанием в индийском национально-освободительном движении. Поэтому в отличие от индийских националистов начала века, которых можно назвать националистами-демократами, Неру может быть типологически охарактеризован как *национальный демократ*. Представляется, что понятие «национальный демократ» наиболее подходит для характеристики Неру в отличие от «революционный демократ». Последнее, с одной стороны, не отражает подхода, свойственного именно лидеру национального движения, а с другой — акцентирует более высокую степень социального да и политического радикализма, которая такому лидеру обычно не присуща в силу объективных условий развития национального движения.

Понятие «национальный демократ» отнюдь не однозначно понятию «буржуазный демократ», поскольку дальнейшее развитие капитализма после достижения Индией независимости далеко не исчерпывает историческое значение победы национально-освободительного движения ни для самой Индии, ни в миро-

вом масштабе, как не исчерпывает оно и результатов деятельности Неру и в качестве лидера этого движения, и в качестве государственного руководителя независимой Индии. Не исчерпывает в особенности потому, что в нынешних условиях в ходе самостоятельного национального развития страны, являющегося буржуазным, закладываются невиданные прежде непосредственные материальные, а также и определенные социальные предпосылки для социалистически ориентированного развития. Неру был искренне привержен социалистическому идеалу, видел цель в социалистическом ориентированном развитии страны. Его деятельность фактически еще в годы борьбы за национальную свободу, а затем в условиях независимости не только объективно, но и сознательно служила созданию предпосылок для социализма как в сфере экономики (программа создания государственного сектора), так и в сфере общественного сознания (критика капитализма и утверждение социалистического идеала). Следовательно, демократизм Неру представлял нечто большее, чем буржуазный демократизм в собственном смысле, а историческая роль Неру как национального демократа не исчерпывалась ролью демократа буржуазного.

Указывая, что «все либералы суть буржуазные либералы, но не все демократы суть буржуазные демократы», В. И. Ленин имел в виду также и тех демократов, которые, представляя массу народа и отражая ее «стихийный социализм», трактовали общедемократические преобразования как социалистические. Ленин указывал на их огромную роль в борьбе за демократическое преобразование общества, отягощенного феодальными пережитками, но при этом он подчеркивал, что они обещали «за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа даст лишь сто благ»¹¹⁰.

Можно ли в подходе Неру к вопросу общественного переустройства найти элемент субъективно-социалистических представлений? Очевидно, можно. Например, он говорил, что индийские пятилетние планы уже содержали «элементы социализма», которые возрастали от плана к плану. Однако Неру был реалистичен и имел более чем достаточный кругозор, включая заинтересованное изучение теории научного социализма, чтобы тут же самому опровергнуть собственную уступку субъективизму и сказать: «Это еще не социализм».

Стоит обратить внимание также на следующее обстоятельство. В. И. Ленин указывал, что субъективно-социалистические программы народнического типа имели свою «прогрессивную реальность», которая состояла в их разрушительной роли по отношению к средневековью, тогда как «созидательные планы народников — утопия»¹¹¹, т. е. утопичными были их планы построения социализма на основе сельской общины и т. п. Прогрессивность национально-демократической программы Неру состояла отнюдь не только в ее разрушительной роли по отношению к колониализму, его наследию и к индийскому средневе-

ковью. Прогрессивны были также и созидательные планы Неру — это и укрепление национальной самостоятельности страны в результате отпора неокOLONиалистским устремлениям империализма, и осуществление индийско-советского сотрудничества, и создание непосредственных предпосылок для социалистически ориентированного развития прежде всего в результате строительства основ индустриализации в государственном секторе, и вклад, вносимый Индией, в дело всеобщего мира.

Неру сформировался как мыслитель и общественный деятель в эпоху становления социализма, открытую победой Великой Октябрьской социалистической революции, в эпоху революционного подъема национально-освободительного движения, приведшего к крушению колониальной системы империализма. В то же время в эту эпоху мир пережил две мировые войны и получила свое наиболее явное выражение причинно-следственная связь между войной и революцией. Отражая тогдашний уровень мирового развития, это неимоверно отягощало общественное преобразование, обуславливало огромную цену общественного прогресса. Неру воспринял передовые стремления и идеалы своей эпохи, ориентированные на социализм. Вместе с тем он критически осмысливал также и тяжкие негативные уроки своей эпохи, исходя как и Ганди из общечеловеческих ценностей международного мира, гуманизма и демократии. Он сознавал, что эти ценности были в конечном счете существенно продвинуты благодаря огромным социальным переменам первой половины XX в. вопреки всему, что отягощало последние. Эти ценности утверждало индийское национально-освободительное движение, как общедемократическое движение новейшего времени. Его победе, достигнутой в основном мирным путем, во многом способствовало кардинальное изменение соотношения сил в мире и самого мира вообще, начало которому было положено победой социалистической революции в России.

Вот почему многое в наследии индийского национально-освободительного движения и его великих лидеров Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру оказывается созвучным наступающей ныне новой мировой эпохе, когда мирное развитие становится столбовой дорогой общественного прогресса.

Примечания

¹ Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 230.

² VII Congrès Socialiste International. Compte rendu analytique. Bruxelles, 1908, с. 325.

³ См.: Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике.— Полное собрание сочинений. Т. 17.

⁴ Gandhi M. K. Collected Works. Vol. V. New Delhi, 1960, с. 132.

⁵ Nehru J. India's Independence and Social Revolution. New Delhi, 1984, с. 2.

⁶ Неру Дж. Автобиография. М., 1955, с. 13.

- ⁷ Там же, с. 16, 24.
- ⁸ Там же, с. 46.
- ⁹ Ленин В. И. Пробуждение Азии.— Полное собрание сочинений. Т. 23, с. 146.
- ¹⁰ Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике, с. 179.
- ¹¹ Breacher Michal. Nehru: A Political Biography. L., 1959, с. 49.
- ¹² Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955, с. 386.
- ¹³ Gandhi M. K. Indian Home Rule or Hind Swaraj. Ahmedabad, 1946, с. 97; он же. Speeches and Writings. Madras, 1922, с. 770.
- ¹⁴ Маркс К. Маркс — Людовигу Кугельману в Ганновер, 17 марта 1868 г.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 32, с. 450.
- ¹⁵ Тагор Р. Речь председателя на Бенгальской провинциальной конференции в Пабне в 1908 г.— Тагор Р. Собрание сочинений. Т. 11. М., 1965, с. 182, 183.
- ¹⁶ Маркс К. Капитал. Глава I.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 89.
- ¹⁷ См.: Krüger Horst. Har Dayal in Deutschland.— Mitteilungen des Institutes für Orientalforschung. Bd. X.— Pt. 1, 1964, с. 44.
- ¹⁸ Sedition Committee Report. L., 1917, с. 22.
- ¹⁹ Bande Mataram. A Monthly Organ of Indian Independence. Geneva, 1909, № 1, с. 1.
- ²⁰ Why India is in Revolt against British Rule. L., 1917, с. 22.
- ²¹ Неру Дж. Открытие Индии, с. 22.
- ²² Там же, с. 23.
- ²³ East India. Press Act, 1910. Copy of the Indian Press Act, 1910 and Proceedings of the Legislative Council Relating Thereto. L., 1910, с. 22.
- ²⁴ Pal Vepin Chandra. Nationality and Empire. Calcutta, 1916, с. 210.
- ²⁵ Неру Дж. Автобиография, с. 97.
- ²⁶ Nehru J. An Anthology. Ed. by Sarvepally Gopal. Delhi, 1980, с. 145.
- ²⁷ Неру Дж. Автобиография, с. 75, 185.
- ²⁸ Цит. по: Sardesai S. G. India and the Russian Revolution. New Delhi, 1967, с. 23—24.
- ²⁹ AITUC — 50 Years. Documents. New Delhi, 1973, с. 32, 34.
- ³⁰ Цит. по: Bhatia Vinod. Jawaharlal Nehru and the Soviet Union.— Thesis Submitted for the Award of the Ph. D. Degree. Institute of Oriental Studies USSR Academy of Science. M., 1973, с. 27, 28.
- ³¹ Неру Дж. Автобиография, с. 203.
- ³² Там же, с. 180.
- ³³ Nehru J. Soviet Russia. Bombay, 1929, с. 15.
- ³⁴ Nehru J. Speeches and Writings. Allahabad, 1928, с. 87—88.
- ³⁵ Nehru J. Soviet Russia, с. 49, 50.
- ³⁶ Неру Дж. Открытие Индии, с. 24; Congress Presidential Speeches. A Selection. Ed. by Sankar Ghose. New Delhi, 1975, с. 294.
- ³⁷ Неру Дж. Автобиография, с. 617.
- ³⁸ Цит. по: Bhatia Vinod. Jawaharlal Nehru and the Soviet Union, с. 165.
- ³⁹ Nehru J. Before and After Independence. Speeches 1922—1950. New Delhi, 1951, с. 226.
- ⁴⁰ См.: Lal Sundar. India and the Great October Revolution.— India and the World Events. 10.11.1968.
- ⁴¹ Sehanavis Chinmohan. Tagore and the World. Calcutta, 1968, с. 48.
- ⁴² Неру Дж. Открытие Индии, с. 24.
- ⁴³ Congress Presidential Speeches, с. 293, 294.
- ⁴⁴ Неру Дж. Автобиография, с. 203.
- ⁴⁵ Там же, с. 219.
- ⁴⁶ Indian National Congress. Resolutions on Economic Policy and Programme. 1924—1954. New Delhi, 1954, с. 3, 5, 8, 9.
- ⁴⁷ Там же, с. 10.
- ⁴⁸ Неру Дж. Автобиография, с. 288.
- ⁴⁹ Неру Дж. Открытие Индии, с. 429.
- ⁵⁰ Nehru J. India's Independence and Social Revolution, с. 49, 55, 63.

- ⁵¹ Неру Дж. Автобиография, с. 627—628.
- ⁵² Там же, с. 639.
- ⁵³ The Transfer of Power. 1942—1947. Vol. IX. The Fixing of a Time Limit. L., 1980, с. 597.
- ⁵⁴ Prasad Bimal. Soviet Victory in the Second World War and the Indian Struggle for Independence.— Historic Victory. New Delhi, 1975.
- ⁵⁵ Ч. Раджагопалачари (Раджаджи) — один из сподвижников Ганди, видный деятель Конгресса в период борьбы за независимость, впоследствии выступил против политического курса Неру, стал лидером правой партии «Сватантра парти».
- ⁵⁶ См.: Nanda R. R. The Nehrus. L., 1962, с. 312—313.
- ⁵⁷ The Mind of Mahatma Gandhi. Compiled and Edited by R. K. Prabhu and U. R. Rao. Ahmedabad, 1967, с. 317.
- ⁵⁸ The Mind of Mr. Nehru. An Interview by R. K. Kranjia. L., 1960, с. 62.
- ⁵⁹ Там же, с. 72.
- ⁶⁰ Там же, с. 40.
- ⁶¹ Nehru J. India's Independence and Social Revolution, с. 95, 96.
- ⁶² Цит. по: Narayan K. R. Nehru's Approach to Social Change.— National Herald. 08.01.1971.
- ⁶³ См.: Economic Survey. 1985—86. Ministry of Finance. GOI. New Delhi, 1986, с. 142, 143, tables 3.1—3.2.
- ⁶⁴ См.: Goyal S. K. Public Sector in India. Corporate Study Group. Indian Institute of Public Administration. New Delhi, с. 24.
- ⁶⁵ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться.— Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 193.
- ⁶⁶ Nehru J. India Today and Tomorrow. New Delhi, 1960, с. 38.
- ⁶⁷ Там же, с. 13.
- ⁶⁸ Там же, с. 39.
- ⁶⁹ Nehru J. Speech at Bangalore. February 6, 1962. New Delhi, 1962, с. 4.
- ⁷⁰ The Mind of Mr. Nehru, с. 57.
- ⁷¹ Nehru J. An Anthology, с. 314.
- ⁷² Nehru J. Planning and Development. Speeches. New Delhi, 1957, с. 25.
- ⁷³ Nehru J. A Bunch of Old Letters. New Delhi, 1963, с. 140—141.
- ⁷⁴ Неру Дж. Автобиография, с. 610.
- ⁷⁵ The Mind of Mr. Nehru, с. 33.
- ⁷⁶ См.: Nehru on Communalism. Ed. by N. Gupta. New Delhi, 1965, с. 239, 231.
- ⁷⁷ The Mind of Mr. Nehru, с. 60.
- ⁷⁸ Nehru J. India Today and Tomorrow, с. 13.
- ⁷⁹ Там же, с. 13.
- ⁸⁰ The Mind of Mr. Nehru, с. 77.
- ⁸¹ Nehru J. India Today and Tomorrow, с. 36.
- ⁸² Там же, с. 37.
- ⁸³ Chand Gyan. The Basic Approach of Jawaharlal Nehru.— Mainstream. 1965, № 39, с. 22.
- ⁸⁴ Mukherjee Hiren. The Gentle Colossus. A Study of Jawaharlal Nehru. Calcutta, 1964, с. 65.
- ⁸⁵ Неру Дж. Внешняя политика Индии. М., 1965, с. 331.
- ⁸⁶ Там же, с. 100.
- ⁸⁷ Цит. по: Vats Bhagat. Foreign Intrigue against India. New Delhi, 1967, с. 93.
- ⁸⁸ Новое время. № 24, 1964, с. 15.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Толстой и его эпоха.— Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 212.
- ⁹⁰ The Mind of Mahatma Gandhi, с. 418.
- ⁹¹ Там же, с. 447.
- ⁹² Там же, с. 378, 460.
- ⁹³ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988, с. 145.
- ⁹⁴ Nehru J. India Today and Tomorrow, с. 45.
- ⁹⁵ Nehru J. An Anthology, с. 346.
- ⁹⁶ Там же, с. 437, 438.

⁹⁷ Там же, с. 441.

⁹⁸ *Nehru J. India Today and Tomorrow*, с. 26.

⁹⁹ *Горбачев М. С.* Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.—
Правда. 19.02.1988.

¹⁰⁰ *The Mind of Mr. Nehru*, с. 104.

¹⁰¹ Там же, с. 87.

¹⁰² *Nehru J. India Today and Tomorrow*, с. 27.

¹⁰³ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии, с. 286,

¹⁰⁴ *Nehru J. India Today and Tomorrow*, с. 27.

¹⁰⁵ *The Mind of Mr. Nehru*, с. 103.

¹⁰⁶ *Горбачев М. С.* Избранные статьи и речи. Т. 4. М., 1987, с. 237—238.

¹⁰⁷ *Ленин В. И.* Кадеты и аграрный вопрос.— Полное собрание сочинений.
Т. 22, с. 47—48.

¹⁰⁸ Там же, с. 48.

¹⁰⁹ *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение.— Полное собрание
сочинений. Т. 25, с. 275—276.

¹¹⁰ *Ленин В. И.* Две утопии.— Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 120.

¹¹¹ *Ленин В. И.* Сравнение столыпинской и народнической аграрной про-
граммы.— Полное собрание сочинений. Т. 21, с. 386.

П. В. Куцобин

ПЕРЕДОВОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИДЕР ИНДИИ

Джавахарлал Неру принадлежит к числу выдающихся политических и государственных руководителей, чья жизнь и деятельность вызвала и продолжает вызывать интерес не только миллионов его соотечественников, но и многих людей в других странах мира. И это неудивительно. С именем Неру связана целая эпоха в развитии Индии, пусть не столь продолжительная в масштабах многовековой истории страны, но, несомненно, исключительная по своему значению для ее исторической судьбы. Именно под его руководством Индия сбросила колониальное ярмо, страна превратилась в великую азиатскую державу, которая играет весомую позитивную роль в международной жизни.

Автору этих строк в качестве специального корреспондента газеты «Правда» довелось встречаться и беседовать с Неру. Цель данной статьи — не только отдать дань уважения памяти Неру, указав на его принципиально важные достижения в качестве передового национального лидера Индии, но также сделать попытку, пусть скромную, охарактеризовать некоторые из тех трудностей и проблем, с которыми он встречался в борьбе за осуществление своих идеалов.

Мировоззрение Неру формировалось под воздействием многих факторов. Он воспринял традиции древней индийской культуры и в то же время получил «буржуазное воспитание», как он сам говорил. Неру находился под влиянием учения и политической практики Махатмы Ганди. На него воздействовали идеи научного социализма и достижения социалистического строительства в СССР. Но как бы велико ни было влияние этих и многих других факторов, Неру стремился выработать свой собственный подход, свою философию жизни. Индира Ганди, как никто другой знавшая умонастроения и чаяния отца, по этому поводу писала: «Ни одна идеологическая доктрина не может претендовать на то, что Неру является только ее приверженцем»¹.

Еще в те времена, когда Неру учился в Кембридже (1905—1912), он не только следил за событиями поднимавшейся национально-освободительной борьбы в Индии, но и интересовался политическими событиями в Англии и в других странах, особенно азиатских. Ему довелось присутствовать на лекции Бернарда

Шоу о социализме. Однако доказательств того, что он был членом Кембриджского фабианского общества, нет. Неру готовил себя к политической деятельности, а не к юриспруденции, которую изучал в Англии. Вместе с тем на протяжении всей жизни Англия оставалась для Неру страной, с которой его много связывало. Сначала он даже идеализировал то, что считал английским образом жизни, как, впрочем, многие индийцы, получавшие английское образование. В 1922 г., уже став активным борцом за свободу Индии, он писал о том, каким он был, когда вернулся из Англии в 1912 г.: «В Англии я прошел обычный курс обучения в закрытой частной школе и университете. Я усвоил большинство предрассудков Харроу и Кембриджа, и по своим вкусам и привычкам я был, вероятно, более англичанином, чем индийцем, и смотрел на мир чуть ли не глазами англичан...»²

Вскоре после возвращения из Англии Неру вступил в Индийский национальный конгресс, деятельность которого была малоактивной, верхушечной, фактически не связанной с жизнью народных масс. Впоследствии, вспоминая это время, Неру говорил, что как человека его преобразили начавшиеся вскоре после первой мировой войны кампании гражданского неповиновения под руководством Махатмы Ганди, а также пребывание в тюрьмах за участие в них³. С того момента жизнь приобрела для него новый смысл, в котором он видел главное — служение Делу — борьбе за освобождение страны от чужеземного угнетения.

Неру считал, что Ганди показал путь к действию, и решил по нему следовать. Он принял руководство Ганди. Неру пошел за ним прежде всего потому, что Ганди сумел мобилизовать пробуждавшиеся народные массы на борьбу за независимость страны. И хотя впоследствии между Ганди и Неру возникали разногласия по ряду политических и мировоззренческих вопросов, Неру в конечном счете принимал мнение Ганди, во всяком случае, в том, что касалось политики Индийского национального конгресса, во главе которого стоял Ганди.

Большое впечатление произвела на Неру его поездка в Советский Союз в 1927 г., которой предшествовало его участие в феврале в работе Брюссельского конгресса Лиги борьбы против империализма. Это был представительный международный форум. Среди его делегатов были европейские коммунисты, профсоюзные руководители, пацифисты и национальные деятели из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Это была первая встреча Неру с деятелями, представлявшими широкий спектр антиимпериалистических движений в различных странах. В своем первом же заявлении для печати после окончания Антиимпериалистического конгресса в Брюсселе Неру подчеркнул общее в судьбе народов, борющихся против империализма в различных районах мира. Он заявил, что проблема освобождения Индии — это проблема не узконациональная, а мировая. На форуме в Брюсселе Неру выразил надежду на то, что Индийский национальный конгресс и индийское национальное движение положат

в основу своей программы полное освобождение крестьян и рабочих Индии (ибо иначе, сказал он, «не может быть настоящей свободы»⁴) и будут сотрудничать с освободительными движениями в других странах. Таким образом, Неру стремился расширить горизонты индийского антиимпериалистического национализма. Неру считал, что в политическом плане в колониальных странах главенствующая роль должна перейти к национально-освободительному движению на широкой массовой основе.

Нельзя не сказать и еще об одном моменте, характеризующем прозорливость Неру, его умение улавливать тенденции мирового развития. В данном случае мы имеем в виду его высказывание о взаимоотношениях Англии и США и их позициях в мире. Во время своей поездки в Европу Неру пришел к выводу о снижении роли Англии в мировых делах. Он считал, что в недалеком будущем Англия начнет быстро уступать позиции Соединенным Штатам и «подстрекать капитализм и империализм Америки к борьбе на ее стороне»⁵.

Особое внимание Неру привлекали события в Советском Союзе, который, как он говорил, «незримо играет ведущую роль на Брюссельском конгрессе»⁶. Он читал все, что мог достать, о Советском Союзе — книги, брошюры, статьи — как его почитателей, так и критиков. Достижения Советского Союза вызывали его восхищение. Он уже тогда говорил, что та или иная враждебность между Англией и Россией не будет иметь значения для независимой Индии и что вопреки утверждениям недоброжелателей Советской России последняя не будет представлять опасности для Индии⁷.

В конце 1927 г. Неру совершил кратковременную поездку в Москву, где он пробыл всего три дня. Но его статьи о Советском Союзе в газете «Хинду», позднее составившие книгу, свидетельствуют о глубоком впечатлении, которое произвела на него «эта необычная евроазиатская страна серпа и молота, где рабочие и крестьяне, ставшие вершителями своей судьбы, срывают тщательно разработанные планы всех своих врагов»⁸.

Автор наиболее обстоятельной биографии Неру С. Гопал замечает: «Уехав из Индии непоколебимым последователем Ганди, он возвратился туда убежденным революционным радикалом»⁹. После возвращения из Европы Неру стремился придать динамизм деятельности партии Индийский национальный конгресс и побудить ее к более решительной борьбе за независимость страны. Он более не считал достаточным достижение статуса доминиона (в то время официальная цель Конгресса), так как в этом случае Индия оставалась бы крепко привязанной к колеснице Британской империи, а выступал за полную независимость. На сессии Конгресса в 1927 г. он предложил принять резолюцию о полной независимости страны. Однако расстановка сил в Конгрессе была такова, что, хотя формулировки резолюции, предложенной Неру, были затем ослаблены и делегаты проголосовали за нее, требование независимости даже в таком

виде не было включено в устав партии в качестве ее программной цели. Неру был весьма обескуражен этим, особенно потому, что против его текста резолюции выступил Махатма Ганди. В своей газете «Янг Индия» Ганди охарактеризовал резолюцию как «поспешную» и «неразумно поставленную» на голосование на съезде партии. В личной беседе с Неру Ганди упрекнул его в том, что он «действует слишком поспешно»¹⁰. В письме к Ганди Неру писал, что он, Неру, «пользуется довольно большой поддержкой, что руководство Ганди стало пассивным и неэффективным и их идеалы заметно отличаются друг от друга»¹¹. Тем не менее в итоге полемики с Ганди, которая вызвала смятение в Конгрессе, Неру заверил Ганди, что разногласия между ними не затрагивают фундаментальных проблем. «Даже в более широкой сфере деятельности,— писал он Ганди,— разве я не ваш ученик в политике, хотя, возможно, ученик недисциплинированный и делающий ошибки»¹².

Неру продолжал добиваться радикализации Конгресса, отстаивал свое убеждение в том, что в будущей независимой Индии должна быть обеспечена социальная справедливость. Он считал, что задача заключалась как в достижении независимости страны, так и в радикальном преобразовании индийского общества на социалистических началах¹³. Он не исключал возможности революционного насилия, но все же надеялся на осуществление общественного преобразования мирным путем, посредством компромисса.

Новым серьезным испытанием для Неру явились разногласия по вопросу о том, какую позицию Конгресс должен занять на своей сессии в Калькутте в 1928 г. по принципиальному вопросу о цели партии: статус доминиона или полная независимость. Неру добивался принятия резолюции о полной независимости. В то же время Махатма Ганди и отец Джавахарлала Неру, Мотилал Неру, как и ранее, считали это преждевременным и предложили определить непосредственную задачу Конгресса как «достижение статуса доминиона, без ущерба для конечной цели — полной независимости». Эта гибкая формулировка была рассчитана на то, чтобы обеспечить поддержку как умеренно-либеральных кругов, так и молодых радикалов, среди которых наибольшим авторитетом пользовался Неру. Он снова оказался в трудном положении. Идея, лежавшая в основе резолюции съезда о статусе доминиона, была ему чужда. Но и в этом случае чувство партийной дисциплины и личная преданность Ганди взяли верх.

Многие руководящие деятели Конгресса считали взгляды Неру слишком радикальными и, несмотря на популярность, которую он завоевал в конце 20-х годов, не решались доверить ему пост председателя ежегодной сессии Конгресса, что укрепило бы положение Неру в руководстве Конгресса, хотя председатель ежегодной сессии занимал высший выборный пост в Конгрессе лишь до следующей сессии. Так, при избрании председателя сес-

сии в 1929 г. только 3 из 18 провинциальных комитетов Конгресса отдали предпочтение Неру. Лишь после заверения М. Ганди о том, что его взаимоотношения с Неру таковы, что на посту председателя тот будет проводить одобренную им, Ганди, политику, Неру был избран председателем.

Хотя в определенных политических кругах это вызвало немалое беспокойство—они видели в Неру «опасного радикала»,—Ганди был твердо убежден в том, что для Неру партийная дисциплина и лояльность в отношении коренных принципов Конгресса имели решающее значение. Ганди, естественно, знал о приверженности Неру идеям социализма, о влиянии, которое оказывал на него марксизм. В то же время Ганди был уверен в том, что Неру исходит из политических реальностей Индии и будет действовать в рамках Конгресса¹⁴. Он считал, что популярность Неру среди передовой интеллигенции и студенческой молодежи, в Конгрессе и вне его была весьма важна в борьбе за независимость.

Неру хорошо сознавал, в каком трудном положении он оказался, заняв пост председателя. В октябре 1929 г. в письме к одному своему близкому другу он писал: «Боюсь, что придется пойти на то, чтобы мне подсказывали, что делать, так как я не хочу утратить свое хорошее настроение и душевный покой»¹⁵.

Уже в конце 20-х годов Неру изложил свое политическое кредо, заявив, что он — социалист и республиканец и не верит в порядок, при котором современные короли промышленности обладают еще большей властью над жизнью и судьбой людей, чем короли прошлого. В отличие от многих деятелей Конгресса Неру не ограничивался целью достижения независимости, но стремился утвердить в сознании борцов за национальную свободу, что достижение независимости, являясь первоочередной задачей, должно рассматриваться как необходимый шаг на пути к социальной справедливости.

В этом контексте следует рассматривать, в частности, его активное участие в деятельности Всеиндийского конгресса профсоюзов (ВИКП). Неру председательствовал на сессии этого главного профсоюзного объединения в 1929 г. В своей речи он призвал профсоюзное движение Индии активно включиться в национально-освободительную борьбу. Неру говорил о необходимости «свержения чужеземного господства, завоевания власти, устранения как иностранных, так и местных эксплуататоров и создания социалистического общества, где источники богатства будут принадлежать не отдельным людям, а всему обществу»¹⁶. Вместе с тем он был против участия ВИКП в каком-либо международном объединении. Как заявил Неру, ко II Интернационалу он относился отрицательно потому, что тот был занят главным образом борьбой не против капитализма, а против коммунизма. Но и III Интернационал, по его мнению, имел свои недостатки. Он, в частности, говорил: «При всей моей симпатии к взглядам коммунистов я, однако, должен признаться, что не

одобряю многих из их методов... Вступление Всеиндийского конгресса профсоюзов в III Интернационал означало бы принятие их методов целиком и полностью. Я не считаю, что это желательно для нас»¹⁷.

«Умеренные» среди участников сессии истолковали это высказывание Неру как признак того, что он поддержит их во всех остальных вопросах. Однако «умеренных» ждало разочарование. Неру проголосовал за признание руководимого коммунистами профсоюза текстильщиков Бомбея «Гирни камгар юнион» (Союз красного флага), который тогда насчитывал в своих рядах 40 тысяч членов, а это существенно увеличивало роль руководимых коммунистами профсоюзов в деятельности ВИКП и давало им большинство на его сессиях.

Конечно, Неру не связывал себя ни с левыми, ни с правыми в профсоюзном движении. Он занял свою собственную, независимую позицию.

Известно, что Неру гораздо раньше многих других политических деятелей Индии осознал угрозу фашизма и был убежденным его противником. Он считал, что обуздать агрессию фашистской Германии можно было, лишь, обеспечив коллективную безопасность. Если бы другие державы, заявлял он, сотрудничали с Советским Союзом, это позволило бы сохранить мир. Политика умиротворения, проводимая Невиллом Чемберленом, вызывала у Неру негодование. Он возлагал на Англию основную ответственность за поражение республиканской Испании и порабощение Чехословакии нацистами. Неру указывал, что политика британского правительства определялась прежде всего его классовыми интересами и оно относилось более враждебно к Советскому Союзу, чем к нацистской Германии, что Англия стремилась защитить собственную империю и с этой целью потворствовала нацистским территориальным захватам. Фашизм и империализм являлись составными частями одного и того же империалистического комплекса. Он решительно отвергал тот и другой.

Неру настойчиво подчеркивал, что идеи социализма распространяются по всему миру и спорными являются только вопросы о темпах и способах продвижения вперед. Индии, заявлял он, тоже придется пойти по этому пути, если она хочет избавиться от бедности и неравенства, хотя она может выработать свои собственные методы и привести идеал в соответствие с чаяниями своего народа.

В контексте борьбы за независимость Неру по-своему трактовал вопрос о ненасилии. По его мнению, у Конгресса не было ни материальных предпосылок, ни необходимой подготовки для организованных насильственных действий, а индивидуальные и спорадические акты насилия он считал выражением отчаяния. В тот период Неру не выступал категорически против революционного насилия. Он заявлял, что Конгресс отвергает насилие потому, что при тех условиях оно не сулило существенных ре-

зультатов. В то же время он говорил, что если Конгресс и страна в целом придут к выводу о необходимости насильственных методов борьбы за освобождение от колониального рабства, то Конгресс применит эти методы. «Насилие дурно, но рабство еще хуже»¹⁸, — говорил он. Неру принимал гандистскую доктрину ненасилия как метод политической борьбы за свободу, но не как моральный императив. Вполне возможно, что помимо своего чисто этического аспекта принцип ненасилия в борьбе за независимость в условиях Индии помог избежать гражданского конфликта и ослабить сопротивление реакционных сил национально-освободительному движению.

О том, как встречала выступления Неру верхушка имущих классов в Индии, красноречиво свидетельствует реакция на его речь на сессии Конгресса в 1936 г. в Бомбее. Там Неру, в частности, заявил, что социализм может быть достигнут в результате поддержки широкого большинства народа и с минимальным ущербом для кого-либо. Однако, добавил он, возможны серьезные столкновения, если общественное преобразование встретит сопротивление экономического характера¹⁹.

Бомбей в то время являлся сердцем «большого бизнеса» Индии, и, по образному выражению одного из делегатов сессии, «это сердце затрепетало». 28 мая 1936 г. газета «Бомбей хроникл» поместила репортаж о речи Неру под паническим заголовком «„Буря коммунизма“ пронеслась над Бомбеем»²⁰. Вслед за этим видные бизнесмены опубликовали своего рода манифест. Они объявили программу Неру «разрушительной и подрывной» и считали, что она вызовет беспорядки и помешает добиться самоуправления²¹.

В письме своему единомышленнику Кришне Менону, который тогда жил в Лондоне, Неру писал: «На меня давят и меня атакуют множество разных людей — представители крупного капитала, либералы, те, кто готов пойти на сотрудничество с англичанами, а также и кое-кто из конгрессистов...»²² Такие влиятельные деятели Конгресса, как Раджендра Прасад и Валлабхай Патель, осудили речь Неру и даже предложили Ганди потребовать от Неру объяснений. И хотя Неру вскоре в одном из своих публичных выступлений дал отповедь некоторым своим критикам, тон его речей все же стал более умеренным.

Тем не менее он, конечно, не отказывался от своих демократических убеждений. Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, такой факт: в 1937 г., когда Конгресс победил на выборах в законодательное собрание ряда провинций и сформировал там свои местные правительства (это был определенный компромисс Конгресса с колониальной властью), Неру, как председатель предшествовавшей сессии Конгресса, дал им указание освободить всех политических заключенных. Однако среди деятелей Конгресса на министерских постах в этих правительствах были и такие, кто отказался это сделать. В частности, министр внутренних дел в провинциальном правительстве в Бом-

бее К. М. Мунши вообще игнорировал директиву Неру и продолжал держать за решеткой коммунистов и других левых деятелей, брошенных в тюрьму колониальными властями. По этому поводу Неру сказал, что Мунши «уже превратился в заурядного полицейского».

Вынужденный маневрировать, Неру, конечно, сознавал и свою собственную силу как политического деятеля. Он понимал, что многие борцы за свободу Индии также стремились к общественному преобразованию. Они видели в Неру выразителя своих стремлений и благодаря ему шли за Конгрессом, даже если не являлись конгрессистами. Среди индийских политических деятелей, пожалуй, только Ганди и Неру пользовались широкой международной известностью. Неру много сделал для признания Конгресса на мировой арене.

Некоторые индийские исследователи жизни и деятельности Неру считают, что притягательная сила Махатмы Ганди и вошедшая в плоть и кровь преданность партии лишь отчасти объясняют поведение Неру. Другим важным фактором было то, что Неру хорошо знал: на политической арене Индии не было другого лидера, который пользовался бы таким авторитетом в народе, как Ганди, и не было другой антиимпериалистической организации, которая обладала бы таким широким массовым влиянием, как Конгресс, в масштабе всей страны. Отсюда следовало, что ослабление позиций Ганди и Конгресса в результате обострения внутренних разногласий отрицательно повлияло бы на борьбу за независимость. Это объясняет многое в действиях Неру, и прежде всего в его приверженности единству Индийского национального конгресса.

Английские правители Индии по-своему добивались ограничения влияния Неру, стремились пресекать его деятельность. Они не раз бросали его в тюрьму, где он провел многие годы. В этой связи уместно напомнить, что в последний раз Неру был арестован 9 августа 1942 г. и находился в тюрьме почти три года — до 15 июня 1945 г. Многие считают, что ко времени достижения Индией независимости произошли определенные перемены в умонастроении Неру. По этому поводу он писал: «Я стал более склонен к размышлениям. Появилась, пожалуй, несколько большая уравновешенность, некоторое чувство отрешенности, большее спокойствие духа»²³. В годы своего последнего тюремного заключения Неру уделял особое внимание истории Индии с древнейших времен, историческому развитию ее национально-освободительного движения, культурному наследию, этическим ценностям. Тогда был создан его монументальный труд «Открытие Индии». Из прошлого Индии Неру извлекал урок для ее будущего. Он не идеализировал прошлое своей родины, как это нередко делали националисты, а тем более коммуналисты. Он хотел, чтобы новая Индия взяла из прошлого лишь то, что содействовало бы ее движению вперед, и отбросила то, что препятствовало бы такому движению, тянуло страну назад.

Передовой подход, который сложился у Неру в трудной и сложной борьбе за национальную свободу, во многом определил направление его деятельности в качестве государственного руководителя независимой Индии. Это прежде всего твердое убеждение в том, что, став независимой, страна должна идти по пути экономического и социального прогресса.

Под руководством Неру в Индии были осуществлены важные преобразования, заложены основы индустриализации и создан внушительный государственный сектор экономики, достигнут прогресс в развитии образования, науки и культуры. Неру сделал многое, чтобы обеспечить единство этой огромной и столь многообразной страны. Индия прочно утвердила свою национальную независимость и продвинулась к экономической самостоятельности.

Неру проложил новаторский курс индийской внешней политики, который существенно способствует делу всеобщего мира и безопасности. Он внес огромный личный вклад в установление и развитие дружбы и взаимопользующего сотрудничества между Индией и Советским Союзом. И если ему удалось не все, о чем он мечтал и к чему стремился, то это не меняет того основного факта, что Неру сыграл выдающуюся историческую роль как передовой национальный лидер Индии и оставил важное прогрессивное наследие.

Примечания

- ¹ Азия и Африка сегодня. 1984, № 11, с. 20.
- ² Gopal S. Jawaharlal Nehru. A Biography. New Delhi, 1975, с. 28.
- ³ См.: Deva Narendra. Favourite Fortune. New Delhi, 1949, с. 108.
- ⁴ Gopal S. Jawaharlal Nehru. A Biography, с. 90.
- ⁵ Там же, с. 92.
- ⁶ Там же, с. 105.
- ⁷ Там же, с. 94.
- ⁸ Там же, с. 94, 106.
- ⁹ Там же, с. 109.
- ¹⁰ Young India. 15.01.1928.
- ¹¹ Nehru Jawaharlal. A Bunch of Old Letters. Delhi, 1955, с. 55—56.
- ¹² Там же, с. 49.
- ¹³ Gopal S. Jawaharlal Nehru. A Biography, с. 113.
- ¹⁴ Bombay Cronicle. 16.01.1936.
- ¹⁵ The Tribune. 12.04.1936.
- ¹⁶ Gopal S. Jawaharlal Nehru. A Biography, с. 131.
- ¹⁷ Там же, с. 132.
- ¹⁸ Там же, с. 135.
- ¹⁹ The Tribune. 20.05.1936.
- ²⁰ Bombay Cronicle. 28.05.1936.
- ²¹ The Manifesto of 21.— The Tribune. 30.05.1936.
- ²² The Tribune. 18.06.1921.
- ²³ Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955, с. 71.

И. И. Егоров

**НЕРУ О НЕОБХОДИМОСТИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ**

Приверженность Неру идеалу социализма хорошо известна. Для него социализм был «философией жизни», вопросом мировоззрения. Известно и то, что он различал моралистическое и научное толкование социализма. В 1936 г. Неру говорил: «Я убежден, что единственным ключом к разрешению мировых проблем, как и проблем Индии, является социализм, и, когда употребляю это слово, воспринимаю его не в расплывчатом гуманистическом толковании, а в научном экономическом смысле. Социализм вместе с тем есть нечто большее, чем экономическая доктрина, это — философия жизни, и, как таковая, она привлекает меня. Я не вижу другого пути покончить с бедностью, огромной безработицей, деградацией и порабощением индийского народа, как только через социализм»¹. Можно также привести и другие его высказывания на этот счет. В 1929 г. он писал: «Нас часто обвиняют в проповеди классовой борьбы и расширении разрыва между классами... классовая борьба — не наше детище. Это детище капитализма, и пока существует капитализм, она тоже сохранится. Тем, кто находится наверху, легко проповедовать умеренность и добрую волю. Но добрая воля не побуждает этих самозванных доброжелателей слезть с наших спин»².

При этом Дж. Неру отмечал стремление рабочего класса к преобразованию общества. В 30-х годах он писал: «Конгресс выражал не только националистические стремления в Индии, которые усилились с ростом новой буржуазии, но также в значительной мере стремление пролетариата к социальным преобразованиям»³.

Сформулированные в 1947 г. Рабочим комитетом Национального конгресса принципы экономической политики сводились к тому, что средства производства, равно как распределение и обмен, должны принадлежать обществу и регулироваться им в его собственных интересах⁴. Под руководством Неру в стране утверждался курс на внедрение государственного регулирования и планирования национальной экономики, на опережающие темпы роста госсектора, овладение последним командными высотами в народном хозяйстве. Наряду с объявлением ведущей роли

государственного сектора в экономике предусматривалось развитие частного предпринимательства в пределах, установленных резолюциями о промышленной политике 1948 и 1956 гг., в том числе относительно разграничения сфер деятельности между государственным и частным секторами. Провозглашенная доктрина смешанной экономики, теоретически ориентированная на построение в перспективе «общества социалистического образца», предполагала, что основным критерием определения направления движения производительных сил должна выступать не частная прибыль, а социальные потребности и характер развития, а также структура социально-экономических отношений будут планироваться таким образом, чтобы они имели результатом не только основательное увеличение национального дохода и занятости, но и большее равенство в распределении дохода и богатства⁵.

Обоснование декларируемого на официальном уровне обращения к социалистическому идеалу не сводилось, однако, исключительно к воздействию теоретических воззрений такого авторитетного лидера, каким являлся Неру. Вне сомнения, сказывалось то обстоятельство, что правящая партия ИНК не выступала выразителем интересов единственно индийской буржуазии; на ее политику и тем более программные установки оказывали влияние устремления и требования широких народных масс. К тому же отдельные руководители ИНК, и прежде всего именно Неру, считали, что частнохозяйственный капитализм во многом скомпрометировал себя в XX столетии как способ производства.

В 1935 г. Неру подчеркивал, что «капиталистическая система промышленности, какова бы ни была ее роль в прошлом, не соответствует более современным методам производства»⁶. «Если мы обратимся к положению в мире сегодня,— писал он в том же году,— то увидим, что капитализм, разрешив проблему производства, оказался беспомощным перед связанной с производством проблемой распределения, не будучи способен разрешить ее... Чтобы добиться распределения богатства и покупательной способности на началах равенства, надо положить конец неравенству, свойственному капиталистической системе, и заменить капитализм более научной системой»⁷. Вскрывая имманентные капитализму непреодолимые противоречия, Неру писал: «Научный и промышленный прогресс далеко обогнал существующую систему капитализма, содействовал накоплению огромной товарной массы; однако капитализм не знает, что с ней делать, и вынужден ограничивать производство или даже разрушать его»⁸.

Серьезные пороки капитализма Неру видел, с одной стороны, в том, что крупные тресты, фабрики, большие торговые предприятия «заглатывают» мелких производителей и торговцев и тем самым ставят препятствия конкуренции. С другой стороны, капитализм не в состоянии предотвратить «расточительную конкуренцию»⁹. В результате, указывал Неру в 1935 г., капита-

лизм привел к империализму, борьбе империалистических держав за колонии и их эксплуатацию в качестве источников сырья и рынков сбыта для промышленной продукции, нарастанию социальных конфликтов и росту национализма в колониях, мощным выступлением эксплуатируемого рабочего класса, периодическим кризисам (политическим и народнохозяйственным), которые, в свою очередь, вызвали экономические и тарифные конфликты, равно как и разрушительные войны. Каждый последующий кризис, продолжал Неру, в значительной мере превосходил предыдущий, и «ныне мы живем в состоянии перманентного кризиса и спада, а тени затемняют горизонт»¹⁰.

В 1952 г., уже будучи премьером независимой Индии, он утверждал: «Мы говорим о революциях и думаем о них, как о процессах, в ходе которых, вероятно, можем разбить головы друг другу. Это — не революции. В лучшем случае это — побочные последствия. Революция есть то, что фундаментально изменит структуру нашего общества либо в политической, либо в экономической области»¹¹. В 1959 г. он определял перспективу общественного развития Индии как цель правящей партии ИНК: «Мы избрали социализм нашей целью не только потому, что он представляется справедливым и благим, но и потому, что нет другого пути для разрешения экономических проблем»¹². В 1948 г. при обсуждении в Учредительном собрании Резолюции о промышленной политике он говорил: «Это приводит нас к переходной стадии в экономикс. Называйте ее как вам угодно — смешанной экономикой или как-нибудь иначе... Постепенно мы подходим к стадии, когда центр тяжести всей экономики смещается. Сомневаюсь, можно ли осуществить эти перемены без конфликта или без повторяющихся конфликтов, ибо люди, привыкшие к определенным взглядам, с легкостью новые идеи не принимают»¹³.

На сессии ИНК в 1955 г., где целью партии было названо построение «общества социалистического образца», ближайшую задачу Неру формулировал следующим образом: «Главное — увеличить национальное богатство, и сделать это надо таким образом, чтобы все больше подводить экономику к такому типу, на который мы ориентируемся»¹⁴. В частности, он утверждал, что проблемы подъема страны не сводятся только к масштабам и темпам мобилизации ресурсов, что требуется более глубокая и длительная социально-экономическая перестройка. Неру указывал, что вопрос заключается также и в том, как приобщить 60 миллионов сельских семей к новой технике и технологии земледелия. Он подчеркивал, что «общие» фразы о социализме не приносят пользы, ведь Индии еще предстоит пройти длительный переходный период. В то же время он сам признавал, что не знает заранее, как будет проходить этот переход и что именно для его осуществления будет сделано: «Я точно не знаю, какие шаги мы предпримем позднее, ибо эта ситуация динамическая, в ней нет ничего статического»¹⁵. Резолюцию ИНК об обществе

социалистического образца он квалифицировал не как развернутую программу действия, а прежде всего как жизненно важный «поворот мышления», «поворот в правильном направлении», утверждая, что это — «следующий, новый шаг» к «достижению дальнейших целей»¹⁶.

Весьма важным представляется то обстоятельство, что Неру отдавал отчет в том, насколько марксистской философии чужд догматизм. Он писал в «Автобиографии»: «Но вся ценность марксизма... заключается в отсутствии догматизма, его определенном подходе к явлениям и в его отношении к практическому действию. Этот подход помогает нам понять социальные явления нашего времени и указывает путь к действию, к спасению. Но и этот метод действий не был чем-то постоянным и неизменным, а должен был меняться сообразно обстоятельствам. Такова была по крайней мере точка зрения Ленина, и он блестяще доказывал ее справедливость, сообразуя свою деятельность с изменяющимися условиями»¹⁷.

Очевидно, заслуга Неру состоит в том, что он смог подняться над буржуазной ограниченностью представителя имущих классов и заявить о неотвратимости перехода Индии в будущем на путь социализма. Он по-своему видел неизбежность прохождения для освободившихся стран целого ряда промежуточных этапов на пути к социализму, что предопределено спецификой их условий исторического развития. Следует обратить внимание на то, что до прихода к власти партия ИНК не объявляла социализм своим идеалом или целью. Между тем уже через несколько лет после достижения Индией независимости (1954 г.) эта партия провозгласила курс на построение «общества социалистического образца», а в докладе по II пятилетнему плану (1956 г.) указывала на необходимость заложить фундамент для построения общества, «основанного на свободе и демократии государства, без каст, классов и привилегий»¹⁸. Во второй половине XX в. едва ли правильно недооценивать тот факт, что подобные декларации содержат определенный позитивный заряд, коль скоро идея, овладевающая массами, как известно, становится материальной силой.

Что касается самого Неру, то и в годы независимости он с не меньшей убежденностью, чем прежде, говорил о своей приверженности идеалу социализма: «Я стою за социализм и надеюсь, что Индия будет стоять за социализм и пойдет по пути построения социалистического государства». (Разумеется, речь шла о перспективе.) Неру продолжал: «Верю, что всем странам мира придется пойти тем же путем. Но какой должна быть форма социализма, это вопрос уже другой. Если, сообразуясь с собственными желаниями, я включил бы в резолюцию решение о том, что мы стремимся построить в Индии социалистическое государство, это означало бы вставить в резолюцию нечто такое, что, возможно, для одних оказалось бы приемлемым, а для других нет, а ведь нам надо сделать так, чтобы настоящая резолю-

ция по таким вопросам не стала бы спорной»¹⁹. Здесь нетрудно усмотреть не только попытку Неру соединить социалистическую цель с общенациональными, общедемократическими задачами ликвидации колониально-феодалного наследия и укрепления независимости страны, освободившейся от колониального господства, но и понять, что социалистическая цель у него не выходила за рамки этих задач, во всяком случае, пока они решались. Он подчеркивал, что победа национально-освободительного движения вовсе еще не означала решение всех его исторических задач: «Мы должны продолжить национальное движение,— говорил он в 1955 г.— Думаю, что мы еще проходим один из его этапов. Национальное движение объективно должно базироваться на широкой основе»²⁰.

Неру был убежден, что лишь ориентированные на социализм решения, могли оказаться эффективными. В одном из своих последних выступлений в парламенте, в 1963 г., он сказал: «Если бы представители оппозиции критиковали нас за то, что мы медленно двигаемся на пути к социализму, я принял бы эту критику. Мы были медлительны по многим причинам, частично зависящим, а частично не зависящим от нас. Однако я убежден, что у Индии нет иного выбора. Никакая партия, каких бы убеждений она ни придерживалась, не может остановить движение нашей страны к социализму»²¹.

В 1979 г. газета «Пэтриот» писала, что единомышленники и последователи Неру вправе гордиться тем, что получило название «эра Неру», когда Индия стала превращаться в современную нацию. Вместе с тем эта газета указывала: «Вряд ли можно считать, что эра после Неру является продолжением того, на чем он остановился»²².

Тем не менее прогрессивное наследие Неру остается действенным и сегодня. Как указывалось на сессии Рабочего комитета ИНК(И) в 1988 г., госсектор должен и впредь играть ведущую роль в индустриализации страны; нужны государственные вложения в базисные и ключевые отрасли, что необходимо для создания новых рабочих мест, равно как промышленности в экономически отсталых районах страны. В этой связи признавалась недопустимость отказа от установки на занятие государственным сектором командных высот экономики и подчеркивалось, что госсектор должен стать «эффективным и сильным»²³.

Конечно, Неру хорошо понимал, что Индия «далека от того, чтобы ее можно было назвать социалистической страной». Но взор его был обращен в будущее, которое ему определенно хотелось видеть социалистическим. Отдавая все силы делу укрепления независимости своей родины, проводя политику неприсоединения и советско-индийского сотрудничества, добиваясь устранения колониально-феодалного наследия и вековой приниженности народных масс, закладывая основы индустриализации в государственном секторе, утверждая идеи социализма в народ-

ном сознании, Неру создавал важные предпосылки для построения этого будущего.

Примечания

- ¹ Link. New Delhi, 16.10.1971.
- ² Selected Works of Jawaharlal Nehru. Vol. 4, Delhi, 1973, с. 50.
- ³ *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955, с. 427.
- ⁴ Report of the A.I.C.C. Panel on Economic Policy. New Delhi. December 1969, с. 1.
- ⁵ Second Five Year Plan. Delhi, 1956, с. XI.
- ⁶ Цит. по: Congressmen's Primer for Socialism (A Compilation). New Delhi, 1976, с. 3.
- ⁷ Там же, с. 4.
- ⁸ Там же, с. 166.
- ⁹ Там же, с. 220.
- ¹⁰ Там же, с. 12.
- ¹¹ Planning and Development. Speeches of Jawaharlal Nehru (1952—1956). Delhi, 1956, с. 7.
- ¹² Congressmen's Primer, с. 223—224.
- ¹³ Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 1, Delhi. 1967, с. 125.
- ¹⁴ Planning and Development, с. 21.
- ¹⁵ Там же, с. 21—22.
- ¹⁶ Там же, с. 23.
- ¹⁷ *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955, с. 616.
- ¹⁸ Second Five Year Plan. Delh', 1956, с. XI.
- ¹⁹ Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 5, 1967, с. 11—12.
- ²⁰ Planning and Development, с. 23.
- ²¹ Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 5, 1968, с. 81.
- ²² Patriot. 11.11.79.
- ²³ The Economic Times. New Delhi, 24.04.1988.

О. В. М а л я р о в

**НЕРУ О СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ИНДИИ**

Говоря о процессе формирования стратегии социально-экономического развития Индии в партии ИНК, трудно переоценить в нем роль Неру. Можно смело сказать, что Неру является, по существу, инициатором этого процесса. Уже в 20-е годы он осознал неразрывную связь борьбы за социально-экономический прогресс с общим национально-освободительным движением. В основе этого понимания лежало изучение как всемирно-исторического развития, так и эволюции самой Индии.

Большое внимание Неру уделил влиянию колониальных условий на социально-экономическую структуру Индии и механизм ее эволюции. «Когда в Индию пришли англичане,— писал он,— Индия, хотя она несколько и отстала в технике, была одной из передовых торговых стран мира. Изменения в технике, несомненно, произошли бы и изменили бы Индию, как они изменили некоторые западные страны. Но ее нормальное развитие было приостановлено английским господством. Промышленное развитие было задержано, и как результат приостановилось также социальное развитие. Нормальные соотношения сил в обществе не могли установиться и прийти в равновесие, так как вся власть была сконцентрирована в руках иностранной державы, которая опиралась на силу и поощряла группы и классы, потерявшие всякое реальное значение... Большая часть проблем, стоящих перед нами в настоящее время, вызвана этим приостановленным развитием и тем, что английское господство препятствует нормальным переменам»¹.

Неру показывает, что это тормозящее влияние колониального господства иностранной державы определялось ее классовым характером, связанным в конечном счете с процессом развития капитализма в метрополии, в ходе которого политическая власть все более сосредоточивалась в руках промышленной буржуазии Англии. «Главным занятием Ост-Индской компании в первые годы ее существования,— писал он,— основной задачей, для выполнения которой она была создана, являлась доставка индийских промышленных товаров, текстиля и т. п., а также специй и других аналогичных товаров с Востока в Европу, где на них существовал большой спрос. С развитием в Англии техники про-

мышленного производства там появился новый класс промышленных капиталистов, потребовавший изменения этой политики. Английский рынок должен был закрыться для индийских товаров, а индийский — открыться для английских готовых изделий. Английский парламент под влиянием этого нового класса начал проявлять большой интерес к Индии и к деятельности Ост-Индской компании. Прежде всего индийским товарам был закрыт доступ в Англию в законодательном порядке, и поскольку Ост-Индская компания имела монополию на экспорт из Индии, то это ограничение повлияло и на другие внешние рынки. За этим последовали энергичные попытки ограничить и задушить индийскую промышленность с помощью различных мероприятий и внутренних пошлин, которые препятствовали циркуляции индийских товаров даже внутри страны. Тем временем английские товары могли свободно ввозиться в Индию»².

Вот что писал Неру о вызванном этим разрушении многих отраслей индийской кустарной промышленности: «До некоторой степени это было неизбежно, так как старое производство сталкивалось с новой промышленной техникой. Но это ускорялось политическим и экономическим нажимом, а никаких попыток применить в Индии новую технику не было сделано. Наоборот, прилагались все усилия, чтобы воспрепятствовать этому, и таким образом экономическое развитие Индии было приостановлено, а развитие новых отраслей промышленности пресечено»³. Иными словами, отсутствие собственной государственности не позволило Индии активно проводить политику протекционизма в целях подчинения объективных процессов развития техники и технологии интересам отечественной промышленности. По мере углубления разрыва между техническим уровнем промышленности колонии и промышленности метрополии последняя в основном перестала нуждаться в специальных государственных мерах поддержки своей экспансии на индийском рынке, ибо рыночный механизм обеспечивал ей неоспоримое преимущество. «Первоначальное прямое сопротивление росту индийской промышленности,— по словам Неру,— уступило место косвенным методам, которые были столь же эффективны»⁴, а внешнеторговая экспансия британской промышленности стала осуществляться под лозунгами фри-тредерства *laissez faire*.

«Англия,— писал Неру,— взяла на вооружение политику свободной торговли... Поскольку она оставалась ведущей промышленной страной, в течение длительного времени ей можно было не особенно опасаться конкуренции в области промышленных товаров... Это стало причиной того, почему Англия взяла на вооружение политику свободы торговли, в то время как все другие промышленные страны придерживались протекционизма, защищая свою растущую промышленность путем обложения налогами импортируемых товаров»⁵. Индия, будучи колонией Англии, естественно, в течение длительного времени не могла прибегнуть к протекционизму, и под знаменем «свободы торгов-

ли» фабричная промышленность метрополии наводняла ее рынок своими товарами, подавляя промышленное развитие страны. «Даже в Законе об управлении Индией 1935 г., — отмечал Неру, — было особо оговорено, что индийские законодательные органы не могут препятствовать интересам английских промышленников в Индии»⁶.

Аналогичным образом лозунг *laissez faire* служил колониальным властям теоретической базой отказа от какого бы то ни было активного участия государства в содействии развитию индийской промышленности. Об этом лозунге, выдвинутом британскими промышленными капиталистами, Дж. Неру писал: «Они выработали новую философию, которая называется *laissez faire*, т. е. хотели вести свой бизнес как им заблагорассудится, без какого-либо вмешательства со стороны правительства. Создав фабричную промышленность до того, как это сделали другие страны, они захватили лидерство и стремились лишь обеспечить себе свободу „делать деньги“. *Laissez faire* стала почти священной теорией, и предполагалось, что ей может воспользоваться каждый. Каждый мужчина и женщина должны сражаться с остальным миром, если хотят добиться успеха, и ничего страшного нет, если многие в этой борьбе погибнут; *laissez faire* и новый капитализм установили закон джунглей»⁷.

Политика колониальных властей, конкуренция фабричных товаров метрополии и других развитых капиталистических стран не только затормозили промышленное развитие Индии, но также отрицательно сказались на развитии ее сельского хозяйства, деформировали социально-экономическую структуру страны. «Это был классический образец современной колониальной экономики. Индия превратилась в аграрную колонию индустриальной Англии, поставлявшую сырье и обеспечивавшую рынок сбыта для английских промышленных товаров. Ликвидация класса ремесленников привела к чудовищной безработице... Все эти армии кустарей и ремесленников не имели ни занятий, ни работы, и все их старинное мастерство было бесполезно. Они обратились к земле... Но земля была полностью занята и никак не могла обеспечить им выгодного занятия. Поэтому они стали бременем для земли, и это бремя все увеличивалось, а вместе с ним росло обнищание страны, и жизненный уровень снизился до невиданных размеров»⁸.

Под влиянием этих процессов происходила деградация аграрной структуры, усиливалось засилье в нем ростовщиков и полуфеодалов-помещиков. «Кризис в промышленности, — писал Неру, — быстро распространялся и на сельское хозяйство, где он превратился в постоянное явление. Земельные участки становились все меньше и меньше, и степень их дробления становилась нелепой и фантастической. Бремя сельскохозяйственной задолженности возрастало, и право владения землей зачастую переходило к ростовщикам. Число безземельных рабочих росло миллионами»⁹. Значительную долю ответственности за за-

силе полуфеодалных помещиков в сельском хозяйстве Дж. Неру возлагал на аграрную политику колониальных властей: «Крупные землевладельцы были созданы англичанами по своему собственному английскому образцу, главным образом потому, что значительно легче было иметь дело с несколькими отдельными лицами, чем с массой крестьян. Это мероприятие проводилось с целью собрать как можно больше денег в форме земельного налога и как можно быстрее»¹⁰. В конечном итоге это «создало обширную группу богатых землевладельцев, глубоко заинтересованных в сохранении английского владычества и полностью господствующих над массами народа»¹¹. Однако возникновение класса помещиков происходило и экономическим путем: вызванное колониальными условиями массовое обезземеливание крестьянства, переход значительной части земель в руки ростовщиков и зажиточной деревенской верхушки при росте давления на землю и вызванного этим увеличения ренты имели тенденции порождать новый класс крупных земельных собственников, которые предпочитали одавать землю в полуфеодалную аренду, а не вести собственное хозяйство. Все это создавало труднопреодолимые внутренние препятствия развитию сельского хозяйства, укрепляло феодальные пережитки в аграрной структуре.

Рассматривая весь комплекс взаимосвязей между развитыми капиталистическими странами Запада и колониальными странами, Неру приходит к важному выводу о взаимоотношении между процессом развития капитализма в первых и характером эволюции вторых. Прежде всего капиталистическое развитие европейских держав в значительной мере оплачивалось колониями: «Переход от допромышленной экономики к экономике промышленного капитализма связан с большими трудностями и оплачивается тяжелыми страданиями широких масс населения. Это проявлялось особенно ярко в те времена, когда не делалось никаких попыток планировать этот переход или смягчить его пагубные последствия и все было предоставлено частной инициативе. Эти же трудности ощущались и в Англии в переходный период, но в целом они не были так велики, так как этот переход совершился там быстро и вызванная им безработица вскоре исчезла с появлением новых отраслей промышленности. Но это не означало, что он не был оплачен человеческими страданиями. Стоимость была оплачена, и оплачена сполна, но другими людьми — особенно индийским народом, его голодом и смертью и огромной безработицей. Можно сказать, что большая часть стоимости индустриализации Западной Европы была оплачена Индией, Китаем и другими колониальными странами, экономика которых была порабощена европейскими державами»¹².

Другая сторона того же процесса — развитие капитализма в метрополиях, оказывая депрессивное влияние на экономику колоний, способствовало консервации там докапиталистических

отношений: «Индия подчинялась стране промышленного капитализма, но экономика самой Индии в значительной мере оставалась докапиталистической при отсутствии многих производительных элементов, присущих докапиталистическому периоду. Индия превратилась в пассивное орудие современного промышленного капитализма, страдая от всех его недостатков и не имея никаких его преимуществ»¹³.

Анализируя взаимоотношения между колонией и метрополией в ходе становления мирового капиталистического рынка, Дж. Неру делает важный вывод о том, что включенная в него отсталая экономика, не имеющая возможности использовать государство для регулирования воздействия этого рынка, неизбежно подвергается деформации, отрицательно сказывающейся на ее развитии: «Мировой рынок, который создавался новым капитализмом, должен был при любых обстоятельствах повлиять на экономическую систему Индии. Но происшедшая перемена не являлась следствием естественного развития и привела к дезинтеграции всей экономической и социальной основы индийского общества... Индия не вышла на мировой рынок, а превратилась в колониальный и аграрный придаток английского общественного строя»¹⁴.

В этих условиях не только рыночные силы, господствующие на мировом рынке, но и рыночный механизм, порождаемый деформированной социально-экономической структурой самой колонии, искажал процесс эволюции индийской экономики.

Вызванное торможением промышленного развития громадное аграрное перенаселение вздувало цену на землю и тем самым создавало дополнительные рыночные условия для взимания громадной, феодальной по своему характеру арендной платы, отнимавшей не только весь прибавочный, но также и значительную часть необходимого продукта крестьянина. «Арендная плата даже в самые лучшие для крестьянина времена была слишком высокой; во всякое же другое время ее невозможно было внести, не прибегая к услугам ростовщика»¹⁵. С одной стороны, это вело к бремени ростовщической задолженности, еще больше истощавшей крестьянское хозяйство, с другой — к переходу земельной собственности в руки ростовщиков и появлению нового класса крупных землевладельцев, не связанных с сельским хозяйством. «Сельскохозяйственная задолженность возрастала. Все классы сельского населения (помещики, крестьяне — собственники и арендаторы) стали жертвами ростовщика, который в тех условиях выполнял в примитивной сельской экономике незаменимую функцию. Он выполнял эту функцию к своей собственной выгоде и все больше прибирал к рукам землю и тех, кто был с ней связан. Действовал он почти бесконтрольно. Закон помогал ему, и он ни на йоту не отступал от своих прав и не только требовал, но и драл три шкуры с арендатора. Мало-помалу к нему переходила земля многих мелких помещиков и крестьян-собственников, и ростовщик сам становился крупным зем-

Неру в детстве

Неру в Москве. 1927 г.

Ганди, Неру и Абул Калам Азад.
Вардха. Август 1935 г.

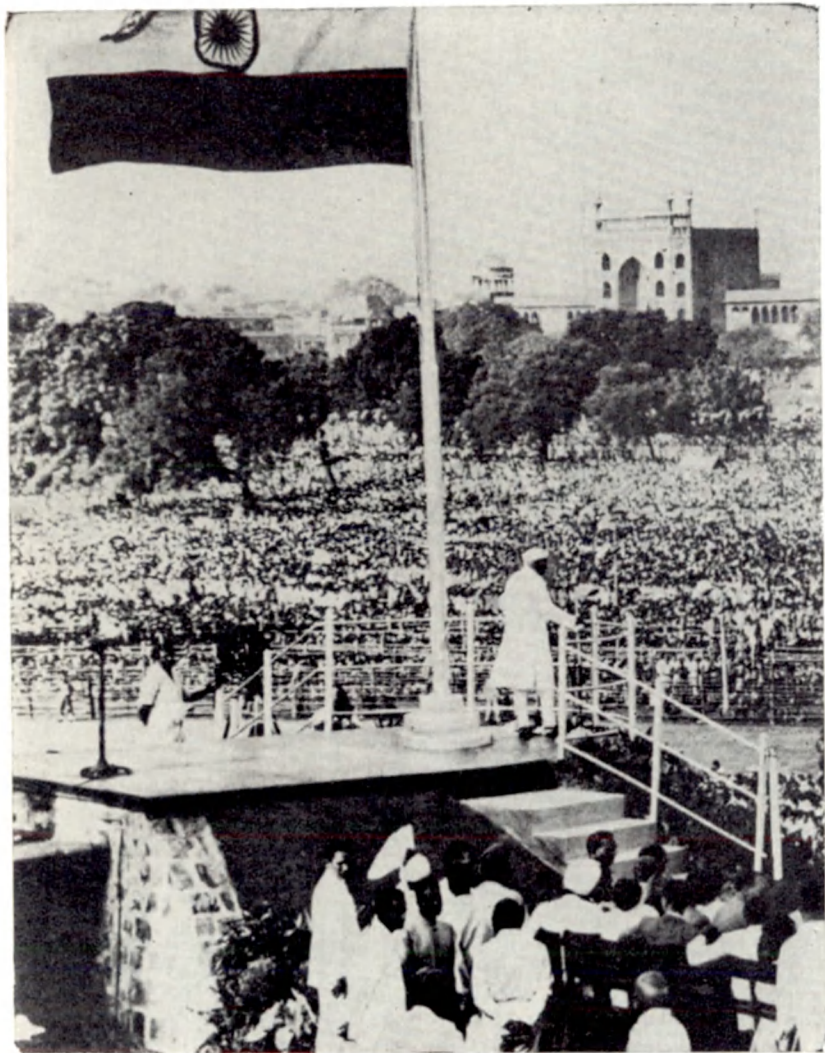
Неру с дочерью Индирой и В. К. Кришной Меноном
в Лондоне. 1938 г.

Неру с Махатмой Ганди. Май 1946 г.

Неру с национальным флагом
в Учредительном собрании. Июль 1947 г.

На митинге у Красного Форта
в день провозглашения независимости Индии. 1947 г.

Неру с Альбертом Эйнштейном. США, 1949 г.

Неру подписывает Конституцию Индии.
Нью-Дели, январь 1950 г.

Неру с дочерью Индирой
и внуками Санджеем и Радживом

Неру с Бернардом Шоу.
Англия, 1949 г.

На Бхилайском металлургическом комбинате.
Март 1963 г.

Неру с дочерью Индирой. Москва, 1955 г.

Неру с Н. С. Хрущевым и А. А. Громыко. 1954 г.

Неру с Тенцингом Норгеом и его дочерью

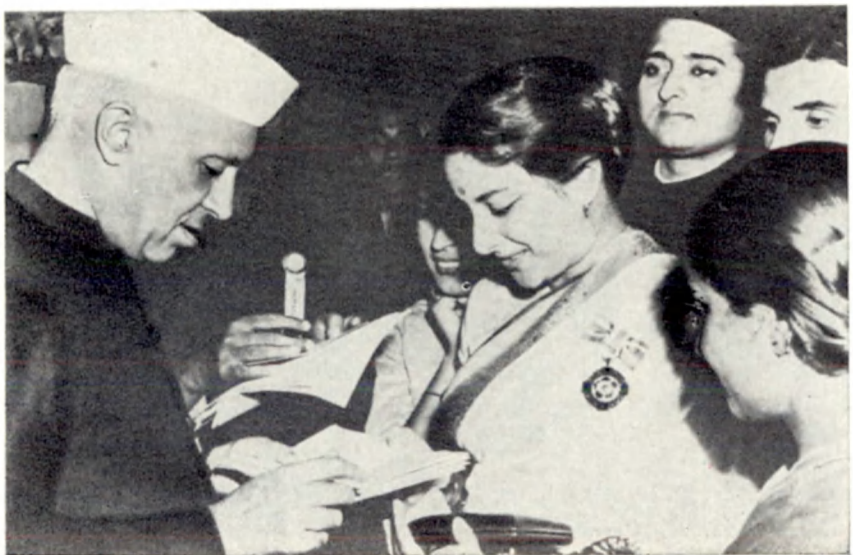

Неру с Фиделем Кастро. Нью-Йорк: Сентябрь 1960 г.

Неру с Кваме Нкрумой, Гамаль Абдель Насером, Сукарно и Иосипом Броз Тито на встрече руководителей неприсоединившихся стран. Нью-Йорк, 1960 г.

Неру и Уолт Дисней в Диснейленде Ноябрь 1967 г.

Неру с Джоном Кеннеди, Вашингтон. Ноябрь 1961 г.

Неру с индийской кинозвездой Нургис

левладельцем, видным заминдаром, одним из представителей земельной знати. Крестьянин — владелец земли, обрабатывавший до той поры свой собственный участок, стал чуть ли не крепостным бани-заминдара, или *сахукара*. Еще хуже было положение арендатора. Он также являлся крепостным сахукара или пополнял собой ряды растущей армии обнищавшего, безземельного пролетариата. Превратившийся таким образом в землевладельца финансист или банкир не был кровно связан с землей или с арендаторами. Обычно это был житель города, где он и занимался своими банковскими операциями, а сбор арендной платы поручал агентам, которые выполняли эту работу с бессердечием и жестокостью автоматов»¹⁶.

Таким образом, не только юридические установления, но и рыночный механизм поддерживали засилье полуфеодальных отношений в аграрной структуре. С одной стороны, они задерживали переход крупных землевладельцев от сдачи земли в полуфеодальную аренду к ведению собственного хозяйства, а с другой, — истощая крестьянское хозяйство, препятствовали повышению его агротехнического уровня. В обоих случаях они мешали сельскохозяйственному развитию колонии и обрекали на нищету и голод основные массы населения страны. «Постепенный рост сельскохозяйственной задолженности, — писал Дж. Неру, — сам по себе служил показателем нездорового и неустойчивого характера системы землевладения. Огромное большинство населения не обладало никаким запасом физических или материальных сил, никакой сопротивляемостью и жило на грани голода»¹⁷.

Искаженный колониальной социально-экономической структурой рыночный механизм деформировал и процесс развития промышленности. Иностранная конкуренция создавала высокий инвестиционный барьер, препятствовавший массовому росту мелких промышленных предприятий, разрушала кустарное производство и крайне сужала слой предпринимателей, связанных с развитием отечественной техники производства. В этих условиях необходимые для преодоления инвестиционного барьера крупные капиталы образовывались преимущественно в сфере торговли и финансов в руках представителей традиционных торговоростовщических каст. Они создавали предприятия, базирующиеся на зарубежной технике крупного машинного производства с низким потенциалом занятости. «Хотя массы Индии были ужасающе бедны, — писал Дж. Неру, — и все больше нищали, крохотная верхушка общества процветала в новых условиях и накапливала капитал... Торговля и промышленность росли медленно, и, интересно отметить, в них были заняты преимущественно те слои общества, для которых это было профессией в течение сотен лет»¹⁸. Он отмечал, что такой путь развития промышленности не решает проблемы уменьшения аграрного перенаселения, безработицы и полубезработицы: «Как ни замедляли и ни задерживали рост промышленности в Индии, все же он происходил и привлекал внимание. Однако это развитие промышлен-

ности почти ничего не изменило в проблеме обнищания масс и нехватки земельных участков. Из десятков миллионов безработных и полубезработных в промышленность перешло несколько сот тысяч рабочих. Этот переход был настолько ничтожен, что не повлиял на растущую аграризацию страны»¹⁹.

В рамках колониальной социально-экономической структуры и при деформированном ею рыночном механизме, пробивавший себе дорогу процесс накопления капитала не решал проблем безработицы и нищеты основных масс населения. Неру считал, что «небольшие группы или отдельные лица, которые нашли возможности для роста и улучшения своего положения при чужеземном правлении, были оторваны от масс, чье положение продолжало ухудшаться. В руках этих групп произошло некоторое накопление капитала, и постепенно создались условия для дальнейшего роста. Но основные проблемы — нищета и безработица — оставались нерешенными»²⁰.

Анализ социально-экономической структуры колониальной Индии и характера ее эволюции поставил перед Неру трудную проблему решения крайне сложного вопроса об оптимальном пути развития, который позволил бы распутать клубок противоречий, препятствующих общему прогрессу страны.

Не соглашаясь с теми, кто предлагал отказаться от развития крупной промышленности и современной технологии, Неру решительно выступил за индустриализацию как решающее условие обеспечения независимости и общего прогресса: «Трудно возражать против того, что в современном мире ни одна страна не может быть независимой в политическом и экономическом отношении даже в рамках международной взаимозависимости, если она не является высокоиндустриальной и не развила в максимальной степени свои энергетические ресурсы. Страна не может также достичь высокого уровня жизни или поддерживать его и ликвидировать нищету без помощи современной техники почти во всех областях жизни. Отсталая в промышленном отношении страна всегда будет нарушать мировое равновесие и вызывать агрессивные тенденции у более развитых. Даже если она и сохранит политическую независимость, эта последняя будет лишь номинальной, а контроль над экономикой перейдет к другим. Потеря контроля неизбежно приведет к подрыву основанной на мелкой промышленности экономики, которую она стремится сохранить, следуя своим взглядам на жизнь. Таким образом, попытка строить экономику, опирающуюся главным образом на кустарную и мелкую промышленность, обречена на неудачу. Это не разрешит основных проблем, стоящих перед страной, и не обеспечит сохранение ее свободы; она сможет занять место в мировом хозяйстве только в качестве колониального придатка»²¹.

Осознавая важность проблемы занятости, Неру отнюдь не отвергал полностью мелкой промышленности. Однако он определял ее место, исходя из потребностей развития экономики в

целом и задачи повышения общего технологического уровня последней. Стремясь найти оптимальное сочетание крупной и мелкой промышленности, он рассматривал эту проблему в динамике. Неру не только отводил мелкому производству подчиненную роль, но также считал необходимым обеспечить развитие ее техники и технологии: «Возможно ли, чтобы страна имела одновременно два совершенно различных экономических уклада, из которых один основан на крупной машинной промышленности и индустриализации, а другой — в основном на кустарной промышленности? Это вряд ли возможно, так как один уклад должен подавить другой, и нет сомнений в том, что крупная машинная промышленность возьмет верх, если только это не будет предотвращено насильственными мерами. Таким образом, речь идет не просто о сочетании двух способов производства, двух экономических укладов. Один должен быть господствующим, главным, а другой — подчиненным и приспособляющимся по мере возможности к первому. Экономика, основанная на последних достижениях техники, естественно, окажется господствующей. Если техника требует крупных машин, как мы видим это теперь повсюду, то надо дать дорогу крупному машинному оборудованию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Там, где техника это позволяет, желательно децентрализовать производство. Во всяком случае, следует придерживаться новейшей техники, а сохранение отживших и устарелых методов производства, если только они не рассматриваются в качестве временной меры, паллиатива, было бы тормозом для роста и развития»²².

Признавая, что неконтролируемое развитие крупной промышленности в условиях колониальной Индии ведет к серьезным отрицательным последствиям, Неру подчеркивал: причина этого не в крупном машинном производстве, как таковом, а в социально-экономическом содержании индустриализации, в социально-экономической структуре, в рамках которой она осуществляется. «Вред неограниченной и бесплановой индустриализации уже всеми признается. Другой вопрос: является ли это зло необходимым спутником тяжелой промышленности или же оно плод социальной и экономической системы, на которой эта последняя основывается? Если главное значение имеет экономическая система, то мы, безусловно, должны взяться за изменение этой системы, вместо того чтобы осуждать неизбежное и желательное для нас развитие техники»²³.

Задачу изменения социально-экономической структуры Неру тесно связывал с необходимостью планирования: «Я являюсь сторонником тракторов и крупного машинного оборудования, и я уверен в том, что быстрая индустриализация Индии необходима для того, чтобы уменьшить аграрное перенаселение, для борьбы с нищетой и повышения уровня жизни, для обороны и ряда других целей. Но я убежден также и в том, что пожать плоды индустриализации и избежать многих ее опасностей можно только путем самого тщательного планирования и регулиро-

вания. Такое планирование необходимо теперь во всех странах, подобных Китаю и Индии, отстававших в своем развитии и имеющих прочные традиции...»²⁴

«Планирование,— писал Дж. Неру,— необходимо, ибо в противном случае мы будем впустую растрачивать наши ресурсы, которые весьма органиченны. Планирование не означает лишь набора плановых объектов; оно представляет собой продуманный подход к тому, как увеличить базу и темпы прогресса, с тем чтобы общество прогрессировало на всех фронтах»²⁵.

Крайняя сложность задач преобразования социально-экономической структуры общества и обеспечения его всестороннего прогресса предъявляет, по мнению Дж. Неру, особые требования к планированию. С одной стороны, оно не должно терять из виду основную цель развития общества, его перспективу, а с другой — в каждый данный момент планирование должно ставить четкие и конкретные задачи, выполнение которых обеспечивает движение к конечной цели. Отсюда он делает вывод о необходимости органического сочетания, взаимной увязки текущего и перспективного планирования, а также о необходимости физического планирования: «Национальный план имеет как краткосрочные, так и долгосрочные цели. Долгосрочная цель дает истинную перспективу. Без него краткосрочное планирование принесет мало пользы и заведет нас в тупик. Планирование будет, таким образом, всегда перспективным и твердым в отношении физических целей, к которым мы стремимся. Иными словами, оно должно быть физическим планированием, хотя очевидно, что оно ограничено и обусловлено финансовыми ресурсами и экономическими условиями»²⁶.

Важной чертой выдвинутой Неру концепции планирования является утверждение неразрывной связи проблемы увеличения производства с проблемой распределения и необходимости учета этой связи в процессе планирования: «Успех... любого плана неизбежно зависит не только от производства, но и от надлежащего и справедливого распределения национального богатства»²⁷. Опираясь на исторический опыт развития капитализма, он писал, что концентрация богатства и экономической власти в руках немногих при обнищании и росте безработицы широких масс населения неизбежно ограничивает рост производства. «Тем временем действовали два других процесса — незаметно, но очень быстро. Один — концентрация богатства и промышленной власти у все меньшего числа лиц в результате образования громадных трестов, картелей и комбинатов. Другой — постоянные улучшения в технике и методах производства, ведущие ко все большей механизации, ко все большему производству и все большей безработице по мере того, как рабочие вытеснялись машинами. И это привело к странному результату. Именно в то время, когда промышленность производила товары в наиболее крупных за всю историю массовых масштабах, было мало людей, которые могли бы купить их, ибо громадное большинство

было слишком бедными, чтобы позволить себе это. Разве могли заплатить за них армии безработных, которые ничего не зарабатывали; впрочем, и большинство из тех, кто имел заработки, могли тратить очень мало. Новая правда внезапно озарила ошеломленные умы крупнейших промышленных магнатов (этот процесс озарения еще не получил распространения среди лидеров промышленности в Индии) — эта правда состояла в том, что массовое производство требует массового потребления. Но если у масс нет денег, то как могут они покупать или потреблять? И что тогда произойдет с производством? Производство в этом случае останавливается или ограничивается, и колеса промышленности замедляются и затем еле движутся. Безработица растет еще больше, и это, в свою очередь, сокращает потребление»²⁸.

Неру делает вывод, что планирование, игнорирующее необходимость социально-экономических преобразований в целях более справедливого распределения доходов и богатства, направленное лишь на увеличение производства, не решает проблему всестороннего прогресса общества и в конечном счете отрицательно сказывается на самом росте производства. Поэтому он считает, что оно должно быть всесторонним процессом, увязывающим задачу увеличения производства с определенными социально-экономическими преобразованиями и перераспределительными мерами в интересах широких масс, даже если они затрагивают интересы тех или иных привилегированных групп: «Увеличение продукции совершенно необходимо, но оно само по себе не продвинет нас далеко вперед и может даже усложнить стоящие перед нами задачи. Попытка сохранить давно установленные привилегии и ограждать крупные частные интересы в корне подрывает планирование. Реальное планирование должно исходить из того, что никакие частные интересы не должны мешать осуществлению проекта, имеющего своим назначением улучшение благосостояния общества в целом»²⁹.

Решение проблем развития Дж. Неру видел в обобществлении производства на базе планирования, развитии государственных и кооперативных предприятий, которые он считал, по существу, единственной реальной альтернативой установлению господства частных монополий, основным орудием устранения их из социально-экономической структуры, обеспечения экономического и социального равенства. «Политические перемены нужны, но в такой же мере необходимы и экономические перемены. Эти перемены должны произойти в направлении демократически планируемого коллективизма. „Выбор, — говорил Р. Х. Тоунн, — лежит не между конкуренцией и монополией, а между той монополией, которая является безответственной и частной организацией, и той монополией, которая является ответственной и общественной организацией“. Общественные монополии растут даже в капиталистических государствах, и они будут продолжать расти. Конфликт между идеей, лежащей в их основе, и

частной монополией будет продолжаться, пока последняя не будет ликвидирована. Демократический коллективизм обязательно должен означать отмену частной собственности, но он будет означать принадлежность обществу основных и крупных отраслей промышленности. Он будет означать кооперативный или коллективный контроль над земельной собственностью. Особенно в Индии необходимо будет иметь кроме крупной промышленности мелкую и сельскую промышленность, контролируемую на кооперативных началах. Такая система демократического коллективизма потребует тщательного и непрерывного планирования и приспособления к меняющимся нуждам народа. Цель должна состоять в том, чтобы расширить производственный потенциал народа всеми возможными путями, вовлекая в то же время всю рабочую силу нации в тот или иной вид деятельности и предотвращая безработицу. По возможности должна существовать свобода выбора профессии. Результатом всего этого не будет уравнивание доходов, но будет обеспечено более справедливое распределение их и создана тенденция к постепенному выравниванию их. Во всяком случае, существующие ныне огромные различия полностью исчезнут, а те классовые различия, которые базируются в основном на различиях в доходах, начнут стираться. Такая перемена будет означать коренное преобразование современного общества, в основе которого лежит прежде всего стремление к извлечению прибыли, стяжательству. Стремление к извлечению прибыли может еще сохраниться в известной степени, но оно не будет преобладающим мотивом и не будет иметь такого простора, как в настоящее время»³⁰.

Переход основных отраслей крупной промышленности под контроль государства был призван также устранить отрицательные последствия, связанные с ее бесконтрольным развитием, и обеспечить ее оптимальное сочетание с мелкой промышленностью.

В то же время промышленные кооперативы рассматривались как основная институциональная форма обеспечения такого сочетания в самой мелкой промышленности, а также повышения общего технического уровня последней. Относительно развития промышленной кооперации Неру писал: «Мне представляется, что подобное движение возможно и в Индии. Оно соответствовало бы условиям индийской жизни, придало бы демократический характер мелкой промышленности и развило бы навыки кооперирования. Индустриальные кооперативы смогли бы служить дополнением к крупной промышленности. Следует помнить, что даже при самом быстром развитии тяжелой промышленности в Индии останется широкое поле деятельности для мелкого и кустарного производства... Растущее использование электроэнергии способствует росту мелкой промышленности и дает ей возможность экономически конкурировать с крупной... Я считаю, что нам надо было с самого начала поощрять развитие кооперативов и в большей мере использовать технические и научные зна-

ния для совершенствования мелкого оборудования, применяемого в домашней и сельской промышленности»³¹.

Развитие кооперирования в сельском хозяйстве Неру связывал с проведением аграрных реформ. «Земельные реформы,— писал он,— имеют особое значение, поскольку без них, особенно в такой перенаселенной стране, как Индия, невозможно радикальное улучшение продуктивности сельского хозяйства. Однако основная цель земельных реформ более глубокая. Они предназначены для того, чтобы разрушить устаревшую классовую структуру стагнирующего общества»³². По мнению Неру, «аграрная реформа тоже является одной из основных предпосылок успешного планирования»³³.

Придавая первостепенное значение социально-экономическим целям планирования, Неру подчеркивал их тесную связь с характером институционального обеспечения планового развития, которое он считал одним из решающих условий успеха последнего: «Идея планирования и планового устройства общества в той или иной мере принимается теперь почти всеми. Но планирование само по себе имеет мало значения и необязательно ведет к хорошим результатам. Все зависит от целей плана и от контролирующего органа, а также, конечно, от правительства, содействующего его осуществлению»³⁴. Исходя из своего понимания целей планирования в Индии, Неру считал невозможным их достижение, если оно окажется под контролем крупного бизнеса, поскольку осуществление этих целей может затронуть интересы последнего. «Если планирование в значительной мере будет контролироваться крупными промышленниками,— писал он,— оно, естественно, будет осуществляться в рамках привычной для них системы и будет, по сути дела, основываться на стремлении к извлечению прибыли, характерном для общества, в основу которого положен дух наживы»³⁵.

Неру считал также невозможным осуществить необходимые для Индии социально-экономические преобразования и плановое развитие под эгидой колониального правительства и представляемого им государства. Критикуя подход индийских крупных промышленников к вопросу о роли государства в экономике, он писал: «Какие бы благие намерения они не имели — а некоторые из них, конечно, преисполнены добрых намерений,— им все же трудно мыслить по-новому. Даже в тех случаях, когда они говорят о государственном контроле над промышленностью, они представляют себе государство таким, каким оно существует в настоящее время»³⁶. Однако колониальное государство по самой своей природе не только не стремится к осуществлению необходимых социально-экономических преобразований, но и стоит на охране институтов и привилегированных социально-классовых групп, противодействующих таким изменениям: «Большая часть проблем, стоящих перед нами в настоящее время, вызвана этим приостановленным развитием и тем, что английское господство препятствует нормальным переменам... Подоплекой этих

и других проблем является стремление английского правительства сохранить по возможности существующую экономическую систему и политическую организацию индийского народа. С этой целью оно старается поощрять социально отсталые группы и сохранять их в нынешнем состоянии. Политическому и экономическому прогрессу ставились не только прямые препятствия, но он также был поставлен в зависимость от согласия реакционных групп и крупных частных интересов, а это согласие можно купить, только подтвердив их привилегированное положение или предоставив им решающую роль в любом будущем мероприятии и, таким образом, создав огромные помехи действительным изменениям и прогрессу... Главная трудность в Индии заключалась в том, что и в конституционных мероприятиях на будущее, которые предлагались англичанами или даже многими индийцами, игнорировались нынешние социальные силы, не говоря уже о тех потенциальных силах, которые в течение длительного времени были подавлены, но которые теперь выходят на поверхность, и делалась попытка навязать и сделать неизменным порядок, основанный на отмирающих отношениях прошлого, совершенно не соответствующих требованиям настоящего времени»³⁷.

Вот почему Неру делает вывод, что решение стоящих перед Индией проблем в колониальных условиях невозможно: «Наши главные трудности в Индии объясняются тем, что мы рассматриваем наши проблемы — экономические, социальные, индустриальные, сельскохозяйственные, общинные, проблему княжеств — в рамках существующих условий. Но в рамках этих условий, при сохранении привилегий и особого статуса, являющихся их составной частью, они становятся неразрешимыми»³⁸.

Таким образом, сама логика изучения эволюции Индии и общемирового исторического процесса в целом приводит Неру к глубокому убеждению в неразрывной связи социально-экономического прогресса с завоеванием политической независимости и обретением собственной государственности. «Широкое планирование возможно лишь при наличии свободного национального правительства, достаточно сильного и достаточно популярного, чтобы осуществить коренные преобразования в социальной и экономической системе. Следовательно, достижение национальной свободы и ликвидация иностранного контроля представляет необходимую предпосылку планирования»³⁹. Эта зависимость, по мнению Дж. Неру, имеет и обратную сторону, ибо, как показано выше, он был уверен, что без осуществления необходимых социально-экономических преобразований, без индустриализации Индия не сможет сохранить ни экономической, ни политической самостоятельности.

Неру видел и еще один важный аспект взаимосвязи борьбы за социально-экономический прогресс с борьбой за независимость. Ликвидация чужеземного колониального господства и завоевание полной политической независимости зависели от поддержки социальных сил, готовых добиваться этой цели. Рассма-

тривая вопрос о социальной базе национально-освободительного движения и Индийского национального конгресса, Неру отмечал, что одним из первых классов, который стал выступать за политические реформы, была растущая индийская буржуазия. «Именно эта группа требовала политических реформ и возможностей для вложения своих капиталов. В политической области в 1885 г. был создан Индийский национальный конгресс»⁴⁰. Однако по мере своего обогащения верхние слои этого класса, как и другие привилегированные группы, опасаясь за свои интересы, все больше сочетали оппозицию радикальным социально-экономическим преобразованиям со склонностью к компромиссам с колониальными властями.

Отмечая, что «под обманчивым покровом национализма действуют противоречивые экономические интересы» и «привилегированные группы пытаются сохранить свои привилегии, прикрываясь национализмом», Неру писал: «Инстинктивно там понимали, что, если бы в Индии произошли коренные политические изменения, это привело бы к тому, что господствующее или по меньшей мере влиятельное положение заняли бы представители народных масс, которые неизбежно стали бы выдвигать требования радикальных социальных преобразований и тем самым поставили бы под угрозу интересы привилегированных групп. Эта тревожная перспектива отпугнула индийские привилегированные группы и заставила их выступить против сколько-нибудь глубоких политических изменений. Они хотели, чтобы англичане остались в Индии в качестве решающего фактора, дабы оградить существующий общественный строй и интересы привилегированных групп. Такова была истинная подоплека их настойчивого требования статуса доминиона»⁴¹. Поэтому достижение полной политической независимости Неру связывал с расширением социальной базы национально-освободительного движения путем вовлечения в него широких народных масс. Активизация и обеспечение поддержки последних, в свою очередь, рассматривались им как важный фактор осуществления радикальных социально-экономических преобразований.

Естественным следствием этого подхода Неру к проблемам социально-экономического развития Индии были его усилия, направленные на разработку соответствующей социально-политической программы в рамках Индийского национального конгресса, превращение ее в важнейшую составную часть общих программных требований и стратегии партии. В своем обращении к сессии ИНК в Лахоре 26 января 1929 г. в качестве вновь избранного председателя Неру назвал разработку социально-экономической программы в интересах народных масс «важнейшей из основных проблем», стоящих перед партией. «Индия — это крестьяне и рабочие,— говорил он,— и в той мере, в какой мы улучшим их положение и удовлетворим их нужды, мы достигнем успеха в осуществлении нашей цели. И сила нашего национального движения будет определяться их приверженностью ему.

Мы сможем привлечь этих людей на нашу сторону, лишь защищая их интересы, которые в действительности являются интересами страны. Конгресс часто выражал свои добрые намерения по отношению к ним, но дальше этого он не шел. Говорят, что Конгресс должен беспристрастно соблюдать баланс между капиталом и трудом, между землевладельцем и арендатором. Но он был и остается ужасающе нарушенным в интересах одной стороны и в целях сохранения несправедливости и эксплуатации. Единственный путь выправить его состоит в устранении доминирования одного класса над другим. Всеиндийский комитет Конгресса одобрил этот идеал социальных и экономических изменений в резолюции, которую он принял несколько месяцев назад в Бомбее. Я надеюсь, что Конгресс тоже поддержит его, а также разработает программу таких изменений, которые могут быть осуществлены немедленно. Возможно, сегодня Конгресс в целом не может пойти в этой программе далеко. Но он должен постоянно держать в поле зрения конечный идеал и бороться за его достижение»⁴².

Важной вехой в разработке стратегии социально-экономического развития ИНК и участия Неру в этом процессе стала сессия ИНК в Карачи в марте 1931 г. На этой сессии была принята внесенная Неру Резолюция об основных правах и экономической программе. «Конгресс считает,— говорится в Резолюции,— что для того, чтобы массы могли оценить, что означает для них „сварадж“ в интерпретации Конгресса, желательно изложить позицию Конгресса так, чтобы она была понятна им. Чтобы покончить с эксплуатацией масс, политическая свобода должна включать реальную экономическую свободу для голодающих миллионов»⁴³. Среди различных целей, к достижению которых будет направлена деятельность независимого правительства в соответствии с Конституцией, которую составят под эгидой ИНК, был назван «контроль государства над ключевыми отраслями промышленности и государственная собственность на минеральные ресурсы». Наряду с созданием государственного сектора в промышленности предусматривался также государственный «контроль над денежной и валютной политикой в целях помощи индийской промышленности и облегчения положения масс». Резолюция, по сути, предусматривала определенные перераспределительные меры в интересах трудящихся: с одной стороны, обеспечение «прожиточной заработной платы для промышленных рабочих... значительное сокращение сельскохозяйственной арендной платы или поземельного налога, выплачиваемого крестьянством, при освобождении на необходимый срок от арендной платы неэкономичных владений», с другой — «установление прогрессивного подоходного налога на сельскохозяйственные доходы, превышающие определенный минимум»⁴⁴.

Комментируя итоги сессии, Дж. Неру писал: «Я выступал и по другим резолюциям, в частности по резолюции о казни Бхагата Сингха и об основных правах и экономической политике.

Последняя резолюция особо интересовала меня. Отчасти это было вызвано ее содержанием и в еще большей степени тем, что она представляла нечто новое в воззрениях Конгресса. До сих пор Конгресс мыслил в чисто националистическом плане и избегал экономических проблем, если не считать того, что он поощрял в общем развитие кустарных промыслов и свадеши. В резолюции, принятой в Карачи, он сделал очень небольшой шаг в социалистическом направлении, высказавшись за национализацию основных отраслей промышленности и коммунальных предприятий и за ряд других мер, направленных на то, чтобы облегчить бремя бедных и увеличить бремя богатых. Это отнюдь не был социализм, и капиталистическое государство легко могло бы принять почти все, содержащееся в этой резолюции»⁴⁵.

В последующие годы Неру продолжал активно выступать с пропагандой своей социально-экономической стратегии. В 1936 г. на сессии ИНК в Лакхнау он подчеркивал особую важность аграрных преобразований, а в 1937 г. положение об аграрной реформе было включено по его настоянию в предвыборный манифест ИНК на выборах в законодательные собрания. На сессии ИНК в Лакхнау он выдвинул положение о необходимости организации масс, считая это важной предпосылкой как экономических преобразований, так и расширения национально-освободительного движения. Он призывал Конгресс содействовать созданию крестьянских и профессиональных союзов, ведению ими экономической борьбы. Предлагалось также коллективное членство в ИНК основных крестьянских и рабочих организаций⁴⁶.

Важным этапом разработки социально-экономической стратегии ИНК стала работа созданного в 1938 г. по инициативе Конгресса Национального комитета по планированию, председателем которого был Неру. По его словам, целью работы Комитета было подготовить почву «для эффективного планирования в будущем, указав одновременно правительствам провинций и княжеств направление, в каком они должны действовать и развивать свои ресурсы», а также заставить людей «выйти из узких рамок, в которых они мыслили и действовали, рассматривать проблемы в их взаимосвязи и выработать хотя бы отчасти более широкие согласованные взгляды»⁴⁷. Достигнуть этой цели было весьма трудно. «В том составе, в каком был образован Комитет,— писал Неру,— нам всем трудно было договориться относительно основ социальной политики или принципов, на которых должна быть построена социальная система»⁴⁸.

Действительно, по своему составу Комитет был весьма неоднородным: «Он состоял из 15 членов; кроме того, в него входили представители правительств провинций и тех индийских княжеств, которые изъявили желание сотрудничать с нами. В числе членов Комитета были известные промышленники, финансисты, экономисты, профессора, ученые, а также представители Всеиндийского конгресса профсоюзов и Ассоциации сельской промышленности»⁴⁹. При этом «представители крупного бизнеса

были явно встревожены и настроены критически и, вероятно, вступили в Комитет из тех соображений, что легче защищать свои интересы, находясь внутри Комитета, чем за его пределами»⁵⁰. В результате в ходе работы Комитета столкнулись различные и даже противоположные концепции и подходы: «В широком смысле слова существует два подхода: социалистический, предполагающий устранение стимула прибыли и подчеркивающий необходимость справедливого распределения, и подход крупного капитала, стремящийся в максимальной степени сохранить свободное предпринимательство и стимул прибыли и делающий большой упор на производство. Существовали также принципиальные различия между теми, кто стоял за быстрый рост тяжелой промышленности, и теми, кто считал нужным уделять больше внимания развитию крестьянской и кустарной промышленности, чтобы в максимальной степени рассосать полную и частичную безработицу»⁵¹.

По словам Неру, удалось добиться согласия в отношении таких целей, как «индустриализация», «всестороннее национальное планирование», в рамках которого будет обеспечено «развитие ключевых отраслей тяжелой промышленности, средней и кустарной промышленности», «обеспечение достаточного уровня жизни для масс», достижение «национальной самообеспеченности», «развитие сельскохозяйственного производства», «уменьшение безработицы» и т. д. «Были приняты общие руководящие принципы в земельной политике: „Обрабатываемая земля, рудники, карьеры, реки и леса являются видами национального богатства, которое, безусловно, должно быть общественной собственностью народа Индии“. В обработке земли следует применять кооперативный принцип путем создания коллективных и кооперативных хозяйств. Однако у нас не было намерения отказаться, во всяком случае, на первое время, от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, но после окончания переходного периода предполагалось полностью устранить посредников вроде талукдаров, заминдаров и др. Их имущественные права предполагалось постепенно выкупить. В соответствии с планом, государство должно было немедленно приступить к созданию коллективных хозяйств на пустующих землях, пригодных для обработки. Кооперативное хозяйство могло быть создано как на основе индивидуальной, так и совместной собственности. Предполагалось предоставить возможность развития различных типов хозяйств, с тем чтобы на опыте решить, каким формам отдать предпочтение»⁵².

Наибольшие разногласия вызвал вопрос о роли государства в экономике. «Итак,— писал Неру,— хотя мы начали свою работу, не имея отчетливой социальной теории, наши социальные цели были достаточно ясны, и это обеспечивало общую основу для планирования. Самая суть этого планирования заключалась в широком регулировании и координации. Таким образом, хотя свободное предпринимательство, как таковое, не устранялось,

простор для него был значительно ограничен. Было решено, что предприятия оборонных отраслей промышленности должны быть государственной собственностью и находиться под контролем государства. Что касается других основных отраслей промышленности, то, по мнению большинства, они тоже должны принадлежать государству, но значительное меньшинство Комитета считало, что достаточно будет установления государственного контроля. Однако контроль над этими отраслями промышленности должен быть весьма строгим. Было также решено, что коммунальные предприятия должны принадлежать какому-либо государственному органу — центральному, или провинциальным правительствам, или же органам местного управления... В отношении других важных отраслей промышленности не было принято определенного решения, но считалось несомненным, что самая природа планового хозяйства требует контроля, степень которого может меняться для разных отраслей промышленности... Выдвигались также предложения о кооперативном контроле и контроле в промышленности... Мы, или, во всяком случае, некоторые из нас, рассчитывали создать социализированную систему кредита. В случае, если банки, страховые общества и другие учреждения не будут национализированы, они должны быть по крайней мере поставлены под контроль государства, что привело бы к государственному регулированию капитала и кредита. Было также желательно поставить под контроль экспортную и импортную торговлю. Такими различными мерами был бы в значительной степени обеспечен контроль государства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в целом, хотя он варьировал бы в различных случаях и допускал бы в ограниченной сфере частную инициативу»⁵³.

Многие разногласия так и не удалось преодолеть. Однако под руководством Неру добились признания ряда основополагающих принципов его концепции социально-экономического развития: необходимости усиления роли государства в экономике, государственного сектора, планирования и государственного регулирования, развития кооперации, аграрных реформ как важнейших факторов обеспечения процесса индустриализации, сельскохозяйственного подъема, экономической независимости и повышения жизненного уровня народных масс.

После ареста Неру колониальными властями в октябре 1940 г. работа Комитета прекратилась. «Мне хотелось, чтобы Комитет по планированию продолжал свою деятельность,— писал Неру,— и я просил моих коллег, остававшихся на свободе, не прекращать работы. Но они не хотели работать без меня. Я пытался добиться того, чтобы материалы Комитета были доставлены в тюрьму: я мог бы работать над ними и подготовить проект доклада. Но правительство Индии вмешалось и воспрепятствовало этому. Мне не разрешили получить документы, не разрешили также свиданий для обсуждения этих вопросов. Таким образом, Национальный комитет по планированию пребывал в

бездействии, пока я находился в тюрьме»⁵⁴. Однако усилия Дж. Неру не пропали даром. Даже в незавершенном виде работа, проделанная Комитетом и его подкомитетами, сыграла важную роль в разработке социально-экономической стратегии ИНК и правительства независимой Индии.

Когда после завоевания политической независимости Всендийский комитет Конгресса на своем заседании 17 ноября 1947 г. назначил Комитет по разработке экономической программы партии под председательством Неру, такая программа была подготовлена в рекордно короткий срок. Действительно, первое заседание Комитета состоялось 10 декабря 1947 г., а уже 25 января 1948 г. был готов доклад Комитета, содержащий всестороннюю взаимоувязанную стратегию социально-экономического развития. Представляется, что социально-экономические воззрения Дж. Неру на путь эволюции страны получили в этом докладе наиболее развернутое выражение.

Доклад рекомендовал включить в государственный сектор все те отрасли крупной промышленности, конкуренция которых отрицательно сказывается на кустарной домашней промышленности, все «новые предприятия в оборонных и ключевых отраслях, а также отраслях общественного пользования» и новые предприятия «монополистического характера» и те, которые «по масштабам своих операций обслуживают страну в целом или охватывают более чем одну провинцию». После «подготовительного периода» в пять лет рекомендовалось начать процесс национализации существующих предприятий такого рода⁵⁵.

Поддержка мелкой, прежде всего кустарной, промышленности тоже связывалась с усилением экономической роли государства. За кустарным домашним производством предлагалось зарезервировать ряд отраслей и производств, существующие в них крупные предприятия передать под контроль государства, а в случае необходимости расширения в этих отраслях крупного машинного производства, оно должно осуществляться «под эгидой государства». Главная роль в развитии мелкой промышленности отводилась кооперации, развитие которой предлагалось осуществлять под эгидой и при активном участии государства, включая участие в капитале. «Мелкие предприятия и домашнюю промышленность,— говорится в докладе,— следует поощрять, не стремясь к извлечению прибыли, через промышленные кооперативы, которые будут снабжать своих членов сырьем, направлять производство, продавать продукцию и, если возможно, обеспечивать общей мастерской, где они могли бы работать совместно. Дело организации мелких предприятий и домашней промышленности на кооперативной или иной основе должно взять на себя государство... Создаваемая структура должна строиться на федеральных принципах и состоять из первичных обществ, их региональных союзов и ассоциаций и центральной федерации наверху»⁵⁶.

Таким образом, был намечен курс на переход в руки госу-

дарства основной части крупной промышленности, постепенное поглощение ее государственным сектором. Это должно было обеспечить также радикальное решение проблемы частных монополий — устранение их как социально-экономического явления — и в то же время создать условия для эффективной защиты кустарей и ремесленников. Распространение на них поддерживаемой государством и связанной с государственным сектором кооперации, по существу, означало курс на преобразование докапиталистических и раннекапиталистических форм мелкой промышленности в государственно-кооперативную структуру, в рамках которой наилучшим образом могло бы быть обеспечено и повышение техники мелкого производства — планомерно и с учетом потребностей экономики в целом.

В сельском хозяйстве государству предлагалось «организовать в порядке эксперимента кооперативы мелких землевладельцев, основать кооперативные колонии на пустующих, но пригодных к обработке государственных землях, установить максимум на размеры землевладения, а землю сверх максимума передать в распоряжение сельских кооперативов». Кроме того, государству предлагалось «в порядке эксперимента и демонстрации непосредственно владеть и управлять фермами»⁵⁷.

Наконец, «все наличные ресурсы для капиталовложений должны подлежать контролю и регулированию государства. Государству следует основать финансовые корпорации для финансирования промышленности. Банковское и страховое дело необходимо национализировать»⁵⁸. Иначе говоря, государство должно занимать господствующее положение и в сфере финансов.

В сфере торговли большая роль отводилась поддерживаемой государством кооперации: «Содействие развитию кооперативного распределения необходимо для обеспечения сбалансированной прогрессивной экономики, в которой регулируемое распределение будет составлять неотъемлемую часть всеобъемлющего экономического плана страны. Если мы хотим взять под контроль заработную плату и, следовательно, цены на продукцию сельского хозяйства и промышленности, распределение потребительских товаров должно также контролироваться при посредстве кооперации»⁵⁹.

Государство должно было содействовать не только всемерному развитию кооперации как в сфере производства, так и в сфере обращения, но и установлению связей между обоими видами кооперации, становлению взаимосвязанной кооперативной структуры: «Там, где имеются кооперативы производителей, государству надо содействовать установлению прямых связей между ними и потребительскими кооперативами; многоцелевые кооперативные общества с отделениями для сельскохозяйственных производителей, потребителей и мелкой промышленности следует создавать в целях развития интегрированной экономики деревни»⁶⁰. Аналогичным образом «основную часть продукции» мелких предприятий и домашней промышленности «следует прода-

вать через потребительские кооперативы, с которыми промышленным кооперативам и их ассоциациям необходимо поддерживать тесный контакт»⁶¹.

Кооперативную систему, в свою очередь, намечалось связать с государственным сектором экономики, оказывать ей поддержку, предоставляя льготы и помощь государства на приоритетной основе. В сфере мелкой и кустарной промышленности последнюю предлагалось предоставить лишь кооперативам: «Отдельным лицам не следует предоставлять никакой государственной помощи помимо кооперативного общества»⁶². Такой подход позволил бы сконцентрировать дефицитные ресурсы в наиболее важных направлениях и для самых нуждающихся слоев населения. В сфере потребительской кооперации «государство должно предоставлять кооперативным обществам специальные льготы в области транспортировки, хранения продукции и т. п., а также свободный доступ к коммерческой информации»⁶³.

Развитие кооперации рассматривалось в докладе как институционный механизм оказания помощи прежде всего беднейшим слоям населения. Так, в сфере потребительской кооперации «общее направление деятельности должно состоять в содействии, поддержке и, где необходимо, помощи потребительским обществам в установлении контроля над огромным и все более растущим объемом розничной торговли предметами первой необходимости для наиболее бедных слоев населения»⁶⁴. Улучшение положения народных масс провозглашалось главной целью всей экономической деятельности государства: «Быстрый и прогрессивный рост жизненного уровня народа должен быть главным соображением, которому следует подчинить всю экономическую деятельность и соответствующие административные меры центрального и провинциального правительств. Достижение национального минимального стандарта в области важнейших средств физического и социального благосостояния в разумные сроки следует рассматривать как практическую цель всех программ экономического развития»⁶⁵. Эта цель, в свою очередь, связывалась с уменьшением экономического и социального неравенства: «Для установления справедливого социального строя и повышения жизненного уровня народа необходимо обеспечить справедливое распределение доходов и имущества, предотвратить рост неравенства в этом отношении в процессе индустриализации. В ходе устранения неравенства первостепенное внимание следует уделять тем группам населения, уровень дохода которых наиболее отстает от национального минимума»⁶⁶.

Уменьшение неравенства связывалось не только с повышением уровня жизни беднейших слоев населения, но и с ограничением доходов наиболее богатых слоев: «Надо установить потолок на доходы, которые не должны более чем в сорок раз превышать национальный минимум, необходимый для обеспечения первостепенных нужд в пище, одежде и т. д. Верхний уровень следует поэтапно снизить до двадцатикратного национального мини-

му»⁶⁷. В докладе был намечен ряд конкретных мер, направленных на ограничение доходов представителей крупного бизнеса, а также степени их контроля над акционерными компаниями посредством системы управляющих агентств: «В частной промышленности существующая система управляющих агентств должна быть отменена возможно скорее... Надо принять меры для предотвращения чрезмерного распределения прибылей... Максимальный уровень распределяемых прибылей следует установить на уровне дивиденда в пять процентов к занятому капиталу... Из полученных в течение года прибылей излишек сверх трехпроцентного дивиденда и другой доли, резервированной правительством на социальное благосостояние и улучшение условий труда, будет распределен между рабочими и акционерами в пропорции, установленной правительством»⁶⁸.

Осуществление этих целей, естественно, связывалось с развитием планирования и государственного регулирования экономики: «Частная промышленность будет подвергаться тем мерам регулирования и контроля, которые необходимы для достижения цели национальной политики в области промышленного развития... Для осуществления вышеупомянутой программы должна быть образована Центральная плановая комиссия, чтобы помощью и рекомендациями содействовать конгрессистским правительствам в предпринимаемых ими практических шагах... Такая Центральная плановая комиссия также изучит существующую систему налогообложения и внесет в нее поправки, отвечающие задачам названной экономической политики, что позволит правительству осуществить эту программу с помощью соответствующей налоговой политики»⁶⁹. В частности, в области сельского хозяйства «существующую систему поземельного налога следует заменить прогрессивным налогообложением сельскохозяйственных доходов»⁷⁰.

В качестве одного из важнейших инструментов планомерного преобразования социально-экономической структуры промышленности в намеченном направлении предлагалось использовать государственный контроль над капиталовложениями и лицензирование: «Для эффективной координации и гармоничного развития различных типов промышленности следует прибегнуть к контролю над инвестициями и лицензированию новых предприятий»⁷¹. Не менее важная роль в осуществлении социально-экономических преобразований отводилась контролю над ценами и распределением товаров: «Должны быть выработаны подходящие средства для достижения и поддержания более справедливых отношений обмена между сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукцией. Это следует сделать путем установления более справедливого уровня цен на сельскохозяйственные продукты, промышленные товары, коммерческие и другие социальные услуги в целях обеспечения экономических цен на основные виды сельскохозяйственной продукции и достижения прожиточного уровня заработной платы сельскохозяйствен-

ных рабочих»⁷²; «при любой системе формального или неформального контроля над распределением дефицитного сырья... следует выделить необходимые ресурсы для удовлетворения нужд сельской и домашней промышленности»⁷³. Еще одно важнейшее орудие проведения социально-экономического курса государства — политика финансирования и кредитования, осуществляемая через контролируемые государством учреждения, корпорации, банки и кооперативную систему⁷⁴.

Намеченная в докладе стратегия ставила целью существенно изменить как социально-экономическую, так и классовую структуру индийского общества. Прежде всего аграрные реформы и развитие поддерживаемой государством кооперации должны были постепенно устранить полуфеодалов помещиков и ростовщиков из экономики, освободить от их гнета мелких производителей в сельском хозяйстве и промышленности. «Всех посредников между государством и земледельцем, — говорилось в докладе, — следует устранить, а всех торговых посредников вытеснить такими организациями, не руководствующимися в своей деятельности стремлением к получению прибыли, как кооперативы»⁷⁵. Аналогичным образом в мелкой промышленности «обязанность закупок, сбыта, обеспечения орудиями труда, рабочими помещениями, руководством должна быть возложена на систему промышленной кооперации»⁷⁶. Переход в государственный сектор основных отраслей крупной промышленности мог бы наиболее эффективным образом обеспечить предусмотренную в докладе политику по отношению к иностранному капиталу, направленную на то, «чтобы экономический контроль оставался в руках граждан страны»⁷⁷, а также устранить доминирование крупного частного бизнеса в целом.

В то же время заметно улучшилось бы положение крестьян, особенно беднейших, а также кустарей и рабочих. В докладе предусматривалось «растущее участие рабочих в управлении в промышленности и в прибылях»⁷⁸, «гарантированный минимум заработной платы, надлежащее жилье», меры социального обеспечения по старости, по болезни и в случае безработицы⁷⁹.

В докладе стратегия социально-экономического развития была направлена на построение экономики, базирующейся в основном на государственном секторе и поддерживаемой государством кооперации, широком развитии государственного регулирования и планирования. Эта экономика не исключала и частного сектора, и в этом смысле ее можно было бы назвать смешанной. Однако социально-экономическая концепция Неру, получившая отражение в этом докладе, была динамичной. Она отнюдь не рассматривала эту «смешанную» экономику как нечто неизменное. Скорее она понималась как переходный, хотя и весьма длительный, этап к установлению полного господства государственных и кооперативных форм собственности и предприятий путем постоянного расширения их позиций в экономике. Неру, выступая в Учредительном собрании 7 апреля 1948 г. при

обсуждении Резолюции о промышленной политике, говорил: «Это приводит нас к переходной стадии в экономике. Называйте ее как вам угодно — смешанной экономикой или как-нибудь иначе... Постепенно мы подходим к стадии, когда центр тяжести всей экономики смещается»⁸⁰. В 1956 г., говоря о роли частного сектора в экономике Индии, Неру заметил, что он будет постепенно исчезать⁸¹.

Доклад Комитета по разработке экономической политики ИНК не стал официальным программным документом партии. Однако ряд основных его идей вошел в последующие документы.

В Резолюции 60-й сессии ИНК в Авади в январе 1955 г. было провозглашено, что «планирование должно проводиться с целью установления общества социалистического образца, где основные средства производства находятся в общественной собственности или под общественным контролем, производство неуклонно увеличивается и осуществляется справедливое распределение национального богатства»⁸². Поэтому «государство неизбежно должно играть жизненно важную роль в планировании и развитии», в том числе взять на себя «создание и эксплуатацию крупных объектов, обеспечивающих такие услуги, как электроэнергия, транспорт и т. д., общий контроль над ресурсами, социальными целями и тенденциями, а также важнейшими балансами в экономике, обуздание и предотвращение отрицательных последствий стихийного промышленного развития с помощью стратегического контроля, предотвращения частных трестов и картелей, поддержания определенных норм труда и производства, планирования экономики страны в ее главных и основных аспектах»⁸³. Специально подчеркивалось, что «государственный сектор должен играть все большую роль, особенно в создании основных отраслей промышленности»⁸⁴. Что касается частного сектора, «включающего кооперативы и мелкую промышленность», то его развитие должно осуществляться «в соответствии с национальным планом» и «в рамках общего стратегического контроля плана»⁸⁵. Резолюция предусматривала также «более активное и широкое участие самого государства в кооперативных предприятиях», прежде всего как решающее условие «реорганизации кооперативного кредита и его развития в значительно больших размерах, чем прежде»⁸⁶, и провозгласила курс на «ускорение темпов проведения земельных реформ»⁸⁷. В Резолюцию вошла также идея Неру о том, что «успех плана зависит не только от тщательных оценок, планирования и надлежащих указаний, но и от полного сотрудничества народа»⁸⁸.

Сессия в Амритсаре в феврале 1956 г. подтвердила основные программные установки, принятые на сессии в Авади. В Резолюции об экономической политике и пятилетнем плане было также провозглашено, что «государственный сектор должен расширяться в максимально возможных для страны масштабах, а государство должно взять на себя более широкие обязанности, особенно в отношении отраслей промышленности стратегической.

важности»⁸⁹. «Следует рассмотреть,— говорилось далее в Резолюции,— возможность расширения всюду, где возможно, государственной торговли», а также «совместного участия государства и частного капитала» в предприятиях. Резолюция провозглашала также необходимость всемерного развития кооперирования: «Организация промышленности, торговли и сельского хозяйства должна во все большей степени осуществляться на кооперативной основе. В децентрализованной промышленности следует поощрять промышленные кооперативы. Вследствие расщепления земли между большим числом мелких владельцев необходимо создавать и всемерно поддерживать аграрные кооперативы для различных целей»⁹⁰. Вновь обращалось внимание на первостепенную важность аграрных реформ: «Программа земельных реформ... должна энергично продолжаться, особенно учитывая проблему безземельных рабочих»⁹¹. Резолюция подтвердила также курс на уменьшение экономического неравенства: «Требования социальной справедливости... должны быть постоянно в поле зрения и осуществляться путем изменений в экономической организации и соответствующих налоговых мер. Существующие разрывы в доходах и богатстве должны устраняться»⁹². Взгляды Неру нашли отражение также в содержащемся в Резолюции положении о необходимости сочетания «перспективного планирования с гибкими краткосрочными планами»⁹³. Определенные меры рекомендовались и в области вовлечения масс в процесс планового развития: «Следует укрепить систему местного управления, особенно через панчаяты. Участие рабочих в управлении промышленностью должно постоянно расширяться»⁹⁴.

В 1959 г. сессия ИНК в Нагпуре по инициативе Неру приняла кооперативное земледелие в качестве конечной цели трансформации аграрной структуры, движение к которому должно было осуществляться через развитие снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации (кооперации обслуживания). Резолюция относительно земельных излишков предусматривала их передачу в распоряжение кооперативов, состоящих исключительно из «безземельных земледельцев»⁹⁵. Выступая в Народной палате в марте 1959 г. по Резолюции о развитии кооперативного земледелия, Неру говорил: «У меня нет ни тени сомнения, что создание кооперативов — это правильный подход, что кооперативное земледелие — это верная цель, к которой следует стремиться... Фактически это неизбежный путь жизни, когда вы живете в перенаселенных обществах... Иного пути нет... Я признаю и убежден, что в силу ряда причин совместная обработка земли желательна для увеличения производства, большей сплоченности и все большего устранения классовых различий... С какой стороны ни смотреть на эту проблему, придешь к заключению, что наше будущее в развитии кооперации: добавлю — в кооперативном подходе не только к земле, но и к промышленности»⁹⁶.

О путях производственного кооперирования в сельском хо-

зайстве Неру говорил: «В такой огромной стране, как Индия, я не одобряю жесткого подхода, который применялся бы к каждому клочку Индии... Он должен быть гибким и неизбежно стадiallyм. В общих чертах первая стадия — это кооперативы обслуживания, многоцелевые кооперативы... Следующая стадия — общества по совместной обработке земли, — не сразу по всей стране, а постепенно кооперативы обслуживания станут обществами по совместной обработке земли»⁹⁷. По мнению Неру, на нынешнем этапе в кооперативах должна сохраниться частная собственность на землю, хотя и в видоизмененной форме: «Мы заявили, что собственность на землю сохранится. Некоторые говорят, что либо это уловка, либо мы не сможем осуществить этот принцип, даже если бы хотели. Сейчас не время мне говорить о будущем. Концепция собственности — специфическая концепция, которая в различные времена претерпевала изменения. ...Ачария Виноба Бхаве считает, что собственности на землю не должно быть вовсе... Я уважаю такую точку зрения и был бы на самом деле счастлив, если бы это было так... Я отнюдь не отрицаю этого, но не думаю, что это осуществимо сегодня, и потому не настаиваю. Но идея собственности сама по себе что-то невещественное, почти невидимое. Всюду, где развивается промышленность, собственность превращается в облигации и акции, в кредит, в что-то невидимое... Вся концепция собственности меняется, а мы все еще привержены собственности и, сидя на квадратном ярде земли, гордимся тем, что „этот квадратный ярд мой“ и никто не может взять его»⁹⁸. Сессия в Нагпуре приняла концепцию Неру кооперативного совместного земледелия, «при котором земля будет объединена для совместной обработки, а крестьяне по-прежнему сохраняют свои права собственности и получают долю от продукции, связанную с производством на их земле»⁹⁹.

На практике были осуществлены далеко не все элементы социально-экономической стратегии Неру и не в полной мере. Однако даже в той мере, в какой его основная идея — необходимость усиления экономической роли государства, расширения государственного сектора и государственного регулирования экономики — проводилась в жизнь, она сыграла главную роль в преодолении заключенных в колониальной экономике препятствий развитию, осуществлении индустриализации и сельскохозяйственного подъема, в значительном повышении степени самообеспеченности и экономической самостоятельности Индии.

В нынешних условиях эта идея отнюдь не потеряла своего значения, причем не только для Индии, но и для других развивающихся стран. В известном смысле в свете нынешних тенденций в мировой экономике и политике ее значение даже возросло.

Растущие международные монополии, среди которых преобладают транснациональные корпорации, стремятся устранить

все препятствия для установления своего господства, важнейшим из которых в развивающихся странах является национальное государство. Это привело к появлению концепций, выражающих их интересы и фактически отрицающих экономическую роль национальных государств. Сторонники этих концепций, в частности С. Хаймер, Ч. Киндлбергер, Раймон Вернон, Харри Джонсон и др., считают: кульминацией процесса усиления влияния ТНК в глобальных масштабах будет «экономическая организация мира под эгидой крупных корпораций», в руках которых находится «экономическое будущее мира»; корпорации интегрируют мир и сведут на нет экономическое значение национальных государств. Заявляя, что национальное государство как экономическая единица близко к своему концу, они призывают все страны предоставить максимальную свободу транснациональным корпорациям. Этот призыв, адресуемый в первую очередь к развивающимся странам, сопровождается возрождением лозунгов фри-тредерства и *laissez faire*, «свободы рынка» и «свободного предпринимательства» и смыкается с теориями таких сторонников «ортодоксального либерализма», как Ф. Хайек, М. Фридман, Л. Мизес и др. За предоставление свободы «невидимым рукам» и «естественному порядку» рыночных сил выступают в настоящее время международные и национальные монополии, а также главы ряда наиболее могущественных капиталистических государств.

Известный индийский экономист Бхабатош Датта в статье, опубликованной в журнале «Государственное предприятие», — органе Постоянной конференции государственных предприятий, — заявил: «Когда Адам Смит писал о гармонии в экономическом строе, создаваемой спонтанными действиями каждого индивида, преследующего свой собственный интерес, о „естественном порядке“ и „невидимой руке“ рынка, он не мог предполагать, что двумя столетиями позже его будут цитировать в защиту своей политики не только экономисты вроде Милтона Фридмана и Ф. П. Хайека или политические руководители вроде президента Рональда Рейгана или премьер-министра Маргарет Тэтчер, но и тот самый класс, против которого он резко выступал. Это правда, что Адам Смит отрицательно относился к государственному вмешательству (за некоторым исключением) и контролю над ценами, заработной платой или прибылями, но часто забывают, что он резко критически относился ко всем типам монополии в промышленности или в торговле... Поощряемая доводами тех, кто сочетает свой „монетаризм“ с логически не связанным образчиком экономики *laissez faire*, как у Фридмана или как у философских „либералов“ вроде Хайека, сильная промышленная группа в Индии в настоящее время призывает к „деконтролю“ или даже к „депланированию“ в целях привести в действие „рыночные силы“»¹⁰⁰.

Предлагаемая транснациональными корпорациями и их сторонниками модель развития не является для развивающихся

стран чем-то принципиально новым. По сути дела, она пытается возродить на новом витке исторической спирали колониальную модель эволюции.

В этой связи весьма актуальными становятся взгляды и выводы Неру по данному вопросу. В своих трудах он называл философию *laissez faire* «законом джунглей» и показывал, что в действительности она ведет не к равенству возможностей, а к установлению господства наиболее могущественных капиталистических держав и превращению отсталых стран в их колонии и полукolonии на мировом капиталистическом рынке, а в каждой отдельной стране — к установлению господства частных монополий, росту неравенства и ухудшению положения масс.

В лекции «Индия сегодня и завтра», прочитанной в 1959 г., он говорил: «Если нормальным экономическим и прочим силам будет предоставлена полная свобода, они сделают богатые страны еще богаче и еще могущественнее, в то время как другие будут мучительно биться за то, чтобы обеспечить свои самые насущные потребности... На заре капитализма и в значительной мере даже сейчас наибольшее внимание уделялось росту производства... Однако становится все более ясно, что рост производства сам по себе не решает наших проблем, не ведет к счастью и удовлетворению. Стремление к обогащению, стяжательству, накопительству имеет тенденцию вести к коррупции, зависти и конфликтам. Если цель состоит в создании социального баланса в обществе или в мире, рост производства не ведет к ее достижению. В действительности он создает еще большую несбалансированность. Таким образом, становится важной проблема справедливого и правильного распределения того, что произведено... Экономическая политика не может больше рассматриваться как интерпретация закона природы, не связанного с соображениями человечности и морали... Я думаю, что стяжательское общество, лежащее в основе капитализма, не соответствует больше нынешней эпохе... То, что называют „свободным предпринимательством“, никогда не привлечет массы нашего народа; оно приведет к использованию ресурсов на цели, которые не являются первостепенными. Оно будет означать стремление к получению прибыли, в которой может быть заинтересован отдельный индивидуум, но не общество в целом... Задача, которая стоит перед нами, требует тщательно планируемого и научного подхода, с тем чтобы использовать наши ресурсы наилучшим образом и направить усилия нации к достижению цели. Странно, что в век науки все еще находятся люди, которые верят в стихийный путь частного предпринимательства с стремлением к индивидуальной прибыли как доминирующей мотивации»¹⁰¹.

Примечания

- ¹ *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955, с. 557—558.
- ² Там же, с. 317.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, с. 321.
- ⁵ Jawaharlal Nehru. Congressmen's Primer for Socialism (A Compilation). Compiled by H. D. Malaviya. A Socialist Congressmen Publication. New Delhi, 1964, с. 54.
- ⁶ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 321.
- ⁷ Jawaharlal Nehru. Congressmen's Primer, с. 32.
- ⁸ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 317—318.
- ⁹ Там же, с. 319.
- ¹⁰ Там же, с. 324.
- ¹¹ Там же, с. 324.
- ¹² Там же, с. 319.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, с. 322.
- ¹⁵ *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955, с. 321.
- ¹⁶ Там же, с. 321—322.
- ¹⁷ Там же, с. 322.
- ¹⁸ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 355.
- ¹⁹ Там же, с. 359.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, с. 443.
- ²² Там же, с. 443—444.
- ²³ Там же, с. 444.
- ²⁴ Там же, с. 441.
- ²⁵ Jawaharlal Nehru. Congressmen's Primer, с. 197.
- ²⁶ Там же, с. 198.
- ²⁷ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 550.
- ²⁸ Jawaharlal Nehru. Congressmen's Primer, с. 8—9.
- ²⁹ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 550—551.
- ³⁰ Там же, с. 574—575.
- ³¹ Там же, с. 441—442.
- ³² Jawaharlal Nehru. Congressmen's Primer, с. 198.
- ³³ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 550.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же, с. 551.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же, с. 558—559.
- ³⁸ Там же, с. 552.
- ³⁹ Там же, с. 429.
- ⁴⁰ Там же, с. 355.
- ⁴¹ *Неру Дж.* Автобиография, с. 263—264.
- ⁴² Young Indian. Vol. 2. № 34—40. New Delhi. Special Independence Number. 1972. Documents, с. D 19.
- ⁴³ Там же, с. 24.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Неру Дж.* Автобиография, с. 287—288.
- ⁴⁶ *Nehru J.* India and the World. L., 1936, с. 101—104.
- ⁴⁷ *Дж. Неру.* Открытие Индии, с. 429—430.
- ⁴⁸ Там же, с. 430.
- ⁴⁹ Там же, с. 428.
- ⁵⁰ Там же, с. 429.
- ⁵¹ Там же, с. 430—431.
- ⁵² Там же, с. 433.
- ⁵³ Там же, с. 432—433.
- ⁵⁴ Там же, с. 437.
- ⁵⁵ Report of the Economic Programme Committee of the AICC 1948.—Young Indian. Special Independence Number. 1972. Documents, с. D 98—103.
- ⁵⁶ Там же, с. 101.

- 57 Там же, с. 100.
- 58 Там же, с. 103.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Там же, с. 101.
- 62 Там же.
- 63 Там же, с. 103.
- 64 Там же.
- 65 Там же, с. 99.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 Там же, с. 102—103.
- 69 Там же, с. 102—103.
- 70 Там же, с. 100.
- 71 Там же, с. 102.
- 72 Там же, с. 99.
- 73 Там же, с. 101.
- 74 Там же, с. 99—103.
- 75 Там же, с. 99.
- 76 Там же, с. 101.
- 77 Там же, с. 103.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 Jawaharlal Nehru's Speeches. 1946—1949. Vol. I. Delhi, 1967, c. 125.
- 81 Там же, 1953—1957. Vol. III. Delhi, 1958, c. 102.
- 82 Indian National Congress. Resolutions on Economic Policy and Programme 1955—56. All India Congress Committee. New Delhi, 1956, c. 1.
- 83 Там же, с. 2—3.
- 84 Там же, с. 3.
- 85 Там же, с. 3.
- 86 Там же, с. 4.
- 87 Там же.
- 88 Там же, с. 2.
- 89 Там же, с. 10.
- 90 Там же.
- 91 Там же.
- 92 Там же, с. 10—11.
- 93 Там же, с. 12.
- 94 Там же, с. 10.
- 95 Cooperative Farming and Agricultural Reform. Calcutta, 1960, c. 18.
- 96 Cooperative Farming. Speech of Prime Minister Jawaharlal Nehru, Delivered in the Lok Sabha on the 28th March, 1959. New Delhi, 1959, c. 4, 8, 13, 17.
- 97 Там же, с. 14.
- 98 Там же, с. 15—16.
- 99 *Kurién C. T.* Nehru and Village India. Madras, 1980, c. 19.
- 100 *Bhabatosh Datta.* Market Forces and the «Invisible Hands».—State Enterprise. An Indian Quarterly Review. Vol. I. N-I. January—March 1982, c. 17—25.
- 101 *Nehru J.* India Today and Tomorrow. First Azad Memorial Lecture Delivered in 1959.—Young Indian. Special Independence Number. 1972, c. D 15—21.

Ярослав Хольман (ЧССР)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНДИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Согласно переписи населения 1981 г., около 76,3% индийцев, т. е. свыше 500 миллионов человек, проживало в сельских районах страны. Хотя с начала века доля сельского населения Индии постепенно уменьшалась, в обозримом будущем возможность его роста все еще не исключается. В этой связи неудивительно, что проблемы деревни всегда принадлежали к числу наиболее часто обсуждаемых политических и социально-экономических вопросов независимой Индии. Кроме теоретических дискуссий эти проблемы, естественно, вызывают серьезную социальную напряженность, которую не может игнорировать ни одно правительство.

С 1947 г. политика центрального правительства, так же как и правительств штатов, в сельских районах преследовала, порой лишь декларативно, две основные цели — снижение уровня бедности и стабильное повышение производства продуктов питания. Правительства некоторых штатов, особенно те, которые возглавляют коммунисты, выдвигали и выдвигают ряд существенных возражений в отношении средств, при помощи которых предусматривалось достижение указанных целей. Поэтому на уровне штатов делались попытки принять определенные альтернативные меры в рамках Конституции. Так как в центре право принимать окончательные решения принадлежало политическим деятелям Конгресса (за исключением кратковременного периода пребывания у власти «Джаната парти»), можно утверждать, что именно аграрная политика ИНК определяла условия жизни сельского населения Индии в последние 40 лет. Несомненно, эта политика способствовала ускорению процесса модернизации сельского хозяйства, хотя и не принесла заметного облегчения большинству беднейшего населения. Вместе с тем в последние годы, согласно официальным оценкам, достигнут определенный успех и в этом отношении.

Хотя аграрная политика ИНК не раз претерпевала частичные изменения, она сохраняла свою преемственность, корни которой уходят в эпоху до получения Индией независимости. Принципы этой политики в то время формулировались, естественно, не одним лицом, однако среди непосредственных участников их разработки роль Неру достойна особой оценки. Неру

удалось отстоять большую часть своих предложений, и позднее, став первым премьер-министром страны, он принимал самое активное участие в претворении в жизнь аграрной политики правительства. Проводившаяся в Индии политика «сельского развития» несет поэтому отпечаток его личности.

Взгляды Неру на развитие деревни стали формироваться, когда ему было уже более 30 лет и он начал постепенно выдвигаться в число наиболее перспективных новых руководителей Конгресса. В «Автобиографии» он вспоминает: «В 1920 г. я не имел ни малейшего представления об условиях труда в промышленности и сельском хозяйстве и мои политические взгляды были всецело буржуазными. Я знал, разумеется, о существовании ужасающей бедности и нищеты и считал, что первейшей задачей политически свободной Индии должно явиться разрешение проблемы бедности. Но мне казалось совершенно очевидным, что ближайшим шагом должно быть именно достижение политической свободы, которое неизбежно будет сопровождаться установлением господства среднего класса. После организованных Гандиджи аграрных движений в Чампаране (Бихар) и Кайре (Гуджарат) я стал уделять несколько больше внимания крестьянской проблеме. Однако в 1920 г. внимание мое было поглощено политическими событиями и предстоящей кампанией несотрудничества, которая вырисовывалась на горизонте. И все же именно в эти дни у меня появились новые интересы, которым суждено было сыграть важную роль в последующие годы. Мне пришлось почти помимо моего желания прийти в соприкосновение с крестьянством»¹.

Это произошло вскоре после его возвращения из Массури, где он встретился с крестьянами. Их было около двухсот человек. Они пришли в Аллахабад «с целью обратить внимание местных видных политических деятелей на свое бедственное положение»², и Неру согласился посетить их жилища. «Я отправился туда с несколькими из своих коллег, и мы провели три дня в деревнях, удаленных не только от железной дороги, но даже от шоссеной дороги. Эта поездка была для меня откровением... Я переполнялся стыдом и скорбью: скорбью — по поводу упадка и ужасающей бедности Индии, стыдом — за свою легкую, окруженную комфортом жизнь и за нашу мелкую политическую деятельность горожан, игнорировавшую эти неисчислимые массы полуголых сыновей и дочерей Индии. Перед моими глазами встал как бы новый образ Индии — голой, голодной, подавленной и невероятно несчастной. Их вера в нас, случайных гостей из далекого города, смущала меня и возлагала новую ответственность, которая пугала меня»³.

Причины относительно позднего появления у Неру интереса к проблемам индийской деревни вполне понятны, если учесть политическое положение в Индии в 1912 г., когда он вернулся из Англии. В национальном движении в то время доминировали «умеренные», вполне умиротворенные реформами Морли — Мин-

то. Однако в годы войны в среднем классе городского населения, к которому принадлежал и Неру, стала накапливаться неудовлетворенность, давшая толчок новой радикализации Конгресса. К 1920 г. основные изменения в его стратегии действительно уже «вырисовывались на горизонте», хотя аграрный вопрос в основном все еще оставался за пределами его интересов. Безусловно, Конгресс с первых дней своего существования уделял определенное внимание положению в деревне.

Тем не менее большинство резолюций, касающихся аренды земли, земельного налога, проблем бедности и т. п., принятых Индийским национальным конгрессом в течение первых тридцати с лишним лет, в лучшем случае представляли собой не вполне искреннее выражение сочувствия сельской бедноте, если вообще она принималась во внимание. Крестьянское движение, развившееся в то время в некоторых областях Индии, в частности в родном Неру районе Ауде, именно поэтому, по словам Неру, «было совершенно независимым от Индийского национального конгресса и не имело никакого отношения к начавшемуся движению несотрудничества», хотя эти «оба широко распространившихся и могучих движения были порождены одними и теми же основными причинами»⁴. В этой связи Неру отмечает: «Но больше всего поразила меня наша полнейшая неосведомленность об этом большом аграрном движении. Ни одна газета не писала о нем ни строчки; газеты не интересовались сельскими районами. И яснее, чем когда-либо, я понял, насколько мы, горожане, изолированы от нашего народа, живя, работая и ведя агитацию в своем обособленном от масс мире»⁵.

Эта изоляция была нарушена в начале 20-х годов, после появления на политической сцене Махатмы Ганди, под влиянием которого Конгресс превратился в массовую организацию и приобрел реальную силу за счет поддержки сельского населения. В довольно значительной степени это произошло и благодаря Джавахарлалу Неру. Затем, когда он несколько раз председательствовал на сессиях Конгресса, занимал пост генерального секретаря Всеиндийского комитета Конгресса и ведал рядом других направлений деятельности партии, а также оказывал сильное влияние на работу Комитета ИНК Соединенных провинций, Неру каждый раз особо подчеркивал необходимость для Конгресса опереться на деревню. Много раз он выступал перед крестьянами, во второй половине 20-х годов помогал организовать производство *кхади*, а в начале 30-х годов вел в Соединенных провинциях кампанию отказа от уплаты налога, а также предпринимал шаги, препятствовавшие расколу крестьянского движения несколькими годами позднее, когда в этом движении возросло влияние левых сил⁶. Однако наиболее, как мне кажется, важное значение имели усилия Неру убедить руководство Конгресса относиться к крестьянскому вопросу более последовательно.

Его взгляды по этому вопросу с 20-х годов всегда опережа-

ли позицию Конгресса. Так, в его заметках, написанных в тюрьме Наини в 1930 г., говорится: «Вне всякого сомнения, основой любой программы для сельского населения должно стать стремление к обеспечению благополучия человека в поле — земледельца, а также безземельного, готового обрабатывать землю, имея он ее. Конгресс не ставит целью ввергнуть страну в классовый конфликт. Мудрость состоит в том, чтобы избежать его. Однако не следует забывать, что конфликт существовал и существует сегодня... Конкретное содержание программы будет обязательно зависеть от многих обстоятельств, но во всех случаях оно должно обеспечивать наше продвижение к намеченному идеалу и содействовать росту благосостояния действительно жизненно важных классов общества. Мы должны сделать все, чтобы без нужды не раздражать ни одну общественную группу — ни заминдаров, ни капиталистов. Было бы недальновидным увеличивать число наших противников в самом разгаре великой схватки. Но если обстоятельства заставят нас сделать выбор между двумя позициями, Конгресс должен решительно поддержать важнейшие группы населения — массы किसानов (крестьян.— Я. Х.), мелких заминдаров и безземельное население,— даже если последствия такого шага оттолкнут от нас талукдаров и крупных заминдаров (крупных феодальных землевладельцев.— Я. Х.). Любое вызванное таким шагом временное ослабление наших позиций в конечном счете принесет надежную и реальную поддержку масс взамен тени талукдаров, за которую нам никогда не удастся их ухватить»⁷.

Хотя формулировки Неру, касающиеся крупных землевладельцев, в то время отличались осторожностью, уже в своей президентской речи на сессии Конгресса в Лахоре в декабре 1929 г. он заявил: «Действительное облегчение (жизни крестьян.—Я. Х.) можно обеспечить лишь путем радикальных изменений законодательства о земле и основ существующей системы аренды земли. Среди нас здесь присутствуют крупные землевладельцы, и мы рады их приветствовать. Однако они должны понимать, что сосредоточение больших владений в руках отдельных лиц, возможное только в государстве, напоминающем отживший феодализм в Европе, представляет собой явление, быстро исчезающее во всем мире»⁸.

Позднее, в начале 30-х годов, его вывод о необходимости устранения любых посредников между государством и землевладельцем был включен в текст Резолюции Комитета ИНК Соединенных провинций⁹. В проекте программы, намеченной им в своих записках, сделанных в Наини, он утверждал: «Крупные земельные владения должны перейти в руки государства с выплатой компенсации бывшим владельцам. Размер и форма выплаты должны быть определены позднее, однако ясно одно — полная компенсация неприемлема»¹⁰. Вскоре он сформировал свою мысль яснее. В письме от ноября 1931 г. он писал: «...я убежден, что система заминдари наносит обществу вред. И вов-

се не потому, что существуют как хорошие заминдары, так и плохие заминдары и талукдары. Мое мнение основывается на чисто экономических причинах. Далее, я убежден, что данная система полностью оторвана от современных условий и обречена на развал из-за присущей ей нестабильности»¹¹. Уже через три-четыре года в своей «Автобиографии» Неру писал о крупных заминдарах и талукдарах, что «как класс» они отличались «полнейшей интеллектуальной немощью... Деятельность их сводилась к стараниям задобрить местных чиновников, без милости которых они не могли бы долго продержаться, и к тому, чтобы непрерывно требовать защиты своих особых интересов и привилегий»¹².

Отмена системы заминдари, хотя и очень важная, сама по себе представляла лишь один из главных моментов в решении аграрного вопроса. В записках Неру из тюрьмы Наини наряду с мерами собственно аграрной политики, такими, как снижение арендной платы, обеспечение наследственных владельческих прав арендаторов и т. д., он предложил создать сельские панчаяты, избираемые всем взрослым населением деревни. Он выступал также за создание кооперативов, которые, по его мнению, «могли бы работать под руководством панчаятов, помогая земледельцам кредитами, семенным материалом и т. п., вырывая их тем самым из когтей ростовщиков»¹³.

По мнению Неру, как панчаяты, так и кооперативы были призваны сыграть важнейшую роль в будущей свободной Индии. Правда, не всегда ему удавалось избегать определенного упрощенчества, что особенно ярко проявлялось в его обращениях к крестьянам с призывом поддержать Конгресс. Так, например, в 1931 г. в одном из своих выступлений он говорил: «Сварадж — это своего рода *панчаяти радж**, потому что по всей стране для решения всех вопросов народ будет избирать свои панчаяты. Их руководителями, естественно, станут крестьяне, поскольку они составляют большинство населения. Более того, сварадж обеспечит общественное равенство без какого-либо различия по признаку касты, веры или имущественного положения»¹⁴. Он также говорил: «Сварадж — это не награда небольшому числу тех из нас, кто проживает в городах. Он важен и для нас, но только потому, что мы тоже живем в этой стране. Однако по своей сути он более всего необходим беднейшему крестьянству»¹⁵.

Неру неоднократно подчеркивал, что борьба за политическую независимость Индии неотделима от поиска решений внутренних экономических и социальных проблем нации¹⁶. В 1937 г. он ясно формулирует свою точку зрения в одной из своих газетных статей: «Главная проблема Индии — это проблема сельского населения. Все остальное вторично. Если мы не сможем

* С в а р а д ж — букв. «свое правление» или «самоуправление»; здесь — национальная независимость; п а н ч а я т и р а д ж — «правление панчаятов» (сельских советов), система сельского самоуправления в Индии.

значительно облегчить положение крестьянства и уменьшить ношу, взваленную на его плечи, вся остальная наша деятельность окажется ненужной»¹⁷. Года через два в своем выступлении перед студентами он даже прибег к еще более сильным выражениям: «Главнейшая для нас проблема — это поиск путей искоренения бедности нашего крестьянства и сделать это надо быстро... если независимость страны не положит конец этой нищете, я считаю, такая независимость никому не нужна»¹⁸.

Работы Неру и его выступления в период с 1935 по 1945 г. дают полную картину его представлений о путях развития индийской деревни. Большинство его взглядов, изложенных выше, осталось без изменений. Он совершенно справедливо повторял, что «в условиях современной структуры английского экономического и политического правления в Индии земельная проблема „остается“ неразрешимой»¹⁹. Поэтому он неустанно заявлял, что радикальные изменения в системе землепользования, т. е. в основном ликвидация землевладения заминдаров* и искоренение разнообразных анахронизмов в районах райотвари, неизбежны и должны стать одним из первых шагов нового правительства. Однако высказывания Неру в отношении «панчаяти радж» со временем становились все более сдержанными, что можно документально подтвердить следующим примером: «Правительство нашей страны должно действовать на основе других принципов, с согласия и по рекомендации общественности и их панчаятов»²⁰. К тому времени он разработал весьма широкую концепцию кооперации, а также (это составило относительно новый элемент его позиции) тщательно определил собственное отношение к различным формам развития промышленности на селе.

У Неру концепция кооперации частично была связана как с его представлениями о древнеиндийской сельской общине, так и с его пониманием социализма. Он писал в «Открытии Индии», что «сельский выборный совет, панчаят, обладал большой властью, как исполнительной, так и судебной, и государственные чиновники относились к членам этого совета с величайшим уважением»²¹. Далее он указывал, что «двумя характерными элементами староиндийского общественного строя были самоуправляющаяся сельская община и кастовая система. Третьим элементом была большая семья, все члены которой являлись равноправными владельцами общей собственности и получали наследство на равных правах... Таким образом, все три основы индийского общественного уклада опирались на группу, а не на личность»²². Из этих трех элементов он решительно осуждал только второй: «В условиях современного общества кастовая система и многое из того, что ей сопутствует, совершенно нетер-

* З а м и н д а р ы — здесь — крупные помещики в ряде районов Индии, где действовала введенная английскими колониальными властями земельно-налоговая система заминдари — крупное феодально-помещичье землевладение.

пимы, реакционны, являются балластом и препятствуют прогрессу»²³.

Неру довольно одобрительно относился к возрождению «сельского коллективизма», или групповой сплоченности сельских жителей, что подтверждается следующей пространной цитатой: «Коллективизм предполагает совместные предприятия и кооперированные усилия. Это снова полностью согласуется со старыми индийскими социальными концепциями, которые все базировались на идее группы. Разложение групповой системы, и особенно самоуправляющейся деревни, при английском господстве нанесло серьезный ущерб массам индийского народа. Этот ущерб был скорее психологическим, нежели экономическим. Ничего положительного не появилось вместо нее, и массы утратили свой дух независимости, чувство ответственности и способность к совместному действию ради достижения общих целей. Деревня, которая была органической и жизненно важной единицей, постепенно превратилась в пустырь, стала скоплением глинобитных хижин и разобщенных людей. Но ее все еще скрепляют какие-то невидимые звенья. Старые воспоминания оживают. Вероятно, можно будет легко воспользоваться этими вековыми традициями и создать общинные и кооперативные предприятия в сельском хозяйстве и в сфере мелкой промышленности. Деревня не может быть более самодовлеющей экономической единицей (хотя она нередко может быть тесно связана с коллективным или кооперативным хозяйством), но она вполне может быть административной и избирательной единицей, причем каждая такая единица будет функционировать как самоуправляющаяся община в рамках более обширной политической системы и наблюдать за удовлетворением основных нужд села»²⁴.

Таким образом, кооперация, в представлении Неру, должна была охватить многие стороны жизни независимой Индии. В 1939 г. он писал: «Наша сегодняшняя социальная ткань — вещь разлагающаяся и отмирающая, полная внутренних противоречий и постоянно чреватая войнами и конфликтами. Это общество стяжателей и соперничества должно прекратить существование и уступить свое место экономическому порядку, построенному на принципах коллективного труда, когда человек будет думать не о личной выгоде, а об общем благосостоянии; когда отдельные личности работают совместно, а нации и народы сотрудничают во имя развития человека; высоко ценятся общечеловеческие ценности и отсутствует эксплуатация класса, социальной группы или нации другими»²⁵. Все это похоже на утопию, и, хотя Неру довольно часто упоминал о системе социализма, ни в то время, ни позднее он не поясняет, каким образом могут быть достигнуты эти преобразования. Так как Неру всегда стремился избегать классовых конфликтов, неизбежно возникал вопрос — возможно ли было ожидать в 1940 г. развития сотрудничества такого типа в таком социально и экономически гетерогенном обществе, как Индия? Тем не менее никакая критика

не может умалить значение самой идеи Неру. Позднее, указывая на важность образования, он часто повторял, что «тремя опорами современной Индии должны стать на самом низовом уровне сельский панчаят, сельский кооператив и сельская школа»²⁶, причем под кооперативом подразумевалось не только кооперативное хозяйствование.

Тем не менее, что касается земельного вопроса, то Неру в огромной степени находился под впечатлением опыта СССР. В 1938 г. он указывал в письме: «Думаю, что для нас в Индии может оказаться в высшей степени полезным опыт успехов и неудач советского эксперимента. Многие их неудачи объясняются чрезмерной быстротой в изменении старой системы землевладения. Возможно, при несколько менее высоких темпах мы сможем этих ошибок избежать. Тем не менее считаю, что достаточно быстрые изменения в наших системах землевладения необходимы, и прежде всего в отношении системы заминдари. Не исключено, что следующим этапом могла бы стать определенная форма крестьянской собственности. Хотя я убежден, что это никаких проблем не решило бы. Лишь крупные хозяйства, кооперативные или коллективные (позднее Неру отдаст предпочтение кооперативным.— Я. Х.), смогут отвечать требованиям современного положения. Как и ранее, это не снимет проблемы безработицы, которая должна решаться в ходе промышленного развития и системы социального обеспечения»²⁷.

Следовательно, Неру полностью отдавал себе отчет о том, насколько переплетены между собой различные аспекты многогранной аграрной проблемы. В равной степени это относится и к его подходу к индустриализации, который он тщательно продумал во время своей работы в Национальном комитете по планированию, основанном в 1938 г. Его взгляды по этому вопросу значительно отличались от позиции Махатмы Ганди, который в период достижения независимости считал необходимым создавать автономные сельские общины, обеспечивающие свою экономическую самостоятельность в результате реализации комплексной программы кхади — развития сельской промышленности в рамках как отдельного хозяйства, так и деревни в целом. Джавахарлал Неру считал, что деревня уже не в состоянии сохраниться как независимая и самодовлеющая экономическая единица. Он говорил, что, до тех пор пока программа Ганди — своего рода протест против «машин и индустриализации», успеха не добиться²⁸. И это несмотря на то, что в 1939 г. в одной из своих речей он заявил: «Те, кто называют кхади бесполезным, доказывают лишь собственную бесполезность. Они никогда не смогут понять реальные проблемы нашей страны»²⁹. «Как бы ни был высок темп индустриализации с широким внедрением машин в Индии,— писал Неру приблизительно в это время,— рост сельской промышленности существен для решения целого ряда проблем полной и скрытой безработицы и создания сбалансированной экономики страны»³⁰.

В письме Кришне Крипалани в 1939 г. Неру говорил: «Я не знаю, чего может достичь наука в течение жизни одного-двух следующих поколений, но, насколько я понимаю, кустарная промышленность будет играть в Индии весьма важную роль, дополняя крупную промышленность, развитие которой следует стимулировать всеми способами. Проблема, таким образом, сводится к координации развития этих двух типов промышленности. Данный вопрос относится к компетенции государственного планирования»³¹. Таким образом, по мнению Неру, поддержка промышленности на базе отдельного хозяйства или деревни — лишь один из элементов комплексной аграрной и промышленной стратегии.

Взгляды Неру на проблемы индийской деревни после 1940 г. претерпели незначительные изменения. Возможно, здесь следует лишь упомянуть о проектах «общинного развития». Неру стал интересоваться этим вопросом приблизительно в 1945 г. (хотя в то время ему приходилось решать еще более насущные проблемы, такие, например, как коммунизм и установление национальной власти). В 50-х годах этот вопрос приобрел огромное значение. Из письма Неру, написанного в начале 1946 г. американцу Алберту Майеру, позднее одному из творцов Программы развития общин, видна его нарастающая обеспокоенность тем фактом, что у индийских националистов, включая его самого, было множество идей, касающихся будущего сельской Индии, и очень мало предложений относительно их практической реализации. «Мы слишком долго шли к нашим проблемам и рассматривали их лишь идеалистично, вообще, но вот настало время, когда нам нужны конкретные программы, и особенно программы перестройки нашей деревни...»³² Позднее, сразу после достижения Индией независимости, именно это составляло слабое место в аграрной политике Конгресса. В то время ИНК искал пути достижения своих целей, и одним из главнейших инструментов для проведения изменений избрал концепцию «общинного развития». Для руководителей Конгресса, по крайней мере для тех из них, кто, подобно Неру, искренне стремился к реализации своих высоких идеалов, это оказался путь, полный компромиссов.

Конгресс стал формулировать политические, социальные и экономические принципы социального и экономического развития будущей независимой Индии в конце 20-х годов, после провозглашения своей целью «пурна сварадж»* и после сатьяграхи в Бардоли. Вполне естественно, аграрный вопрос находился в числе главных. Анализ официальных документов Конгресса, принятых затем на общендийском уровне, дает основания отметить, что зачастую так или иначе они отражали воззрения

* Пурна сварадж — букв. «полная независимость»; резолюция о необходимости достижения Индией полной независимости была принята ИНК в 1929 г.

Неру на индийскую деревню, хотя некоторые его предложения включались в указанные документы с большой задержкой, а порой и вовсе туда не попадали. Перечень документов, содержащих концепции Неру, можно начать с Резолюции о социальных и экономических изменениях, принятой Всеиндийским комитетом Конгресса в 1929 г. В ней утверждалось, что для уменьшения «нищеты и бедственного положения и улучшения условий жизни масс индийского народа важно произвести революционные изменения в существующей экономической и социальной структуре общества и устранить основные причины неравенства»³³. В одном из «Одиннадцати пунктов» Ганди, опубликованных в 1930 г., содержалось требование снижения арендной платы не менее чем на 50% и введения установленного законом контроля за ее размером³⁴.

Аналогичное требование было включено в Резолюцию об основных правах и экономической программе, принятую на сессии Конгресса в Карачи в марте 1931 г.³⁵. Согласно Аграрной программе, утвержденной на сессии Конгресса в Лакхнау в апреле 1936 г., решение ряда проблем деревни, в том числе нищеты сельского населения и низкой производительности сельского хозяйства, неизбежно требовало устранения эксплуатации со стороны британского империализма и «радикального изменения систем землепользования и арендной платы, а также признания государством своей обязанности обеспечить работой безработные массы сельского населения»³⁶. Все это было в том или ином виде включено тогда в новый вариант Аграрной программы, принятой в декабре 1936 г. на сессии Конгресса в Файзпуре, председателем которой (как и предыдущей) был Неру. Этот документ провозглашал закрепление наследственных владельческих прав за арендаторами, а также необходимость внедрения кооперативной формы хозяйствования³⁷.

Последний вариант программы все еще исходил из существовавшей в то время аграрной структуры. Так же как и в предшествующих документах, в нем отсутствовали какие-либо положения, касающиеся больших земельных владений, несмотря на то что в 30-х годах этот вопрос Конгрессом рассматривался. Лишь в предвыборном манифесте, принятом Рабочим комитетом Конгресса в декабре 1945 г., впервые на всеиндийском уровне было заявлено, что реформа системы землевладения, столь необходимая Индии, решит вопрос об устранении «посредников» (т. е. заминдаров, талукдаров и им подобных) между крестьянином и государством³⁸. В партии заметно уменьшилось сопротивление концепции «панчаяти радж» и подходу Неру к кооперации. Правда, эти концепции не были сформулированы столь же конкретно и не угрожали интересам определенных общественных групп столь же непосредственно, как ликвидация системы заминдари. Ряд документов Конгресса, принятых в последующие годы (например, резолюция сессии в Нагпуре в 1959 г.), включали дальнейшие рекомендации по указанным выше вопросам.

В равной степени это относится и к докладам различных специализированных учреждений, созданных после 1947 г.

В течение первых 17 лет после получения Индией независимости Джавахарлал Неру в качестве первого премьер-министра страны предпринимал огромные усилия для реализации своих представлений о необходимых изменениях в индийской деревне. В одних случаях это ему удавалось сделать, в других — нет. Систему землевладения заминдари официально отменили в ходе первого этапа земельных реформ — еще до 1955 г. Одновременно вступило в силу новое законодательство о бессрочной (фиксированной) аренде. Затем, в конце 50-х годов, прошел второй этап земельных реформ, которым предусматривалось установление максимального размера («потолка») земельного владения. В 1952 г. стала претворяться в жизнь «Программа развития общины». Постепенно она охватила почти все сельские районы и создала необходимую инфраструктуру для ряда специализированных программ и планов, принятых позднее. Особое внимание в этих документах уделялось развитию районов, населенных отсталыми племенами. Уровень неграмотности начал хотя и медленно, но снижаться. Были проведены санитарные мероприятия, частично способствовавшие снижению детской смертности. В результате возросла продолжительность жизни.

Уже в 50-х годах появилась солидная база для проведения исследований в области сельского хозяйства, была оказана определенная поддержка мелкой промышленности на основе отдельных хозяйств и деревень в целом, постоянно увеличивалась площадь орошаемых земель, велось дорожное строительство и т. д. После 1958 г. была введена система выборных панчаятов. Однако кооперация в индийской деревне далее кредитной и снабженческо-сбытовой не пошла, и кооперативные хозяйства не смогли достичь значительного масштаба, хотя, например, в докладе Комитета аграрных реформ Конгрессу, представленному в июле 1949 г., эта форма организации сельскохозяйственного производства названа наиболее пригодной для небольших «неэкономичных хозяйств»³⁹.

Следует отметить, что главные изменения в институтах аграрной сферы независимой Индии были реализованы еще при жизни Неру. Позднее стал превалировать упор на технологическое преобразование сельской экономики. В результате отмены системы заминдари собственность на землю перешла к миллионам тех крестьян, которые прежде пользовались определенными владельческими правами в качестве наследственных арендаторов. В то же время многие беднейшие крестьяне-арендаторы, не имевшие владельческих прав, нередко сгонялись с земли. Проекты развития общины отражали новое, активно реагирующее отношение правительства к развитию сельских районов, а «панчаяти радж» внес в жизнь деревни новые, демократические элементы.

Однако хотя все эти изменения уменьшили власть и доходы

бывшей землевладельческой аристократии, в основном выиграли лишь верхний и реже средний слои крестьянства, что подтверждается результатами ряда исследований положения в индийской деревне. Среди главных причин указанной тенденции прежде всего следует отметить неравномерное распределение земли.

Введение «потолка» земельного владения не принесло заметных улучшений в этом отношении ни в первой половине 60-х годов, ни после 1972 г., когда «потолок» был снижен. Во многих штатах до настоящего времени «потолок» остается высоким, а принятое законодательство содержит много лазеек. С конца 50-х годов и до начала 1986 г. лишь 1652 тысячи га «излишков» земли сверх «потолка», т. е. немногим более одного процента всех обрабатываемых площадей Индии, было распределено среди бедноты⁴⁰. Неудивительно, что, несмотря на длительную историю реформ, картина землевладения в Индии остается несбалансированной — небольшая группа населения владеет большей частью сельскохозяйственных угодий. Например, в 1976 г. 3% землевладельцев, чьи владения превышают 10 га, сосредоточили в своих руках 26,2% обрабатываемых земель. В то же время 54,6% землевладельцев, чьи владения менее 1 га, имели лишь 10,7% земли⁴¹. Крупные землевладельцы нередко дробили свои владения, записывая их, порою фиктивно, на имя родственников или иждивенцев. Следует принимать во внимание и рост безземельного населения.

Аграрная политика Конгресса, направляемая на своих первых этапах Неру, безусловно, способствовала получению хороших результатов с точки зрения расширения производства сельскохозяйственной продукции. К середине 80-х годов производство продовольственного зерна более чем утроилось. К началу 80-х годов Индия вышла на уровень относительного самообеспечения продовольственным зерном и наращивала свой неприкосновенный буферный запас продовольствия. Однако наличие такой «горы» зерна одновременно свидетельствует и о неэффективности существующей в Индии системы перераспределения, поскольку значительная часть беднейших слоев сельского населения просто не в состоянии приобретать необходимые продукты питания, производимые преуспевающими соотечественниками. В своей массе бедняки так и остаются бедняками, а доля населения, чей уровень жизни ниже официальной черты бедности, не уменьшилась и до конца 70-х годов по различным оценкам колебалась и составляла от 40 до 60% сельского населения Индии⁴².

Однако в первой половине 80-х годов появились обнадеживающие признаки также и в этой области. В соответствии с официальными данными, уровень бедности среди сельского населения понизился с 51% в 1977/78 г. до 38% в 1984/85 г., и центр ожидает его дальнейшего снижения⁴³. Указанная цель представляет собой неотъемлемую часть последней редакции Программы из двадцати пунктов, разработанной в 1986 г. и предпо-

лагаемой к реализации в рамках «трио» новых проектов — Комплексной программы сельского развития, Национальной программы обеспечения занятости сельского населения и Программы гарантированной занятости безземельного сельского населения. Так, доминирующая модель развития, предложенная для практической реализации, оказывается той же, что и в 70-х годах, — рост сельскохозяйственного производства обеспечивается при сохранении неразвитой системы перераспределения. Раджив Ганди уже обратил внимание на острую нужду в изменении институциональных основ аграрных отношений в Индии, в том числе на необходимость проведения земельных реформ⁴⁴.

Тем не менее даже самая радикальная земельная реформа, проведение которой в Индии маловероятно, не смогла бы немедленно решить проблему бедности. И причина тому проста — сельское население Индии слишком велико, и численность его постоянно растет. Единственное долговременное решение проблем индийской деревни, которое предложил и пытался реализовать Джавахарлал Неру, состоит в одновременном развитии крупного и мелкого производства и сферы услуг параллельно с модернизацией сельского хозяйства, защитой окружающей среды и проведением дальнейших земельных реформ. Сегодня Индия реально стала на этот путь, хотя одни силы выступают за приоритетное развитие каких-либо отдельных отраслей экономики, а другие — за более широкое проведение земельных реформ. Трудно предвидеть, как может измениться ориентация общественного мнения. Тем не менее есть основания полагать, что сложившееся сегодня положение в индийской деревне рано или поздно заставит большинство малоземельных крестьян и безземельных сельскохозяйственных рабочих искать способ обеспечения своего существования не в бесперспективном для них сельском хозяйстве, а в более современных секторах экономики. Тогда возникнет возможность устранить хотя бы крайнюю нужду и недоедание.

В этой связи хочется вспомнить слова, сказанные Джавахарлалом Неру в 1959 г. по поводу земледельцев, владеющих крошечными земельными участками: «Можно сколько угодно пытаться помогать им лучшими семенами, удобрениями и тому подобным. Безусловно, это им несколько поможет, но тем не менее им никогда не удастся вырваться из колеи нищеты; и я не могу принять будущее, в котором такое огромное сельскохозяйственное население находится на грани самой возможности существования. Я бы предпочел этому в Индии миллион революций»⁴⁵.

Примечания

¹ Неру Дж. Автобиография. М., 1955, с. 61—62.

² Там же, с. 63.

³ Там же, с. 64.

⁴ Там же, с. 67.

⁵ Там же.

⁶ См., например: Selected Works of Jawaharlal Nehru (далее — SWJN). Vol. 8. New Delhi, 1976, с. 417—425; см. также: SWJN. Vol. 12. New Delhi, 1979, с. 558—561.

⁷ SWJN. Vol. 4. New Delhi, 1973, с. 441.

⁸ Там же, с. 194.

⁹ Там же, с. 440.

¹⁰ Там же, с. 451.

¹¹ SWJN. Vol. 5, New Delhi, 1973, с. 171.

¹² *Неру Дж.* Автобиография, с. 70.

¹³ SWJN. Vol. 4, с. 438.

¹⁴ SWJN. Vol. 5, с. 147.

¹⁵ SWJN. Vol. 4, с. 249.

¹⁶ SWJN. Vol. 7. New Delhi, 1975, с. 321.

¹⁷ SWJN. Vol. 8, с. 335.

¹⁸ SWJN. Vol. 10. New Delhi, 1977, с. 268.

¹⁹ SWJN. Vol. 7, с. 511.

²⁰ SWJN. Vol. 11. New Delhi, 1978, с. 151.

²¹ *Неру Дж.* Открытие Индии: М., 1955, с. 260.

²² Там же, с. 267, 268.

²³ Там же, с. 270.

²⁴ Там же, с. 556.

²⁵ SWJN. Vol. 10, с. 600.

²⁶ Jawaharlal Nehru on Community Development. Panchayati Raj and Cooperation. Delhi, 1965, с. 100.

²⁷ SWJN. Vol. 8, с. 863.

²⁸ См.: *Неру Дж.* Автобиография, с. 532—534.

²⁹ SWJN. Vol. 9. New Delhi, 1976, с. 641.

³⁰ SWJN. Vol. 12, с. 547.

³¹ SWJN. Vol. 10, с. 541.

³² SWJN. Vol. 14. New Delhi, 1981, с. 594.

³³ Indian National Congress. Resolutions on Economic Policy and Programme 1924—1954. AICC. New Delhi, 1955, с. 5.

³⁴ См. например: *Kaushik P. D.* The Congress Ideology and Programme 1920—1947. Bombay, 1964, с. 378.

³⁵ Indian National Congress. Resolutions, с. 5.

³⁶ Там же, с. 12.

³⁷ Там же, с. 15.

³⁸ Там же, с. 17.

³⁹ Report of the Congress Agrarian Reforms Committee. AICC, New Delhi, 1951, с. 9, 51.

⁴⁰ *Krishi Patrika*. Vol. VI/II. Press Information Bureau.—Government of India. 17.06.1986, с. 4.

⁴¹ Цит. по: *Bergmann T.* Agrarian Reform in India. New Delhi, 1984, с. 38.

⁴² *Kurukshetra*. Vol. XXVIII/1. New Delhi, 15.08.1985, с. 25; *Yojana*. Vol. XX/7. New Delhi, 16—30.04.1981, с. 4.

⁴³ Statistical Outline of India 1982. Bombay, 1982, с. 11; *Indian and Foreign Review*. New Delhi. 31.01.1986, с. 21.

⁴⁴ См., например, речь Дж. Неру на совещании по национальному развитию 8 ноября 1955 г. (*Patriot*. 9.11.1985).

⁴⁵ Jawaharlal Nehru on Community Development, с. 119.

Л. В. Митрохин

РОЛЬ НЕРУ В СТАНОВЛЕНИИ ИНДИЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривая международные аспекты деятельности Неру, следует обратить внимание не только на его отношение к Советскому Союзу, но также и на отношение к нему советских людей. Нам представляется, что среди зарубежных деятелей, которых уважали и ценили в СССР, вряд ли кто-либо еще вызывал более очевидное всенародное искреннее восхищение, чем Неру. Его любили в нашей стране.

Этот феномен заслуживает особого исследования специалистами-социологами. Неру воспринимался советскими людьми как собирательный образ индийца, представление о котором формировалось столетиями и теперь нашло воплощение в конкретном человеке, открытом и доброжелательном, мудром и простом, доступном и дружелюбном, лидере великой и древней страны, о чьей борьбе за свободу советские люди были наслышаны с детства.

Полная борьба и исканий теоретическая и политическая деятельность Неру, мыслителя, дипломата мирового масштаба, была правильно понята и по достоинству оценена в СССР в свете тех бурных преобразований, которыми насыщена современная эпоха, берущая начало с победы Великой Октябрьской социалистической революции. Знакомство широкого круга читателей в СССР с произведениями замечательного индийца, а затем и с ним самим еще и еще убеждало, что Неру — давний и искренний друг Страны Советов, никогда не изменявший своего принципиального отношения к первой в мире стране социализма и неизменно стремившийся к тому, чтобы Индия и Советский Союз были связаны узами дружбы и сотрудничества.

Хотя о Неру у нас написано немало книг, однако, как ни странно, этот аспект его деятельности, особенно в годы борьбы Индии за независимость, все еще недостаточно исследован. Общеизвестно, что глубокое изучение русской истории и культуры, аналитический подход к событиям Великой Октябрьской социалистической революции, знакомство с трудами В. И. Ленина позволили Неру внести огромный личный вклад в установление и развитие индийско-советских связей.

Однако предстоит еще много сделать, чтобы показать про-

цесс становления Неру как убежденного поборника дружбы и сотрудничества между нашими странами.

Так, изучение новых архивных материалов позволило, например, установить или существенно уточнить ряд важных фактов, характеризующих отношение Неру к СССР. Считалось, что Неру впервые серьезно заинтересовался событиями в нашей стране и социалистическими идеями во время своей поездки в Европу, после посещения Москвы. Однако не следует забывать, что уже в статье «Пути свободы», написанной им в 1919 г., Неру приветствовал победу Великой Октябрьской социалистической революции и стремился оценить ее значение для Индии. Он писал: «Беспристрастное и критическое исследование идей, лежащих в основе Октябрьской революции, может помочь нам в разрешении проблем, стоящих перед нашей страной»¹. Весьма показателен следующий факт — подобные идеи уже в тот период оказывали заметное влияние на идейно-политическое формирование молодого политического деятеля, что нашло отражение в докладе Бюро разведки колониальной Индии под характерным названием «Отчет о большевистской деятельности до конца сентября 1920 г. и предпринятых мерах по борьбе с этой деятельностью», подготовленном под наблюдением тогдашнего вице-короля Индии лорда Челмсфорда². В нем имя Неру фигурирует в списке наиболее радикальных деятелей Индии, которые испытали влияние революционных событий в России и стремились связать борьбу за национальное освобождение с подъемом рабочего и в особенности крестьянского движения. Более того, авторы доклада справедливо зачислили аллахабадскую газету «Индепендент», которую контролировала семья Неру, в число «симпатизирующих большевизму».

Первые непосредственные контакты Неру с СССР относятся лишь к ноябрю 1927 г., когда он впервые приехал в нашу страну в связи с празднованием 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с ним по приглашению ВОКС прибыли его отец — видный деятель Индийского национального конгресса Мотилал Неру, жена Камала и младшая сестра Кришна. Этот визит, состоявшийся в тот период, когда английские колонизаторы пытались создать непреодолимый заслон между советским и индийским народами, занял важное место в истории советско-индийских отношений.

Когда Неру впервые приехал в СССР, он был уже известным деятелем, интерес которого к социалистическим преобразованиям в СССР и к внешнеполитическим доктринам нашего государства определился.

За несколько недель до приезда Неру в Москву индийская газета «Форвард» опубликовала статью Неру «Внешняя политика для Индии», в которой он решительно высказывался за развитие индийско-советских отношений. В ней Неру также отвергал попытки английских колониальных властей изобразить Страну Советов как врага Индии: «Нет страны, более нуждающейся

в мире, чем Россия, и только по независящим от нее обстоятельствам или из-за угрозы ее безопасности она может быть втянута в войну... Индия не имеет оснований для ссоры с Россией, она питает к ней большие симпатии и многим восхищена»³.

Семья Неру прибыла в Москву 8 ноября 1927 г. Позднее в своей «Автобиографии» Неру писал: «Все мы — отец, моя жена, моя младшая сестра и я — предприняли кратковременную поездку в Москву в ноябре, во время празднования десятой годовщины советской власти... даже такое беглое знакомство имело смысл. Мы не узнали, да и не могли узнать много о новой России в результате этой поездки, но она дала нам какую-то новую основу для дальнейшего ознакомления с этой страной по книгам»⁴.

Пребывание семьи Неру в Москве было кратковременным, но чрезвычайно насыщенным. Их интересовали самые различные стороны советской жизни: театр, кино, литература и искусство, социальные и экономические преобразования, здравоохранение и сельское хозяйство. Об этом можно судить по его высказываниям в книге «Советская Россия»⁵.

В программу пребывания Мотилала и Джавахарлала Неру в СССР входили также встречи с видными советскими государственными деятелями. Так, состоялись беседы с председателем ВЦИК СССР М. И. Калининым и наркомом иностранных дел СССР Г. В. Чичериным. Накануне отъезда члены семьи Неру были на торжественном приеме, устроенном Советским правительством в честь зарубежных гостей, прибывших на празднование 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

О силе и новизне своих впечатлений Неру писал уже 10 ноября 1927 г., на третий день пребывания в Советском Союзе, в письме своей старшей сестре Виджаялакшми Пандит: «Мы находимся в стране, где все иначе. Старые ценности опрокинуты, и жизнь пошла совершенно необычным путем. Здесь сильно распространен дух равенства, который является гордостью революции».

Публикации этого и еще одного письма обнаружены в лажпурской газете «Трибюн» 13 декабря 1927 г., а также в делийской газете «Хамдард» (на урду) 14 декабря 1927 г.⁶

Первое письмо начиналось такими словами: «Собственно, это не письмо. У меня нет времени на настоящее письмо, и все-таки мне хочется написать тебе несколько строк из Москвы... Чтобы описать увиденное нами за какие-то тридцать шесть часов нашего пребывания, понадобились бы часы и много листов бумаги. Мы находимся в стране, где все иначе, и вся жизнь носит необычный характер. ...Здесь все „товарищи“. Так мы должны обращаться к официанту, портю или носильщику, и таким же образом должен обращаться президент СССР к беднейшему из крестьян. Это кажется простым в теории, но на практике к этому нужно привыкнуть... Здесь сильно распространен дух равен-

ства, и люди гордятся революцией. Мы опоздали на один день и не увидели большого праздника. Состоялся грандиозный военный парад и полтора миллиона людей прошли у Мавзолея В. И. Ленина. Вероятно, это было удивительное зрелище, достойное того, чтобы его увидеть...»

По возвращении в Индию Неру публикует несколько статей о своей поездке в Советский Союз в таких известных изданиях, как «Хинду», «Янг Индиа» и др.⁷ Как известно, в 1929 г. эти статьи были опубликованы в виде книги под названием «Советская Россия». Позднее Неру уделяет большое внимание Советской России в таких своих работах, как «Взгляд на мировую историю», «Автобиография» и «Открытие Индии». Однако те письма, которые были посланы из Москвы, по-видимому, больше нигде не публиковались.

В письмах Неру мы находим мысли, которые отсутствуют в его книге «Советская Россия». Так, во втором письме к сестре Виджаялакшми Пандит, датированном 12 ноября 1927 г. и отправленном по пути из Польши в Германию, Неру досадует, что ему не удалось провести в Москве хотя бы еще день. Как и первое, второе письмо Неру демонстрирует глубину понимания им социально-экономических преобразований в СССР. Письмо заканчивается такими словами: «Электрификация идет очень быстрыми темпами, и уже сейчас по всей стране построены десятки больших электростанций. Промышленные рабочие, конечно, организованы гораздо лучше, чем крестьяне. Они повсюду имеют собственные профсоюзные залы, где часто проводятся лекции, прекрасные читальни, большинство которых представляют старые дворцы дворянства, превращенные ныне в рабочие клубы и крестьянские дома. Нет никакого сомнения в том, что условия жизни крестьян и рабочих в России, несмотря на общую бедность и низкую заработную плату, в сущности лучше, чем где бы то ни было. Более того, их моральное состояние улучшилось, и они смотрят в будущее с надеждой и верой».

Таковы были первые впечатления будущего премьер-министра Индии о Советской России, «этой необычной евроазиатской стране серпа и молота, где рабочие и крестьяне — вершители своей судьбы», — как писал Неру.

В первую очередь Неру интересовал положительный опыт Советской страны, который можно было бы в дальнейшем использовать в Индии.

По всей вероятности, имели место и впечатления негативного характера, на что указывают высказывания в письме Неру выдающемуся индийскому революционеру, борцу за свободу Индии и социализм Вирендранатху Чаттопадхья⁸ от 11 декабря 1927 г., т. е. месяц спустя после посещения Москвы. Текст этого письма, написанного Неру во время его возвращения из Европы в Индию на борту парохода «Энджерс», впервые был опубликован в Индии в 1964 г.⁹

В нем Неру, в частности, писал: «В одном из ваших писем

вы упоминаете, что получили сообщения из Москвы о том, что я вел себя там не так, как ожидалось, по всей вероятности, в силу родительского и семейного на меня влияния. Мне, конечно, трудно судить о степени этих влияний, но, насколько могу припомнить, я ничего не сделал или воздержался от того, чтобы что-то сделать, из-за родительского влияния. Я полагаю, мнения относительно того, что именно я там должен был делать, несколько расходятся. Что касается меня, то я совершенно четко отдавал себе отчет в том, что именно должен делать, и ясно осознавал некоторые попытки заставить меня совершать поступки, которые я не считал желательными. Предпринимавшиеся попытки были оправданны, но манера, в которой они осуществлялись, давала обратный результат. Никому не понравится, когда его к чему-то толкают, а мне показалось, что такая попытка предпринималась. Коммунистическая партия может придерживаться строжайшей дисциплины внутри своих рядов, но я не член этой партии и вряд ли им стану, даже в том случае, если приму принципы коммунизма»¹⁰.

Сейчас трудно судить о характере, уровне и месте «попыток» повлиять на Неру в нежелательной и, по-видимому, оказавшейся для него обидной манере. Тем не менее совершенно очевидно, что Неру, как он сам говорил тогда и позднее, был преисполнен чувством «доброй воли к коммунизму, несмотря на его недостатки», поскольку коммунизм «был по крайней мере не лицемерным и не империалистическим»¹¹.

Спустя почти год после исторической поездки в СССР, выступая на Всеиндийской конференции студентов в Калькутте (22 сентября 1928 г.), он заявлял: «Я верю в коммунизм как в социальный идеал. Я считаю, что социализм — это единственный путь, по которому должен идти мир, если хочет избежать разрушения»¹².

В своей речи на провинциальной конференции ИНК штата Уттар-Прадеш в Джханси в 1928 г. Неру говорил: «Я настойчиво повторяю, что, по моему мнению, социализм — это единственный выход из всех наших бед. Поэтому он должен стать нашей целью»¹³.

В том же году, выступая в Амритсаре с призывом покончить с отжившими и устаревшими идеями прошлого и обратиться к новым, «основанным на реальности», Неру снова вернулся к примеру России и провозгласил, что «государственное владение средствами производства и распределения, ликвидация эксплуатации человека человеком является единственной альтернативой для Индии»¹⁴.

Вспоминая несколько лет спустя об этом бурном периоде своей деятельности, Джавахарлал Неру в «Автобиографии» подчеркивал:

«Я всюду говорил о политической независимости и свободе... Я стремился пропагандировать идеологию социализма, особенно среди работников Конгресса и среди интеллигенции, ибо эти лю-

ди, составлявшие костяк национального движения, в большинстве находились в плену крайне узкого национализма»¹⁵.

Статьи и книги Неру, объективно осветившего положение в СССР, подрывали многолетнюю антисоветскую кампанию английских властей в Индии. Для многих индийцев они явились подлинным открытием новой России. Неру первым среди лидеров Конгресса смело прорвал созданный в Индии колониальными властями «санитарный кордон» против Страны Советов.

Поэтому не случайно, что визит Неру в СССР вызвал крайнее раздражение колониальных властей. Об этом мы узнаем из секретной переписки между Лондоном и Дели относительно предполагаемого визита в Индию в 1935 г. посла СССР в Кабуле. Как сообщал один чиновник колониальной администрации, британские власти в Индии решили, «учитывая визит г-на Неру, не предоставлять впредь разрешения на поездку в Россию ни одному официальному лицу, чтобы избежать попадания этих лиц под нежелательное влияние в России»¹⁶.

Уже в 30-е годы Неру активно стремился осмыслить опыт социалистических преобразований в самых различных сферах общественной жизни Советского Союза. Трудно назвать область советской действительности, которая так или иначе не была бы прокомментирована Неру в его многочисленных выступлениях.

Некоторые аспекты развития Страны Советов находили у него особый отклик. Нетрудно заметить, что к таковым относились именно те моменты, которые, по его мнению, были особенно актуальны для Индии,— ликвидация экономической отсталости, индустриализация и планирование, отношение к иностранному капиталу, преобразование сельского хозяйства на коллективных началах, национальные отношения в многонациональном государстве и ряд других. Можно сказать, что Неру обращался к опыту Советского Союза, размышляя о сущности социалистического идеала, о характере общественных отношений при социализме, о путях и средствах социалистического преобразования. Следует подчеркнуть, что, критикуя те или иные стороны советской действительности, Неру неизменно выступал на стороне Советского Союза как первой в мире страны социализма, видел в ней «вестницу надежды» и фундамент «новой цивилизации, к которой может двигаться мир». И этим во многом определилось его отношение к СССР и к опыту построения социализма в этой стране. В равной степени его оценка роли СССР в современном мире вытекала из ясного понимания того факта, что Страна Советов выступила союзником национально-освободительного движения и бастионом против фашистской агрессии.

Сегодня хорошо известно, что, в сущности, вторая мировая война стала трагической реальностью отнюдь не 1 сентября 1939 г. Захват Японией Северо-Восточного Китая («маньчжурский инцидент» 1931—1932 гг.), нападение Италии на Эфиопию (1935 г.) и Албанию (1939 г.), германо-итальянская интервенция против республиканской Испании (1936—1939), вооружен-

ное вторжение Японии в Северный, а затем Центральный Китай (лето 1937 г.) — все это были, как отмечал М. С. Горбачев, «нававшие пожары» мировой военной эпопеи¹⁷.

Публицистическая и общественно-политическая деятельность Неру в рассматриваемый период свидетельствует о том, что он стоял полностью на стороне сил, выступающих против фашистской и милитаристской агрессии. Войне в защиту республиканской Испании принадлежит особое место, ибо эта война стала кузницей интернационального братства борцов за свободу, антифашистов. Среди них был и Неру, который в 1938 г. со значительным для себя риском посетил Барселону. Достойны воспроизведения его слова об участниках интернациональных бригад, среди которых были и индийцы. О них Неру писал: «Они приехали сюда как добровольцы из самых отдаленных мест мира, влекомые неординарным стремлением служения, которое двигало мужчинами и женщинами с незапамятных времен. Они оставили свои семьи и дома, свою работу и комфорт и по собственной воле предпочли эту трудную жизнь, полную опасностей, где очень частым гостем была сама смерть... Не без колебаний я уехал оттуда... хотя что-то во мне требовало остаться на этих выглядевших негостеприимными высотах, которые хранили так много человеческого мужества, так много того, ради чего стоит жить»¹⁸.

Отношение Неру к набиравшим силу державам «оси», готовившимся к новым захватам, было четким и определенным. Когда в Испании в 1936 г. вспыхнула гражданская война, в резолюции Индийского национального конгресса, написанной Неру, указывалось, что народы Индии не питают вражды ни к немецкому или японскому, ни к какому-либо другому народу, но у них существует глубоко обоснованное несогласие с системами, «которые отрицают свободу и основываются на насилии и агрессии». Вот почему при всей своей любви к великой итальянской культуре Неру категорически отказался от приглашения посетить Рим, последовавшего лично от Муссолини, которого он считал душителем свободы Абиссинии.

Позднее, во время второй мировой войны, Неру твердо придерживался принципа, что прежде всего Индия должна быть свободной, чтобы участвовать в антифашистской войне. Он никогда не поддерживал оппортунистическую линию на установление контактов с фашистскими режимами. Его симпатии неизменно оставались на стороне антифашистской коалиции, в первую очередь на стороне народов Советского Союза, героически противостоявших гитлеровскому нашествию. Его особенно волновала судьба Сталинграда, восхищало мужество его защитников. Он понимал, что в случае поражения советских войск у этой цитадели нацистские армии могли бы в конце концов прийти и до Индии. Неру стал одним из вдохновителей Движения друзей Советского Союза, возникшего в Индии в 1941 г., в первые же дни после гитлеровского вторжения в СССР.

Неру сознавал, что вторая мировая война — это детище империализма. Еще в 1940 г. в письме к М. К. Ганди Неру прозорливо указывал, что самой опасной ситуацией в Европе была «консолидация империалистических и фашистских сил в борьбе против России. Очень скоро обстановка может осложниться еще больше, если западные державы объединятся против России. Они назовут ее священной войной против коммунизма и под этим прикрытием будут стараться укрепить не только свои империи, но и попытаются сокрушить социалистическое государство в Советской России. Это было бы бедствием с любой точки зрения, независимо от того, согласны мы с политикой России или нет. Я бы просил Вас иметь это в виду»¹⁹.

Еще раньше, в 1938 г., Неру указывал, что СССР был «единственным эффективным барьером на пути фашизма и антидемократических сил в Европе и Азии»²⁰.

За полтора года до вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, в письме, датированном 22 февраля 1940 г., Неру сообщил своему другу и соратнику, видному деятелю национально-освободительного движения Индии, Абул Калам Азду: «Вся политика Великобритании с самого начала войны является преднамеренно и последовательно империалистической. До войны правительство Чемберлена было хорошо известно как совершенно реакционное, и во многих случаях именно оно поощряло фашистские и нацистские державы и задушило демократию в Европе. Это было очевидно в случаях с Абиссинией, Испанией, Австрией, Чехословакией и Албанией... Эта политика была направлена на поддержку всех реакционных элементов в Европе, на Дальнем Востоке и даже в Америке, чтобы попытаться ослабить Россию, которая выступала как вызов всем этим реакционным элементам, так же как и империализму в целом... Они проводили политику умиротворения Гитлера и Муссолини, чем чрезвычайно усилили последних. Их целью было направить Гитлера на войну против Советской России и таким образом ослабить обоих своих врагов...

Таким образом они вели игру до тех пор, пока Россия не почувствовала огромную опасность в сложившейся ситуации и, подозревая предательство британской политики, не попыталась противодействовать ей, пойдя на соглашение с нацистской Германией. Это на настоящий момент нарушило английские планы».

Неру писал, что, даже воюя с Германией, правительство Великобритании проводит политику «гораздо более антисоветскую, нежели антигерманскую», надеясь в конечном счете договориться с Гитлером и повернуть совместную военную мощь против СССР.

«Я полагаю,— заключал письмо Неру,— что было бы трагедией, если бы Советская Россия была разбита и ослаблена войной против Великобритании, ибо в этом случае удар получил бы единственный мощный противник империализма... Поэтому

очень важно, чтобы мы совершенно четко представляли политику Великобритании по отношению к России и открыто заявляли, что мы против нее и ни в коем случае не поддержим и не одобрим британских действий против России. Правительство Великобритании жаждет напасть на Россию, но боится последствий. Если оно будет уверено, что Индии обеспечен мир, то не остановится перед нападением. В противном случае оно попридержит свои руки»²¹.

В годы второй мировой войны Неру, как и многие индийские патриоты, решительно заявлял о солидарности с героическим советским народом. В написанном им «конфиденциальном» проекте Резолюции Рабочего комитета Конгресса от 25 декабря 1941 г. Неру решительно осуждал нападение фашистской Германии на СССР. Он выражал твердую уверенность в победе Советского Союза.

Неру принял активное участие в организации грандиозной Конференции друзей Советского Союза в феврале 1942 г. в Лакхнау, где собралось 15 тысяч делегатов со всех концов Индии. Председательствовавшая на конференции знаменитая индийская поэтесса Сароджини Найдугупта в своей речи заявила: «Немногие из нас внимательно следили за событиями в России, и совсем немногие могли поверить, что за какие-то два десятилетия коммунизм может совершить такие чудеса... Строй, который сделал все это возможным, заслуживает изучения. Что бы ни произошло, но даже после завершения нынешнего конфликта система, которая преуспела в создании такого государства, как Советский Союз, будет продолжать оказывать влияние на мышление и жизнь человечества»²².

Выступивший затем Неру отметил: «Результатом основ, заложенных революцией, явилось то, что среди многих других стран Европы, подвергшихся нападению Германии в этой войне, Россия, и лишь Россия, смогла не только противостоять захватчикам, но остановить и отбросить их. Это объясняется тем, что ее экономика зиждется на крепкой основе, которая сумела выдержать столь страшный удар»²³. Мы должны, заключал Неру, использовать опыт СССР, в первую очередь в индустриализации и образовании, поскольку перед Индией стоят те же проблемы, которые существовали в России до революции.

Разгром нацистской Германии и милитаристской Японии во второй мировой войне при решающей роли Советского Союза обусловил глубокие изменения соотношения мировых сил, способствовал победам национально-освободительного движения и распаду колониальной системы империализма. Еще не была формально провозглашена независимость Индии, когда Неру в своем первом выступлении по делийскому радио в качестве главы Временного правительства 7 сентября 1946 г. изложил основные принципы будущей внешней политики национального правительства Индии. Провозглашенный им миролюбивый внешнеполитический курс, получивший название «курс Неру», преду-

смастривал самостоятельное национальное развитие Индии, противодействие колониализму и отказ от участия в военных блоках. Следует напомнить, что первая внешнеполитическая декларация была сделана Неру через полгода после речи Уинстона Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., положившей начало «холодной войне».

В этих условиях трудно переоценить значение заявления Неру. Оно свидетельствует о том, что Индия явилась первым государством, которое приняло новаторский курс внешней политики, известный сейчас как «политика неприсоединения».

В СССР высоко оценили стремление Неру к установлению дружественных отношений с нашей страной, и вскоре между СССР и Индией стали налаживаться внешнеполитические контакты. Дипломатические отношения между СССР и Индией были установлены в результате обмена письмами между Советским правительством и Временным правительством Индии 13 апреля 1947 г., т. е. за четыре месяца до формального провозглашения независимости Индии. Таким образом, Советский Союз самым фактом установления дипломатических отношений заявил о признании и поддержке возникающего в Индии национального государства.

Политика империалистических государств, создававших агрессивные блоки, в частности СЕАТО, и принесших военную опасность к границам Индии, показала, что одного неучастия в блоках еще недостаточно, чтобы обеспечить Индии мирные условия, жизненно необходимые для преодоления тяжелого наследия колониального прошлого и ликвидации экономической отсталости. В соответствии с этим выводом, внешняя политика Индии была преобразована в политику «позитивного нейтралитета».

...Прошло почти три десятилетия, прежде чем Неру совершил новую поездку в Советский Союз. В 1955 г. он прибыл в СССР как премьер-министр независимой Индии, убежденный в необходимости развития индийско-советской дружбы и сотрудничества.

Поездка по нашей стране, длившаяся 16 дней, произвела на Неру огромное впечатление. «Я видел,— говорил он,— преобразования этой огромной страны, достигнутые благодаря трудолюбию ее народа и великому стремлению, которое движет его вперед по пути улучшения его собственных условий»²⁴.

В результате советско-индийских переговоров на высшем уровне было выявлено совпадение или близость точек зрения СССР и Индии по ряду коренных вопросов международной жизни, положено начало широкому развитию сотрудничества между двумя странами в различных областях.

Яркой демонстрацией растущей советско-индийской дружбы стал 80-тысячный митинг на стадионе «Динамо» в Москве 21 июня 1955 г. «Мы проехали около тринадцати тысяч километров,— заявил Неру,— посетили многие известные города и видели много замечательных вещей. Но самым замечательным из всего этого — тот прием, который нам оказывали повсюду, где

бы мы ни были, и те горячие чувства, которые были широко проявлены по отношению к нам. Мы безгранично благодарны за эти чувства и сердечный прием, и у меня нет слов, чтобы полностью выразить мою благодарность народу Советского Союза».

Перед отъездом из СССР Неру сказал: «Мне трудно говорить о своих впечатлениях от шестнадцатидневного пребывания в Советском Союзе. Это очень долгий рассказ. Об этом всегда буду помнить не только я, но и народ Индии. Той любовью и тем гостеприимством, которые мне были оказаны, я всегда буду дорожить. Самым приятным воспоминанием для меня будут душевные встречи, которые показали нам, насколько мы приблизились друг к другу»²⁵.

Третий визит Неру в Советский Союз состоялся в 1961 г. И снова советские люди устроили премьер-министру дружественной Индии теплый и сердечный прием. Во время этого официального визита Неру вел переговоры с руководителями СССР по самым важным вопросам международной обстановки, о дальнейшем развитии советско-индийского сотрудничества. В принятом совместном коммюнике отмечалось, что обеспечение мира является общей целью обеих стран, и подчеркивалось, что дружеские отношения между ними успешно развиваются в интересах народов СССР и Индии.

В одной из речей, произнесенных во время этого визита, оканчивавшегося последним, Неру сказал: «Последний раз я побывал здесь шесть лет назад. Мы все знаем... что дружеские связи между нашими странами значительно развились за последние годы, так же как экономические и культурные. Мы получили от вас очень много даров, но наиболее ценным является ваша дружба. Я искренне верю и надеюсь, что она будет развиваться и крепнуть».

Необычайной и неизменной была приверженность Неру делу дружбы и сотрудничества между Индией и Советским Союзом. Необычайными и неизменными были симпатии к нему миллионов советских людей, в чьих сердцах он оставил глубокий след.

В Советском Союзе память об этом великом индийце увековечена в названиях улиц и площадей, горных пиков и учебных заведений, в произведениях советских живописцев, поэтов и писателей. Он оставил ценное наследие не только своему народу, но и человечеству, а народам Индии и Советского Союза также и особое их общее достояние — дружбу и сотрудничество.

Примечания

¹ Бхатия Винод. Джавахарлал Неру и Советский Союз (автор. реф. канд. дис.). М., 1973.

² National Archives of India (NAI), Foreign and Political Department. 1924, Secret File № 61—M, Nos. 1—6.—Report on Bolshevik activities up to the End of September 1920 and the Measures Undertaken for the Struggle Against This Activity.

³ Forward. 26.10.1927.

- ⁴ *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955, с. 184.
- ⁵ *Nehru J.* Soviet Russia. Bombay, 1929.
- ⁶ Подробнее см.: *Mitrokhin L. V.* J. Nehru on Moscow in 1927.— Link. 1967, № 13, с. 40.
- ⁷ Статьи Неру о Советской России были опубликованы также и в других газетах. В частности, в той же «Хамдард» от 9 сентября и 22 октября 1928 г. была опубликована статья Неру «Система образования в Советской России», в которой говорилось о достижениях в области культуры и образования и подчеркивалось, что ликвидация массовой неграмотности в СССР представляет живой урок для Индии.
- ⁸ В. Чаттопадхьяя трагически погиб в начале 40-х годов в СССР в результате сталинских репрессий.
- ⁹ Link. 19.07.1964.
- ¹⁰ Там же, с. 12.
- ¹¹ Там же, с. 10.
- ¹² *Pandit Nehru J.* Speeches and Writings. Allahabad, 1929, с. 87.
- ¹³ Там же, с. 44—45.
- ¹⁴ Там же, с. 60.
- ¹⁵ *Неру Дж.* Автобиография, с. 202.
- ¹⁶ NAI, Foreign and Political Department, Secret File N-72-F (35), Notes, с. 2.
- ¹⁷ Правда. 03.11.1987.
- ¹⁸ *Nehru J.* 70 Years.— ISCUS Publications. Bombay, 14.11.1959, с. 39.
- ¹⁹ Socialist Congressman Weekly. 27.05.1967, с. 5.
- ²⁰ Indo-Soviet Journal. Bombay, 1947, № 4, с. 18—19.
- ²¹ A Bunch of Letters Written Mostly to Jawaharlal Nehru and Some Written by Him. Bombay, 1958.
- ²² National Herald (Lucknow). 23.02.1942.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Правда. 22.06.1955.
- ²⁵ Джавахарлал Неру в Советском Союзе. М., 1955, с. 3, 65.

Милослав Краса (ЧССР)

НЕРУ И «ПРАЯГ» ЕВРОПЫ

На фоне традиционно дружественных отношений между огромной Индией и небольшой страной в сердце Европы, Чехословакией, личность Неру выступает как реальное воплощение всего лучшего и благородного в вековой истории взаимоотношений и тяжелых испытаний, выпавших на долю этих двух стран. Это давних контактов в области культуры и взаимные симпатии в период борьбы каждой из этих стран за независимость особенно ярко отразились в поддержке Чехословакии Джавахарлалом Неру во время европейского кризиса 1938 г. Эта поддержка приобрела еще более широкий политический резонанс, поскольку ее активно разделяли целые поколения его соотечественников.

Подобная параллельность борьбы и испытаний, с одной стороны, переживаемых Чехословакией перед лицом открытой агрессии нацистской Германии и предательства, готовившегося ее западными союзниками, а с другой—Индией, не прекращающей сражения с британским империализмом за свою свободу и выступившей против его политики «умиротворения» в Европе, в конечном счете сыграла чрезвычайно важную роль, выходящую далеко за рамки текущей политической обстановки и сказавшуюся не только на внешнеполитической ориентации Индии в будущем, но и на послевоенных отношениях между двумя странами.

Деятельность Неру в Европе в течение богатого событиями периода между июнем и октябрём 1938 г. достаточно подробно и в различных аспектах изучена рядом авторов; кроме того, на основании современных архивных источников нами уже исследованы содержание и характер визита Неру в Чехословакию в августе указанного года¹. Этот исторический визит, безусловно, имел важное значение и сегодня считается самой известной вехой отношений Неру со страной чехов и словаков, которые он поддерживал всю жизнь. Вместе с тем были и другие точки соприкосновения, менее очевидные связи и эмоциональные факторы в этих отношениях, определившие их глубину и сделавшие их традиционными. Их можно хотя бы в некоторой степени осветить, прослеживая личные отношения Неру, его контакты и даже незначительные события, связанные с обстановкой в Центральной Европе.

Самые первые впечатления, созвучные воспоминаниям о месте своего рождения у слияния рек Джамны и Ганга, возможно, охватили Неру еще в юношеские годы при посещении всемирно известного курорта на водах в Западной Богемии Карловы Вары (Карлсбад). Молодой Неру тогда учился в Кембриджском университете и проводил со своим отцом, Мотилалом Неру, лето 1909 г. в путешествии по континентальной Европе. В самом конце августа группа (в нее входил двоюродный брат Джавахарлала Неру — Шридхар Неру) прибыла в Карловы Вары, где Мотилал намеревался пройти курс лечения на водах, обычно занимавший от трех до четырех недель².

Индийские гости сняли номера в гостинице «Бристоль», самой лучшей на водах, где останавливались главы государств, члены королевской семьи Великобритании и другие высокопоставленные гости. Гостиница живописно располагалась на вершине холма непосредственно над главными горячими источниками³. В то время на воды приезжало много иностранцев, и вместе с Неру в тот год на курорт прибыло 224 гостя из Азии. Изучение имен посетителей показало, что кроме индийских махараджей среди отдыхающих были высокопоставленные представители британской администрации в Индии и богатые люди, привлеченные целительными свойствами минеральных источников, а также выдающиеся руководители национального движения Индии⁴.

Относительно спокойный период в конце лета считается здесь для гостей наиболее благоприятным сезоном. В это время года пациенты могут наслаждаться не только чудесной погодой и красотами природы, но и интересной культурной программой. Видимо, в такой атмосфере Неру чувствовали себя вполне свободно, тем более в те дни большинство гостей курорта говорили по-английски. Единственный в то время в Австро-Венгрии журнал на английском языке, «Карлсбадер геральд», издававшийся в Карловых Варах с 1891 г., опубликовал в разделе новостей заметку, в которой сообщалось о приезде Мотилала Неру с семьей из Аллахабада⁵.

Приехавший в Карловы Вары влюбленный в машины, автомобили и аэропланы Джавахарлал был полон свежих впечатлений от дирижабля графа Цеппелина, приземлившегося недавно на его глазах в Берлине. Даже через 18 лет он сохранил живое воспоминание об этом событии, о чем свидетельствует его статья в газете «Ај» («Адж»), издававшейся на хинди: «...об этом писали все газеты, и огромные толпы людей собрались его приветствовать (графа Цеппелина на дирижабле.— М. К.). Мы тоже отправились на поле, где ожидалась посадка воздухоплавательного аппарата. Там было настоящее столпотворение — собралось полтора-два миллиона человек. Прибыл и кайзер со своими офицерами — все было обставлено с большой помпой... Я попытался сделать своим маленьким фотоаппаратом несколько снимков. Храню их до сих пор»⁶. Неру мог и не знать, что в середи-

не сентября планировался прилет того же дирижабля (Цеппелин III) в Карловы Вары. Однако ожидаемое событие не состоялось из-за катастрофы, которую потерпел дирижабль при приземлении⁷.

10 сентября гостей из Индии ждал еще один сюрприз, правда, нам неизвестно, привлек ли он их внимание⁸. Музыкальный распорядитель курорта пригласил на 34-й концерт знаменитого местного симфонического оркестра, которым управлял норвежский композитор Герхард Сьельдеруп. Он дирижировал, когда исполнялись три его произведения. В основе последнего — «Восход над Гималаями» — лежала одна из древних индийских легенд — «Дарующая огонь», инсценированная знаменитым датским писателем, лауреатом Нобелевской премии Карлом Гьеллерупом и самим композитором, большим приверженцем индуистской философии. В тот день музыкальному представлению «Восхода над Гималаями» критика в местной прессе дала самую высокую оценку⁹.

О некоторых впечатлениях, полученных Неру в то время, и о его новых мыслях можно судить по письмам к матери, Сваруп Рани. Мотилал Неру начал подыскивать для нее в Европе водный курорт еще в 1905 г.¹⁰, но она не смогла отправиться вместе с мужем, поскольку пришлось ухаживать за беременной женой его двоюродного брата Бриджлала¹¹. В сохранившихся пяти письмах и одной почтовой открытке, написанных молодым Неру из Карловых Вар, убедительно подчеркивается его твердая уверенность в целебном воздействии горячих минеральных вод и регулярных медицинских процедур на здоровье отца. Самочувствие Мотилала стало постепенно улучшаться. Хотя он и продолжал работать даже во время своего кратковременного пребывания на курорте, однако это не могло идти ни в какое сравнение с огромным умственным напряжением, обычным для него в Аллахабаде, и сын заверял Сваруп Рани, что до наступления декабря, когда намечалось возвращение Мотилала Неру домой, состояние его здоровья, несомненно, улучшится¹².

До этого Джавахарлал писал матери об особенностях лечения на водах и описывал некоторые лечебные процедуры: «Сегодня отец начал пить воду из источников и принимать ванну со специально подобранными водами. Необходимо побыть здесь недели три-четыре. Мы со Шридхаром воду из источников не пьем. Те, кто пьет здешнюю воду, худеют. А мне худеть совершенно ни к чему»¹³. Вместе с тем Неру высоко отзывается об «огромном количестве углекислых ванн» на курорте и даже принимает одну из них «лишь для развлечения». «Впечатления самые замечательные, и, должен признаться, после купания почувствовал прилив энергии»¹⁴.

По сути дела, лишь одно тревожило семью Неру в Карловых Варах — здоровье Сваруп Рани, которая, к несчастью, в это время заболела и чьи письма, столь регулярно получаемые ранее, какое-то время перестали поступать. Поэтому между курор-

том и Аллахабадом стал происходить обмен новостями посредством коротких телеграмм. Вполне естественно, что мысли о матери не оставляли Джавахарлала «ни на секунду всю неделю». И отец и сын понимали, что, окажись Сваруп Рани с ними вместе, лечение на курорте быстро восстановило бы ее здоровье, и Джавахарлал, желая матери скорейшего выздоровления, выразил надежду, что в будущем она сумеет изыскать возможность приехать в Карловы Вары¹⁵.

Таким образом, можно предположить, что тревожные новости из дома и жесткий режим лечения в конечном счете помешали семье Неру посетить столь близкую столицу Чехии Прагу, хотя сначала они к этому стремились. Уже само имя древнего города притягивало их, вызывая ассоциации с индийским Праягом — именем, под которым Аллахабад был известен с древнейших времен. «Даду (отец) хотел туда съездить... — писал позднее Джавахарлал Неру в письме своей дочери Индире, — потому что, как он сказал, житель Праяга в Индии обязан посетить Прагу Европы! Но ему это не удалось»¹⁶. Упоминание о желании побывать в европейском Праяге, так и неосуществленном, несмотря на близость этого города, навсегда осталось в памяти Джавахарлала Неру как некий долг перед отцом.

После первой мировой войны карта Центральной Европы радикально изменилась. С развалом империи Габсбургов чехи и словаки снова обрели политический суверенитет и «Прага Богемии стала Прагой Чехословакии»¹⁷. Однако в обстановке послевоенного подъема освободительного движения в Индии воспоминания о посещении Чехословакии временно отошли на задний план; лишь изредка в заметках и письмах Неру встречаются эпизодические упоминания о ней: «...богемское стекло очень ценно, и, полагаю, сейчас его приобрести практически невозможно. Центральная Европа находится в трудных условиях, и я сомневаюсь, чтобы эти изящные вещицы все еще производились здесь, как раньше, — писал он как-то своему отцу из тюрьмы в Лакхнау, обнаруживая при этом некоторые трудности, с которыми сталкивался в политической географии Европы. — Богемия и Карлсбад (Карловы Вары) сейчас, полагаю, входят в состав Чехословакии — трудно запомнить имена этих новых государств, возникающих, как грибы»¹⁸. Свое вынужденное пребывание за тюремной решеткой он интенсивно использовал для чтения и изучения мировых проблем. Выразителями его мыслей по этим вопросам стали письма к дочери Индире, позднее опубликованные под названием «Взгляд на мировую историю». Здесь мы уже видим глубокое понимание проблем развития Центральной Европы и некоторых ключевых вопросов истории Чехословакии.

В середине 30-х годов Неру дал Индире, путешествовавшей в то время по Европейскому континенту, следующий совет: «Когда ты уже была в Вене, я вдруг понял, какую сделал глупость, что не оформил в твоём паспорте визу в Чехословакию...

Может быть, тебе захотелось бы посетить Нану в Праге, или, как они сами ее называют, в „Прахе“? Говорят, город великолепен. Мне ведь так и не удалось в нем побывать, хотя около месяца мы с даду жили совсем рядом — в Карлсбаде»¹⁹.

Нану — друг семьи Неру — А. С. Н. Намбиар. Еще с 20-х годов он возглавлял Индийское информационное бюро в Берлине, официально поддерживавшееся Индийским национальным конгрессом²⁰. После прихода к власти нацистов Нану сначала подвергли тюремному заключению, а затем выслали из Германии. Приехав в Прагу, он по настоянию чешского индолога Винсенца Лесны решил остаться в Чехословакии в качестве журналиста. Неру оказывал ему при этом всяческую поддержку²¹. Они не теряли связь, и, вероятно, письма Намбиара вновь разбудили давнее желание Неру собственными глазами увидеть «город сотен шпилей».

Летом 1935 г., все еще находясь в тюрьме, он приветствовал намерение его дочери учить русский язык в Праге или каком-нибудь другом городе («помни, что это язык страны, граничащей с Индией, — на нем говорят наши соседи»). Видимо, эту мысль дал ему Намбиар²². Вскоре (25 сентября) исполнение приговора по делу Неру было, как сообщалось, отсрочено ввиду резкого ухудшения состояния здоровья его жены после операции, и ему пришлось немедленно вылететь к ней в Европу.

Во время пребывания в Баденвейлере (Германия), где лежала в больнице его жена, Неру выдвинул идею о создании Иностранного отдела Всеиндийского комитета Конгресса, который вел бы пропагандистскую работу на международном уровне — такой отдел он как президент Конгресса и создал в следующем году (во главе отдела стал Рам Манохар Лохия). «Вторым шагом могло бы стать основание пропагандистско-информационных бюро в соответствующих зарубежных странах... Если рассматривать этот шаг, то я рекомендовал бы открыть такое бюро в Праге, в Чехословакии. Сегодня это действительно центр Европы», — писал он Раджендре Прасаду, в то время новому президенту Конгресса. При этом он предлагал одновременно обсудить возможность создания бюро в США и на Дальнем Востоке; однако, «если Конгресс приступит к созданию таких центров, я рекомендовал бы для начала организовать один, который должен быть в Праге»²³.

К тому времени Неру хорошо знал о перспективной деятельности Индийской ассоциации, основанной в Институте востоковедения в Праге (уже 4 мая 1934 г.), президентом которой стал профессор Лесны, а секретарем А. С. Н. Намбиар. У последнего даже появилась возможность установить регулярные контакты между пражской Ассоциацией и Секретариатом Индийского национального конгресса в Аллахабаде и начать отправку туда политической литературы Конгресса²⁴. И снова Прага была так близка и казалось, что на этот раз ничто не может помешать ему нанести туда столь долго откладываемый визит. В

самых сердечных выражениях профессор Лесны пригласил семью Неру приехать в Прагу до конца 1935 г., приурочив их приезд к «золотому юбилею» Индийского национального конгресса, широко освещавшемуся в чешской прессе. Неру тоже хотел приехать: «Надеюсь, что до своего возвращения в Индию у меня появится возможность встретиться с Вами, и мы будем поддерживать отношения. Мне трудно сказать, когда состоится моя поездка, видимо, после того как состояние здоровья моей жены улучшится. Безусловно, я приложу все усилия, чтобы приехать в Прагу»²⁵.

Неру было очень приятно узнать о том, что профессор Лесны весьма высоко отозвался о его новой книге «Взгляд на всемирную историю». На профессора произвел сильное впечатление всесторонний охват Неру главных исторических течений. С присущей ему скромностью Неру ответил пражскому индологу: «Вы не должны забывать, что я не специалист и писал не как профессионал, собирающий воедино разрозненные сведения во время своего путешествия по жизни. Поэтому похвала такого ученого и специалиста, как Вы, естественно, доставляет мне особенное удовлетворение»²⁶.

Вместе с приглашением профессор Лесны отправил Неру книгу о Праге для его дочери Индиры, выразив при этом надежду, что, «возможно, увидев эти иллюстрации, Вам захочется нанести нам визит в ближайшем будущем — мы будем счастливы видеть Вас вместе с семьей в нашей прекрасной стране»²⁷. Практически лишь один член семьи Неру, его жена Камала, к тому времени уже побывала в Праге, хотя и проездом из Вены в Берлин, где ей в том году предстояла операция²⁸.

Таким образом, Неру планировал свое путешествие в Прагу, и был даже назначен день отъезда. Индира Неру, готовившаяся в Швейцарском образовательном центре в Бексе к вступительным экзаменам в Оксфордский университет, также считала поездку делом решенным. Она писала профессору Лесны: «Я так много узнала о Праге, что очень захотелось посетить ее, а теперь, когда ознакомилась с этими прекрасными иллюстрациями, мое желание сильно как никогда. Надеюсь, мне удастся приехать вместе с отцом, когда он посетит Прагу в это Рождество»²⁹.

Однако к тому времени Неру, который находился рядом с женой, помещенной в санаторий, лучше дочери знал о состоянии ее здоровья и уже не строил оптимистических планов насчет поездки. В своем ответе Бхарати Сарабхай, спрашивавшей о его планах на рождественские каникулы, Неру писал: «У меня этих каникул не будет... Полагаю, мне придется остаться здесь, в Баденвейлере, если только, а это весьма маловероятный шанс, мне не удастся увезти Камалу в Швейцарию до Рождества... Одно время у меня была маленькая возможность поехать в Прагу, но теперь сомневаюсь, что это удастся сделать»³⁰. Заметного улучшения здоровья Камалы Неру не последовало, не стало ей лучше и после того, как ее поместили в санаторий в Швейцарии.

28 февраля 1936 г. она скончалась в Лозанне, а через неделю Неру самолетом возвратился в Индию, где снова отдал всего себя политической борьбе за освобождение своей страны. Тем не менее желание побывать в Праге не оставило Неру, и он лишь ждал новой возможности.

Через два года, когда Неру в 1938 г. готовился к следующей поездке в Европу, он особо подчеркнул необходимость включения Праги в свою программу³¹. К тому времени политическая ситуация значительно изменилась, стала, по сути дела, весьма серьезной и ухудшалась практически с каждым днем. После вооруженного вмешательства фашистов в ход гражданской войны в Испании и аншлюса Австрии Чехословакия оставалась символом демократии и сопротивления агрессии нацизма, готовящегося к следующей большой войне. Старое желание посетить Прагу стало делом объективной и срочной политической необходимости. До отплытия из Бомбея, намеченного на 2 июня, Неру совершает все необходимые приготовления и принимает решение вступить в члены Индо-чехословацкого общества, открытие которого ожидалось в ближайшем будущем; в то же время он вежливо, но решительно отклоняет официальное приглашение местного консульского представителя посетить Германию³².

Впечатления от посещения Испании, особенно Барселоны, дискуссии с государственными деятелями Великобритании и политическими деятелями самой различной ориентации, участие в демонстрациях общественности и международных конференциях — все это послужило своего рода прелюдией к его приезду в Прагу, предоставившей ему достаточно материала, чтобы заглянуть в самую суть европейской политики. Он сразу понял основные составные части политики «умиротворения», разоблачил истинные намерения правительства Чемберлена и даже предсказал ее чудовищные последствия в будущем.

Неру вместе с Индирой прибыл в Прагу 9 августа, всего за несколько дней до начала зловещей работы миссии Ренсимена. Десятидневная насыщенная программа позволила ему на месте ознакомиться с обстановкой и со всеми оттенками общественного мнения. Профессор Лесны, избранный в тот период деканом философского факультета Карлова университета, внимательно следил за тем, как выполнялась программа визита, а А. С. Н. Намбиар взял на себя роль личного секретаря. Неру не ограничивал свое внимание лишь осмотром города — он также посетил и сельскую местность, в основном приграничные районы, заселенные судетско-немецким меньшинством³³. Неру путешествовал в автомобиле, поездом, самолетом, встречался с десятками выдающихся политиков, деятелями народного образования, журналистами и даже со студентами чехами, словаками, немцами³⁴. В своих интервью чехословацкой прессе он не только давал оценку политической ситуации в Европе, но и информировал читателей о проблемах, стоящих перед освободительным движением в Индии, перспективах его развития в случае возникновения войны.

Несмотря на неофициальный характер пребывания Неру в стране, в честь индийских гостей в Праге дано два полуофициальных банкета. Первый из них — ужин в Общественном клубе (Саварин) — состоялся 10 августа, и после него сохранилось меню с подписями некоторых участников, среди которых можно найти имена профессора Лесны и некоторых членов Индийской ассоциации, представителей Экспортного института в Праге и, возможно, нескольких официальных лиц, а также Джавахарлала Неру и Индиры, А. С. Н. Намбиара, Гири Мукерджи (преподававшего в Праге бенгальский язык), Дилипа Котхари и Дж. К. Банерджи³⁵. Второй — завтрак, который дали в честь Неру на следующий день (11 августа) в фешенебельном ресторане «Баррандов», расположенном на холме над р. Влтавой, где кроме профессоров Винценца Лесны и Й. В. Козака, чешского писателя Карела Чапека, одного из руководителей Германской социал-демократической партии, В. Якша, члена парламента, политического деятеля и журналиста Хуберта Рипки присутствовали и некоторые высокопоставленные государственные чиновники. Продолжительная дискуссия, состоявшаяся после завтрака, затрагивала как европейские, так и индийские проблемы³⁶.

Намбиар сообщает дополнительные подробности краткого пребывания семьи Неру в Злине по приглашению самого крупного в то время чешского промышленника Бати, владельца нескольких обувных фабрик, в том числе и в Индии, стремившегося произвести впечатление на своих гостей. Однако его точка зрения на политику нацизма, несмотря на осторожность формулировок, прозвучала диссонансом и вызвала прохладную реакцию. Далее Намбиар сообщает о забавном эпизоде в скором поезде, которым он вместе с семьей Неру выехал в Братиславу: Неру охотно уступили свои места у окна группе парламентариев, посчитав, что последним необходимо провести срочные политические консультации. Однако вскоре выяснилось, что они уступили места словацким сепаратистам, которые до самого места назначения все время играли в карты³⁷.

В Братиславе семья Неру провела вечер и весь следующий день. Их поселили в гостинице «Карлтон». Согласно недавно обнаруженным данным, в ходе визита их сопровождал молодой словацкий политический деятель Владо Клементис. Он, как и Неру, участвовал в мероприятиях, проходивших в Париже в последние недели июля 1938 г., в программу которых был включен и вопрос о Чехословакии и ее целостности. В. Клементис, ставший после войны заместителем министра, а в 1948 г. — министром иностранных дел, выступил тогда на сессии Всемирного комитета против войны и фашизма. На встрече с семьей Неру в известном братиславском кафе «Керн», где присутствовала также и его жена, Лида Клементис, они обсуждали животрепещущие проблемы того времени³⁸.

Поскольку практически все моменты и обстоятельства, отно-

сящиеся к краткому пребыванию Неру в Чехословакии в 1938 г. уже достаточно подробно освещены в ряде работ, опубликованных ранее³⁹, мы остановимся лишь на некоторых особенностях этого визита.

Независимо от своего давнего желания посетить «Праяг» Европы, первый визит Неру в этот город был вызван главным образом политическими причинами. Как сказал Неру корреспонденту «Руде право» в Париже в специальном пространном интервью перед отъездом в Прагу, он хотел «выразить свое сочувствие этой стране»⁴⁰. «Это был жест солидарности с народом Чехословакии в столь тревожное время»⁴¹.

Хотя формально он приехал в Чехословакию как частное лицо, его визиту был явно присущ определенный представительский характер. Сообщалось, что в своем выступлении непосредственно перед отъездом он заявил: «Я отправляюсь в Европу с полномочиями и по поручению Конгресса... Моя поездка в Европу имеет вполне определенную цель»⁴². В этом двойном качестве его принимали в Чехословакии. Вместе с тем в силу специфичности обстановки, сложившейся в Праге, его приезд не рассматривался как официальный, и Неру не мог встретиться ни с президентом республики, ни с членами парламента. Тем не менее официальные лица внимательно следили за его деятельностью и, оставаясь в стороне, оказывали поддержку добровольцам-организаторам встреч и хозяевам, проводившим их. Несомненно, Неру знал об этом и выражал полное понимание такой позиции⁴³.

Свое окончательное мнение относительно положения, складывавшегося в стране, которая в то время жила под прямой угрозой превосходящей военной мощи нацизма, Неру составил на основе сбалансированной оценки после разговоров с большим числом компетентных лиц, представлявших различные общественные слои, и после тщательной проверки каждой информации. Его заключения свидетельствуют о большой объективности. Чтобы составить свое мнение, он встречался даже с представителями пронацистской партии судетских немцев. В конечном счете его исходные посылки в основном подтвердились и еще более упрочились. «В тяжелых условиях чехи ведут себя достойно и полны решимости, несмотря ни на что», — писал он из Праги в Аллахабад. Все еще оставаясь в городе, в интервью индийской прессе он еще раз подтвердил свою оценку происходящим событиям⁴⁴.

После отъезда из страны он направил редактору «Манчестер гардиан» подробный анализ обстановки в контексте мирового положения в целом, где критиковалось британское правительство, которое «как прямо, так и через своих посредников пытается спровоцировать и запугать правительство Чехословакии при каждом удобном случае»⁴⁵. Его воспоминания о посещении Чехословакии полны ярких впечатлений: «Я возвратился полный восхищения замечательным характером чехов и немцев,

которые придерживаются демократических позиций и сохраняют спокойствие и жизнерадостность перед лицом смертельной опасности и беспрецедентного запугивания, провокаций. Они готовы отдать все для сохранения мира и, несмотря ни на что, полны решимости защищать свою независимость»⁴⁶.

По-видимому, Неру оставил все иллюзии относительно политики «умиротворения» и ее конечных целей. Он слишком хорошо знал стратегию и тактику британского империализма, чтобы обмануться его показными маневрами. Уже в условиях аншлюса (или, как его еще называли, «приглашение от Чемберлена Германии предпринять действия против Австрии») он стал разоблачать истинные цели плана Англии, направленного в конечном счете против России. Позднее, сравнивая действия нацистов в Австрии с майской мобилизацией в Чехословакии, он отметил симптоматические различия между двумя этими событиями⁴⁷. Вместе с тем он оценил угрозу отозвать английского посла из Берлина вслед за такой же смелой акцией правительства Чехословакии, как поспешные действия министерства иностранных дел, нарушившие «общее движение в направлении умиротворения», за которым последовала замена сэра Роберта Ванситтарта на сочувствующего нацистам, антисоветски настроенного сэра Горация Уилсона⁴⁸. Он считал, что если бы подобные решительные меры были предприняты против нацистов, то последующий ход событий мог спасти Чехословакию от Мюнхенского соглашения, а мир от войны, что очевидно из высказывания в одной из его статей в «Нэшнл геральд»: «Стало совершенно ясно, что, если бы существовал мощный фронт миролюбивых сил, выступающих против нацистов и фашистской агрессии, эту войну удалось бы предупредить и защитить мир. Фронт миролюбивых сил должен был бы включать в себя Советский Союз, Францию, Англию, Чехословакию»⁴⁹.

Вот почему эта и другие статьи Неру, написанные в Европе специально для «своей» новой ежедневной газеты, издающейся в Лакхнау с 9 сентября 1938 г., в основном посвящены проблемам Чехословакии и политическому кризису в Европе. Они отражают не только политическую зрелость автора и его способность к политическому предвидению, но также и растущее сочувствие и любовь к чехословацкому народу. Они дают уникальную картину драматических событий, их трагического пика и печальных последствий, написанную наблюдателем из азиатской страны, который проявил большее понимание и здравомыслие, чем местные профессиональные эксперты. По мере углубления кризиса статьи писались практически каждый день, отражая тревожную атмосферу Праги и Парижа, Дворца наций в Женеве и палаты общин в Лондоне. Некоторые обзоры о событиях в Чехословакии написаны с такой глубиной проникновения и таким пониманием истинной сути происходящего, как будто он сам жил там. Не случайно и в наше время эти статьи ценятся высоко как пример блистательной публицистики⁵⁰. Не только сама

личность автора, но и доходчивость изложения в значительной степени способствовали (как в оригинале, так и переводе на многочисленные языки Индии) ознакомлению широкой общественности Индии с событиями, происходящими в Центральной Европе. Без преувеличения можно сказать, что силы, выступавшие за национальную независимость Индии, смотрели на эти события глазами Неру. Поистине, говоря словами Неру, «из всех народов мира никто не понимал народ Чехословакии лучше и не сочувствовал больше, чем народы Индии»⁵¹.

В тех условиях предательство по отношению к Чехословакии как заранее рассчитанная стратегия умиротворения оказала хотя и косвенное, но весьма существенное влияние на развитие политики освободительного движения Индии. Систематическое освещение и анализ данного вопроса служили важным политическим уроком для активистов и сторонников Конгресса. В то же время в равной степени существовала необходимость учитывать возможности различных вариантов развития событий и делать соответствующие выводы, касающиеся как действий Конгресса по текущим вопросам, так и его перспективной ориентации. Эти новые соображения лишь усиливали позиции, уже выкристаллизовавшиеся к тому времени на основе опыта давнего и недавнего прошлого. Так, в статье «Выбор, стоящий перед нами» Неру задолго до Мюнхенского соглашения сформулировал эту позицию следующим образом: «От всего сердца мы сочувствуем Чехословакии и ее борьбе за свободу, понимаем всемирное ее значение и глобальность последствий, к которым она может привести. Готовы помочь всем, что в наших силах, потому что тем самым мы поможем делу свободы и демократии во всем мире. Мы хотим бороться с фашизмом, но не позволим империализму эксплуатировать себя, не позволим навязать нам войну, не пойдем на жертвы ради сохранения давней несправедливости и порядка, основанного на ней. Мы не можем и не желаем забывать о нашей собственной борьбе за свободу»⁵².

Когда ультиматум правительству Чехословакии и даже угрозы со стороны западных государств присоединиться к нацистской Германии против своего бывшего союзника полностью разоблачили намерения Англии, Неру обратился к своим соотечественникам с призывом запомнить этот урок, порвать отношения с Англией и в борьбе за независимость полагаться лишь на собственные силы⁵³. После последнего театрального визита Чемберлена к Гитлеру, за которым последовал навязанный Чехословакии мюнхенский диктат, он снова писал: «Произошло многое, что вызвало у нас глубокую тревогу, и наши сердца полны симпатии к народу Чехословакии, переживающему эти трудные времена с поразительной стойкостью духа, достоинством и смелостью. Еще раз нам преподали некоторые уроки, которые помогут в дальнейшем избежать ловушек на нашем пути»⁵⁴.

Джавахарлал Неру относился к числу тех политиков, которые ясно отдавали себе отчет в том, что гибель Чехословакии в

результате Мюнхенского соглашения может привести к необратимым последствиям не только для Европы, но и всего человечества. Уже в октябре и ноябре 1938 г., работая над текстом своей книги для переиздания, он не раз касался этого важного вопроса в своих выступлениях перед индийской общественностью. Случай с Чехословакией, «не имеющий параллелей в мировой истории»⁵⁵, создал, по словам Неру, «новую ситуацию во всем мире» и стал «поворотным пунктом в европейской и мировой истории», поскольку «нарушил сложившееся в мире шаткое равновесие сил»⁵⁶.

Таким образом, первый визит Неру в Прагу вошел в историю, и об этом не забывают ни в Чехословакии, ни в Индии. Неру часто вспоминал те дни, когда он непосредственно общался с народом Чехословакии, и то время, когда мысленно возвращался в эту страну⁵⁷. Будь то предисловие к чешскому изданию его «Автобиографии», встречи с государственными деятелями Чехословакии, выступления перед общественностью на официальных церемониях или беседы с чехословацкими друзьями и посетителями, Неру поражал всех свежестью своих воспоминаний о предвоенной Чехословакии и нередко подчеркивал значение событий того времени для современного и будущего мира.

В то же время очарованность Неру Прагой осталась навсегда, ассоциируясь, как и в юные годы, с его родным Прягом. Даже в передовой статье самого первого номера его собственной политической газеты мы чувствуем это восхищение в сочетании с тревогой: «Великолепная Прага, чье название напоминает мне имя моего родного города, совсем как кусочек безмятежного старого мира раскинулась по берегам петляющей реки. Город становится еще прекраснее с наступлением вечерних сумерек, когда тысячи огней мерцают на склонах крутых холмов. Какая судьба постигнет его, равно как и многие другие города Европы, когда начнется война...»⁵⁸

Следующий, но уже официальный визит Джавахарлала Неру в Прагу состоялся 6—7 июня 1955 г. (и на этот раз его сопровождала Индира Ганди). Несмотря на кратковременность, этот визит также имел огромное значение и характеризовался тем, что проходил в полностью изменившейся обстановке. И Чехословакия и Индия вновь обрели независимость, интенсивно занялись перестройкой экономики и социальных условий. Насыщенная программа визита, официальная повестка дня и множество встреч премьер-министра Индии с чехами послужили новым стимулом в развитии двусторонних отношений во всех сферах. К сожалению, Неру не смог увидеться со своим старым другом профессором Лесны, который к тому времени уже скончался, но он встретился с профессором Пертольдом и другими индологами и друзьями, тем самым возобновив некоторые старые знакомства. В своей прощальной речи в аэропорту перед провожающими его чехами, которые пришли туда, чтобы пожелать выдающемуся индийскому гостю счастливого пути, он выразил чувства глубо-

кой симпатии к ним и восхищения весенней атмосферой города, не потерявшего своего былого очарования. Кто бы мог тогда подумать, что это был последний визит Джавахарлала Неру в Прагу⁵⁹.

Джавахарлал Неру по праву считается одной из наиболее выдающихся личностей нашего века. Его вклад в дело освобождения своей страны трудно переоценить. Внешнеполитический курс Неру, последовательная борьба против колониализма и его возрождения в любой форме, расизма, империалистического господства, за справедливый мировой экономический порядок нашли широкую международную поддержку. Деятельность Неру и его мысли обладали необычайной широтой и подтвердили свою жизненность во многих сферах политической жизни как Индии, так и всего мира. В равной степени широко, интенсивно и регулярно он поддерживал и личные связи с остальным миром.

Одна из таких его связей, тем более с далекой и небольшой страной, может на первый взгляд показаться незначительной и имеющей лишь двусторонний интерес. В случае с Чехословакией, однако, это далеко не так. Активное участие Неру в разоблачении политики, приведшей к мюнхенской трагедии, придало его первому визиту в европейский «Праяг» важное политическое значение и этот визит занял в истории свое место.

Примечания

¹ Jawaharlal Nehru and Czechoslovakia: the 1938 European Crisis.—The Indo-Asian Culture. Vol. 15. New Delhi, № 3, 1966, с. 187—213; Nehru on India, Czechoslovakia and World Events. The Indo-Asian Culture. Vol. 18, № 2, 1969, с. 3—23; The Formative Period of the Indian National Congress: Foreign Orientation: the Czechoslovak Aspect.—Indian National Congress: Problems of the Liberation Movement and Independent Development of India. Prague, 1986, с. 21—38.

² Фактический период пребывания на курорте — с 31 августа по 24 сентября 1909 г. Письма Неру матери датированы 1 сентября и 23 сентября 1909 г. *Nehrū smārak* — Мемориальный музей и библиотека Неру в Нью-Дели (Nehrū smārak. Jawaharlal Nehru Papers. Vol. LIX. Pt. I. New Delhi, с. 50, 61—62).

³ Сегодня улица Замецка, д. 34; выше по этой же улице в д. 31 находился пансион, где в 30-х годах жил Субхаш Бош, а в д. 41 в курортные сезоны 1874—1876 гг. останавливался Карл Маркс. Эти здания сохранились и используются до настоящего времени.

⁴ Полные списки приезжающих (регулярно ведущиеся с 1758 г. и зарегистрировавшие к началу XX столетия около 50 тыс. человек) можно найти в периодически публиковавшемся «Карлсбаде курлисте», хранящемся сегодня в Районном архиве Карловых Вар; данные о Неру находятся в папке C 3/22 I (см. также: Municipal Registration Records for 1909. папка IV IB 248, запись № 46, 161).

⁵ *Karlsbader Kurliste*. 10.09.1909. Vol. XIX, № 14, с. 4.

⁶ Issue of September 28, 1927. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*. Gen. ed. S. Gopal (далее — SWJN). Vol. 2. New Delhi, 1972, с. 364—365).

⁷ См.: *Karlsbader Tagesblatt*. *Karlovy Vary*. Vol. 49, № 235 (29.08.1909), N 238 (01.09.1909) and N 239 (02.09.1909).

⁸ Упоминания о Карловых Варах в письмах и записках Мотилала Неру не обнаружены.

⁹ *Karlsbader Tagesblatt*. 12.09.1909. Vol. 49. № 249, с. 5.

- ¹⁰ Nanda B. R. The Nehrus. Motilal and Jawaharlal. Chicago, 1962, с. 65.
- ¹¹ Nehrū smārak. Jawaharlal Nehru Papers, с. 30.
- ¹² Там же, с. 54—55.
- ¹³ Там же, с. 52—53.
- ¹⁴ Неру сохранил воспоминания об этих удивительных ощущениях и в более зрелом возрасте и делился ими с дочерью (Письмо Индире Неру от 5 июля 1935 г.— SWJN. Vol. 6. New Delhi, 1974, с. 388).
- ¹⁵ См. примеч. 13, 52. Все письма Неру к Сваруп Рани написаны на хинди.
- ¹⁶ SWJN. Vol. 6, с. 388.
- ¹⁷ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1977. Том. 1, с. 89.
- ¹⁸ SWJN. Vol. I. 1972, с. 346.
- ¹⁹ SWJN. Vol. 6, с. 388; оригинал хранится в Чехословакии.
- ²⁰ Nehrū smārak. AIC.C. Papers, папка F.D.1 (ii). Pt. III, с. 176—195.
- ²¹ См. например письмо к сестре Виджаялакшми Пандит от 1 июня 1934 г.: «Тебе известен последний адрес Нану? У него крупные неприятности, и гитлеровцы выдворили его из Германии. Он приезжал в Прагу. Если возможно, я хотел бы ему помочь».— SWJN. Vol. 6, с. 255.
- ²² SWJN. Vol. 6, с. 401.
- ²³ SWJN. Vol. 7. 1975, с. 39—40.
- ²⁴ См. переписку между Неру и профессором Винценцем Лесны, а также соответствующие стенограммы собраний Секретариата Индийского национального конгресса, хранящиеся в настоящее время в Центральном архиве АН ЧССР (собрание Винценца Лесны).— ÚA ČSAV, 116 b.
- ²⁵ Письмо из Баденвейлера от 22 ноября 1935 г.— ÚA ČSAV, 11b.
- ²⁶ Письмо из Баденвейлера от 22 ноября 1935 г.— ÚA ČSAV, 11b. Мнение Лесны о книге Неру приводится в его письме от 19 ноября 1935 г.— A Bunch of Old Letters. L., 1960, с. 162.
- ²⁷ A Bunch of Old Letters. L., 1960, с. 163.
- ²⁸ Bose A. N. My Uncle Netaji. Calcutta, 1977, с. 119.
- ²⁹ Письмо профессору Лесны от 29 ноября 1935 г.— ÚA ČSAV, 11b.
- ³⁰ SWJN. Vol. 7, с. 10.
- ³¹ Письмо В. К. Кришне Менону из Аллахабада от 28 апреля 1938 г.— SWJN. Vol. 9, с. 2—3.
- ³² Секретные доклады консульства Чехословакии в Бомбее от 3 и 23 июня 1938 г.— Архив Федерального министерства иностранных дел (далее — AFMZV). Прага. Папка № III/138, 88, 889 и 94, 821.
- ³³ Новые сведения об этом посещении непрерывно дополняют данные, уже опубликованные в ранее изданных монографиях. Так, в хронике городка Подмоклы (сегодня слившегося с г. Децин) обнаружено краткое сообщение о прибытии сюда семьи Неру 12 августа 1938 г. (см.: Marek J. A Visit from the Orient.— Usti under Labem. Vol. 3. 1967, с. 132).
- ³⁴ Чешский экономист и дипломат Арношт Таубер сообщает об оживленной дискуссии, состоявшейся между Неру и группой из 10—15 представителей различных чешских и немецких прогрессивных молодежных организаций в фойе отеля «Амбассадор», где он останавливался в Праге. Письмо автору датировано 2 марта 1968 г.
- ³⁵ Копия хранится у автора. Оригинал подарен Nehrū smārak одним из участников.
- ³⁶ Письма профессора И. В. Козака к Ф. Боусу от ноября 1963 г. (рукописная копия) и от 21 марта 1964 г. (хранятся у автора).
- ³⁷ Nambiar A. C. N. With Nehru in Czechoslovakia. New Delhi; 1964; Právo lidu. Prague, 17.08.1938, с. 8.
- ³⁸ Machala D. An Unselfish Friend. Glimpses from India. I. Večerník. Bratislava. 18.07.1983, с. 2. Письмо Индиры Ганди в Братиславу.— Večerník. 02.11.1984, с. 2.
- ³⁹ См. примеч. 1.
- ⁴⁰ Rude právo. 31.06.1938, с. 5.
- ⁴¹ Послание Индиры Ганди от 20 марта 1982 г. Академик Винценц Лесны и индология.— Юбилейный сборник к столетию со дня рождения. Прага, 1982, с. 4.

⁴² The Hindustan Times. New Delhi. 03.06.1938.— SWJN. Vol. 9, с. 7; см. также: *Nehru J. The Unity of India. L., 1948, с. 114.*

⁴³ При посещении городской ратуши г. Подмоклы Неру обратился к представителям местного муниципалитета (членам Германской социал-демократической партии) с настойчивой просьбой «ни в коем случае не освещать его кратковременное пребывание и не проводить никаких официальных мероприятий в его честь» (*Marek J. A Visit from the Orient, с. 132*). Нежелание Неру ставить чехословацкое правительство в затруднительное положение подтверждается и Индирой Ганди в интервью по поводу посещения Праги вместе с Джавахарлалом Неру, данным автору 30 ноября 1964 г. в Бомбее.

⁴⁴ SWJN. Vol. 9, с. 108.

⁴⁵ «Чехословацкий вопрос в его настоящей постановке гораздо меньше связан с проблемой национальных меньшинств, чем это принято считать. Сегодня эта проблема связана с экспансионистским курсом, намеченным Германией... оппозиционные силы для Германии — это цель, достижение которой расширяет ее влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе, а для Чехословакии они представляют собой угрозу собственной независимости...» Беседа с корреспондентом Амрита Базар Патрика (Калькутта) в Праге, опубликованная 31 августа 1938 г.— SWJN. Vol. 7, с. 119.

⁴⁶ The Manchester Guardian. 12.09.1938, с. 18.

⁴⁷ «Оккупация Австрии выявила слабость германской армии. Военных специалистов удивила неэффективность Генерального штаба Германии. Напротив, действия чехословацкого правительства, сумевшего 21 мая 1938 г. всего за несколько часов мобилизовать несколько миллионов человек, продемонстрировали исключительную эффективность Генерального штаба Чехословакии» — SWJN. Vol. 9, с. 231—232.

⁴⁸ National Herald. 03.04.06.06.1939.— SWJN. Vol. 9, с. 259.

⁴⁹ *Nehru J. On the Brink.*— National Herald. 05.11.1938, с. 6 и 11 (написано в Париже 22 и 23 сентября 1938 г.).

⁵⁰ *Rau M. Chalapathi. Jawaharlal Nehru.* New Delhi, 1973, с. 428.

⁵¹ Daily Worker. 01.11.1938.— SWJN. Vol. 9, с. 171.

⁵² National Herald. 06.11.1938, с. 6.

⁵³ *Nehru J. The Great Betrayal.*— National Herald. 01.11.1938 (написано в Париже 22 сентября 1938 г.).

⁵⁴ *Nehru J. Peace and After.*— National Herald. 12.11.1938, с. 12 (написано в Лондоне 2 октября 1938 г.).

⁵⁵ The Hindu. 19.11.1938.— SWJN. Vol. 9, с. 405.

⁵⁶ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю.

⁵⁷ Ради точности следует отметить, что формально Неру посетил столицу Чехословакии еще раз 1 сентября 1938 г., когда летел с дочерью Индирой из Будапешта в Лондон с посадкой в Праге. Его сестра, Виджаялакшми Пандит, в то время первая в Индии женщина-министр в правительстве Соединенных провинций от Конгресса, прибыла в город двумя днями ранее с кратковременным визитом и присоединилась к брату и племяннице в Пражском аэропорту, где среди провожающих присутствовал профессор Лесны и другие друзья Неру. Сообщение пражского корреспондента (А. С. Н. Намбиара?) — National Herald. 12.11.1938, с. 6.

⁵⁸ *Nehru J. The Birth of the National Herald.* National Herald. 09.09.1938, с. 1 (написано в Будапеште 21 августа 1938 г.).

⁵⁹ Rude právo. 07.06.1955, с. 1, 3 и 4; там же. 08.06.1955, с. 1.

Д. Вайдеман (ГДР)

ОБЛИЧЕНИЕ ФАШИЗМА

Проблема отношения антиколониальных движений, организаций и партий к фашизму — довольно сложна и появилась сразу же с возникновением фашизма. Эта проблема представляет не только исторический интерес. Тревожен тот факт, что и сегодня, т. е. сорок с лишним лет после окончания второй мировой войны, развязанной фашистами и унесшей 50 миллионов жизней, мы видим попытки возрождения нацизма, многочисленные неонацистские или фашиствующие движения, которые бросают вызов демократическим, гуманистическим и миролюбивым силам. Они пытаются приобрести влияние не только в Европе, но и в Латинской Америке, Африке и Азии, используя кризисные ситуации, возникающие в этих странах.

Обстоятельно рассмотреть проблему отношения антиколониальных сил к фашизму в рамках небольшой статьи невозможно. Здесь внимание уделяется лишь отдельным ее аспектам.

Ряд событий в Южной и Юго-Восточной Азии между 1933 и 1945 гг. свидетельствует о том, что из-за недостаточного понимания сущности империализма определенные национальные силы не смогли сразу распознать империалистическую агрессивную и бесчеловечную природу фашизма. Многие политики-националисты либо оставались в течение длительного времени безразличными к фашизму, либо надеялись извлечь из его планов и действий политическую выгоду для себя, что, конечно, оказалось тщетным. Одним из примеров неверного понимания природы фашизма была надежда освободиться от колониализма с помощью держав «оси». Такая позиция характерна для некоторых движений в Бирме и Индонезии, а также для группы Субхаш Чандра Боша в индийском национальном движении. Только собственный горький опыт (имеются в виду страны «оси») заставил такие движения и группы коренным образом пересмотреть свое отношение к фашизму. В Южной и Юго-Восточной Азии имелись и такие националистические группы и движения, чья идеология была сходной с нацистской. Исходя из своего понимания классового вопроса, они так или иначе симпатизировали нацистской концепции «национального общества» (*Volkgemeinschaft*), а в чем-то и нацистской расовой теории. Были и такие, которые тяготели к нацистскому культу лидера.

Индийский национальный конгресс принадлежал к тем национальным организациям, которые заняли четкую антифашистскую позицию. Этот факт имеет важное историческое значение. Следует подчеркнуть, что такая позиция ИНК отнюдь не была случайной. Как указывал Р. Кумар¹, до Неру внимание руководства ИНК было сосредоточено на национальной проблеме самой Индии. Оно отвергало фашизм, но не вдавалось в оценку причин и значения его возникновения. Своей принципиальной антифашистской позицией ИНК был обязан прежде всего Джавахарлалу Неру, который уделял большое внимание международной жизни и пришел к своему собственному пониманию основных международных проблем. В вопросах мировой политики Неру пользовался авторитетом у Ганди и в Индийском национальном конгрессе². Х. Н. Бахугуна в 1970 г. утверждал: «Всю свою жизнь Неру оставался лидером и теоретиком Индийского национального конгресса в том, что касалось международных событий. Махатма Ганди, отец нации, и тот оставлял за Неру последнее слово в вопросах внешней политики»³.

Эволюция политических взглядов Неру уже обстоятельно изучалась многими учеными ряда стран, включая специалистов СССР, Чехословакии и ГДР, где опубликованы весьма ценные работы. Неру — один из тех лидеров национально-освободительного движения в Азии и Африке, которые рассматривали историю и культуру своих стран в контексте всемирной истории. Его поездка в Европу в 20-х годах, многочисленные связи с демократическими и революционными движениями и их лидерами, первый широкий обмен мнениями с представителями Азии, а также Африки и Латинской Америки на Брюссельском конгрессе Лиги борьбы против империализма (1927 г.)⁴, как и первые впечатления о строительстве социализма в Советском Союзе — все эти факторы оказали огромное влияние на мировоззрение и укрепили антиколониальные и антиимпериалистические взгляды Неру.

Анализ его публичных выступлений того времени показывает, что в них уже содержались не только ключевые элементы отношения ИНК к международным проблемам, но и наметки того курса внешней политики, который приняла независимая Индия⁵. Конечно, это вовсе не значит, что его взгляды были целиком восприняты и реализованы ИНК, но не подлежит сомнению тот факт, что Неру оказывал большое влияние на формирование позиции ИНК по международным проблемам и во многом определял его поведение в конкретных международных ситуациях⁶.

Как справедливо указывает Н. В. Раджкumar, отношение Индийского национального конгресса к фашизму в основном определялось позицией самого Неру⁷. Анализируя отношение Неру к фашизму, можно проследить, как менялись его политические взгляды и как формировались политические позиции ИНК по ряду конкретных вопросов международной жизни. Следует от-

метить, что, хотя отношение ИНК к фашизму, бесспорно, было отрицательным, а попытки нацистов заигрывать с индийским национальным движением, как правило, терпели провал, эта проблематика еще не рассматривалась специально в историографии Индии ни индийскими, ни зарубежными исследователями.

Прежде всего хотелось бы остановиться на позиции Неру, которой он придерживался до второй мировой войны, поскольку это единственный способ показать, что его понимание природы фашизма было более четким, чем у многих других лидеров антиколониального движения на Востоке. Во-первых, после 1 сентября 1939 г. многие национально-буржуазные политики колониальных и зависимых стран осудили фашизм. Однако если проанализировать это осуждение более подробно, то в нем окажется мало похожего на настоящий антифашизм. Нередко дело ограничивалось осуждением стран «оси» по тем или иным узкопрагматичным соображениям.

Во-вторых, невозможно понять позиции Неру и ИНК в отношении фашизма в период второй мировой войны без учета существенных изменений тех условий, в которых разворачивалась борьба Индии за свободу, а также положение внутри ИНК. События, происходящие в Индии, необходимо сравнивать с теми, которые имели место в таких странах, как Бирма, Малайзия и Индонезия. Поэтому позиции Неру и ИНК в период второй мировой войны требуют отдельного исследования⁸.

В-третьих, автор считает, что принципиальная позиция Неру по отношению к фашизму, его реакция на захват власти нацистами и их террор в Германии еще не нашли должного отражения в исследованиях, посвященных Неру. В его биографиях, написанных М. Бречером⁹ и С. Гопалом¹⁰ и получивших международное признание, тщательно описывается каждый внутренний конфликт в ИНК, но полностью игнорируется такой важный момент, как отношение Неру к фашизму до 1938 г. В них лишь упоминается тот факт, что Неру отказался принять приглашение Муссолини в марте 1936 г.¹¹ Даже А. Горев и В. Зимянин не упоминают о вполне осознанной антифашистской позиции Неру в тот период¹². Б. Прасад начинает свою работу с событий 1936 г.¹³, тогда как В. Бхатиа подробно анализирует эту проблему начиная лишь с 1939 г.¹⁴ Ниже предлагается попытка восполнить этот пробел.

Среди авторов, особенно индийских, бытует представление, что отношение Неру к фашизму было всегда однозначным. Мы не разделяем этого мнения. Наряду с эволюцией политических взглядов Неру, его представления о фашизме тоже менялись под влиянием международных событий и растущего понимания им природы империализма. Х. Крюгер и М. Краса убедительно показали те факторы, под воздействием которых формировались представления Неру об империализме¹⁵. Необходимо подчеркнуть один из них — это знакомство Неру с марксистской мето-

дологией анализа истории, о чем он упоминал в письме к лорду Лотниану в январе 1936 г.¹⁶ В 20-х годах наряду с высокой оценкой первых достижений социалистического строительства в СССР у Неру все же еще встречались утверждения насчет «сходства» большевизма с фашизмом¹⁷. Однако уже в начале 1933 г. он обратил специальное внимание на классовую природу фашизма и указывал, что фашизм — орудие правящих классов, направленное против массового антикапиталистического движения¹⁸. Неру прошел через несколько этапов политических и идеологических размышлений по важнейшим вопросам своего времени.

При первом же знакомстве с основными работами Неру обращает на себя внимание множество его высказываний о природе, идеологии и политике фашизма. Сюда следует отнести такие книги, как «Взгляд на всемирную историю. Письма к Индире»¹⁹ (1934), «Автобиография»²⁰ (1936), «Открытие Индии» (1946)²¹, а также около 70 статей, выступлений, заявлений, интервью и писем, написанных за короткий период с 1933 г. до начала второй мировой войны и вошедших в «Избранные работы Джавахарлала Неру» (1971).

С 1931 по 1933 г., а затем с 1934 по 1935 г. Неру находился в тюрьме. Именно там он написал «Взгляд на всемирную историю» и «Автобиографию». Так как лишь три статьи касаются интересующей нас темы в период с января 1933 г. по сентябрь 1935 г.²², нам придется чаще всего обращаться именно к этим книгам, чтобы получить представление о его взглядах того времени. При этом не следует забывать, что нынешний вариант «Взгляда на всемирную историю» был опубликован в 1938 г. и поэтому не позволяет сделать сколько-нибудь конкретные выводы относительно непосредственной реакции Неру на события 1933 г.

Надо помнить также, что в период с 1931 по 1935 г. Неру было трудно следить за событиями. Он писал, что новости узнавал из бесед, писем и некоторых газет, чувствовал оторванность и имел довольно слабое представление о событиях, происходящих в мире²³. Можно легко представить, как тяжело Джавахарлал Неру переживал, что не получал в тюрьме ежедневные газеты.

Интересно проследить за тем, как шел Неру к пониманию природы нацизма, что само по себе было непросто, если учесть в каких условиях он тогда находился. Предлагаемый обзор основан на его высказываниях, сделанных в период с 1933 по 1935 г.

В отличие от многих буржуазных политиков Европы, рассматривавших победу нацизма в Германии как некий «несчастный случай», Неру понял причины и значение этого события. 22 июня 1933 г. он писал из тюрьмы в Дехра Дуне своей дочери Индире: «Когда фашизм получил распространение за пределами Италии, стало ясно, что он представляет собой не специфически

итальянское явление, а нечто такое, что возникает при определенных социальных и экономических условиях в стране»²⁴.

В этом письме содержатся первые результаты выполненного Неру тщательного исторического анализа всемирной истории, выявлявшего движущие силы исторического развития. Он начал его в тюрьме и с перерывами продолжал. Понимание Неру классового характера фашизма становится еще более очевидным, если продолжить цитату из приведенного выше письма: «Когда имущий и правящий класс не в состоянии подавить рабочих обычным демократическим путем, т. е. при помощи полиции и армии, тогда он пускает в ход фашистский метод»²⁵. В этой фразе Неру показал свое критическое отношение к тому типу демократии, который превалирует при капиталистическом строе.

28 октября 1933 г. в интервью, которое Неру дал в Аллахабаде, он говорил, что там, где рабочие начинают угрожать имущим классам больше, чем в других странах, последние прибегают к помощи фашиствующей толпы²⁶. «Фашизм, следовательно, появляется на сцене тогда, когда классовые столкновения между наступающим социализмом и окопавшимся капитализмом становятся ожесточенными и принимают угрожающий характер»²⁷.

В заявлении для прессы, сделанном 18 декабря 1933 г., Неру указывал на контрреволюционную направленность фашизма и назвал его «грубой и жестокой попыткой существующего капиталистического строя сохранить себя любой ценой»²⁸.

Касаясь непосредственно нацизма, Неру писал Индире из тюрьмы в Дехре Дуне 31 июля 1933 г. о том, что гитлеровское движение — это «жестокая реакция и яростная атака на все свободолюбивые элементы, в особенности на рабочих», а также реакция «на чувства голодающего, лишившегося собственности среднего класса, ставшего революционным»²⁹. Свою ранее высказанную идею, что нацизм — мелкобуржуазное движение, оплачиваемое высшими классами как средство борьбы с их общим врагом, организованным рабочим движением³⁰, он развил следующим образом: это «любопытный союз мелкой буржуазии с крупными промышленниками, с одной стороны, и зажиточными слоями крестьянства — с другой»³¹. Не будет преувеличением сказать, что оценка, которую Неру в 1933 г. дал фашизму, была выдающейся для деятеля колониальной страны и, конечно, она существенно отличалась от оценок фашизма многими буржуазными европейскими политиками.

Если западные правительства проводили политику умиротворения или использовали преступления нацистов, чтобы оправдать свою собственную политику (Неру саркастически указывал на такого рода маневры англичан в Индии³²), то он бескомпромиссно осудил фашистский режим, указав на его бесчеловечность и варварство.

Реакция Неру была вполне осознанным отрицанием нацизма.

Д. Дас Гупта указывает, что в основе позиции Неру лежала его убежденность, что борьба Индии за свободу — это часть борьбы всех эксплуатируемых и угнетенных народов за свое освобождение, а фашизм — смертельный враг освободительного движения³³. Р. Кумар придерживается аналогичной точки зрения: «С высоты своего положения как одного из лидеров освободительного движения в Индии Неру с растущей тревогой следил за укреплением фашизма в Италии и Японии и подъемом нацизма в Германии»³⁴. При этом Р. Кумар отмечает, что приверженность Неру социализму позволила ему «проницательно определить фашизм и нацизм как социальное явление»³⁵. Именно это сочетание окончательно сформировавшихся антиколониальных и антиимпериалистических взглядов и прогрессивных социальных убеждений позволило Неру понять истинную сущность фашизма.

В июне 1933 г. он назвал нацизм «наихудшим типом фашистского правления»³⁶. Пришедшие к власти фашисты «разрушают рабочие организации и терроризируют своих противников»³⁷. Неру хорошо усвоил урок, преподанный историей: раскол в немецком рабочем движении «позволил Гитлеру и его молодчикам захватить власть в стране и установить беспримерный по жестокости режим в самом центре европейской цивилизации»³⁸.

В письме Индире 31 июля 1933 г. он дал развернутую характеристику «коричневого террора»: «Пока происходили эти перемены, нацисты спустили на Германию свои штурмовые отряды, установившие повсюду правление насилия и террора, исключительно свирепое и жестокое»³⁹. «Коричневый террор» был «не следствием вспышки страстей или страха, а рассчитанным, хладнокровным и немыслимо жестоким подавлением всех тех, кто не соглашался с нацистами. Не имеет смысла перечислять зверства, совершенные нацистами в Германии с тех пор, как они пришли к власти, и все еще продолжающиеся за кулисами. И мужчины и женщины стали жертвами жестоких избиений, пыток, расстрелов и убийств, совершаемых в широких масштабах»⁴⁰. С большим уважением Неру относился к антифашистскому движению. На пресс-конференции он заявил, что «в Германии альтернативой гитлеризму, по словам самого Гитлера, является коммунизм»⁴¹. Он подчеркнул, что всей душой ненавидит фашизм⁴². Поэтому нет ничего удивительного в том, что имя Неру почти не упоминалось в прессе нацистской Германии, а пропагандистская машина Геббельса именovala его не иначе как «колониальным большевиком».

Чтобы понять, почему именно идеология нацизма смогла оказать большое влияние на массы, Неру изучал доктрины фашизма. Не без иронии он писал, что «определить принципы фашизма нелегко, так как, по-видимому, твердых принципов он не имеет»⁴³. По его мнению, сутью фашистской идеологии является крайний национализм и культ силы⁴⁴. В июле 1933 г. он писал: «Программа нацистов не была сколько-нибудь ясной или

определенной. Она была проникнута национализмом и делала основной упор на величии Германии и немцев, в остальном это была пестрая мешанина ненависти ко всему и всем»⁴⁵. Особенно остро Неру критиковал социальную демагогию нацистов. В июле 1933 г. он заявил: «Несмотря на некоторые антикапиталистические лозунги и революционные методы, фашизм тесно связан с имущими классами и реакционными элементами»⁴⁶. Всего лишь месяц спустя он высказался о фашистской партии еще более определенно: «Хотя партия и называлась социалистической, она ничего общего с социализмом не имела. Гитлер был и остается заклятым врагом социализма»⁴⁷.

Неру довольно рано понял угрозу для всего мира, которую представлял приход фашистов к власти в Германии. В этом ему помогло прекрасное знание международных дел: «Будучи интернационалистом, он решительно осуждал франкизм, нацизм, расизм и фашизм»⁴⁸. Л. Митрохин и Н. Федин писали: «Во внешнеполитической линии Неру важнейшее место принадлежало осуждению фашизма и нацизма. Для Неру фашизм оставался уродливым воплощением и наихудшей формой империализма и расизма, против которых боролся народ Индии»⁴⁹. Он предупреждал свою дочь, что «победа нацистов и ее результаты чрезвычайно важны для Европы и всего мира и будут иметь далеко идущие последствия»⁵⁰.

Неру считал, что события в Германии породили ситуацию, в которой фашизм, как последнее средство капитализма, противостоял коммунизму. Вот почему Неру указывал, что Гитлер стремился предстать главным защитником Европы от Советов⁵¹ в надежде, что «на свете не существует ничего другого, к чему британский империализм питал бы большую неприязнь, чем к Советской России»⁵². Неру писал, что нацизм с его «резко выраженным и агрессивным национализмом... препятствует развитию мировой тенденции к взаимозависимости между странами, обостряет трудности, порожденные упадком капитализма, и усиливает международные трения, часто приводящие к войне»⁵³.

Еще задолго до того, как фашизм развязал войну в Европе, Неру предупреждал, что, если существование фашистских диктатур окажется под угрозой, они скорее ввергнут свои страны в опустошительную войну, нежели добровольно уйдут⁵⁴. В апреле 1934 г. он еще раз подчеркнул, что фашизм имеет империалистический характер и представляет опасность для всего мира⁵⁵.

Характерная антифашистская направленность взглядов Неру сложилась в результате тщательного анализа международных событий. Его высказывания после 1933 г. резко отличались от тех, которые он делал в 20-х годах. Что касается рассматриваемого здесь периода, то автор полностью согласен с Т. П. Меноном, который писал, что для такого убежденного противника нацизма и фашизма, как Неру, было принципиально важным осудить и кровавые преступления фашизма в 30-е годы, и действия фашистов, приведшие к развязыванию второй мировой

войны⁵⁶. Агрессия фашистской Германии против республиканской Испании еще более убедила его в существовании связи между империализмом и фашизмом.

Примечания

¹ Kumar R. Jawaharlal Nehru, the Indian National Congress and the Anti-Fascist Struggle (1935—1945). B., July 18—19, 1985, c. 14—16.

² Indian Foreign Policy.—The Nehru Years. New Delhi, 1976.

³ Bahaguna H. N. Welcome Address to Afro-Asian Convention on Nehru.—Afro-Asian Convention on Nehru. Institute for Socialist Education New Delhi. New Delhi, 1970, c. 208.

⁴ См.: Nehru J. Report on the Brussels Congress (19 February 1927). A. I. C. C. File N-G 29 (82—4) 1927, pt. II, c. 151—182.

⁵ Более подробно см.: Weidemann D. Die Herausbildung aussenpolitischer Grundpositionen bei Jawaharlal Nehru (1919—1927).—Jawaharlal Nehru und Grundprobleme der gesellschaftlichen Entwicklung Indiens. B., 1980, c. 64—93.

⁶ All India Congress Committee. The Background of India's Foreign Policy. Ed. by N. V. Rajkumar. New Delhi, 1952, c. 2.

⁷ Там же.

⁸ Weidemann D. M. K. Gandhi und die Aggressoren. Das Jahr 1942.—Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Vol. XVI, № 3/1970. B., c. 339—349.

⁹ Brecher M. Nehru. A Political Biography. L., 1959.

¹⁰ Gopal S. Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. I. 1889—1947. New Delhi, 1975.

¹¹ Brecher M. Nehru. A Political Biography, c. 210—211; Gopal S. Jawaharlal Nehru. A Biography, c. 199.

¹² Горев А., Зимянин В. Джавахарлал Неру. М., 1982; Jawaharlal Nehru. A Political Leader. Prague, 1974.

¹³ Prasad B. The Origins of Indian Foreign Policy. Calcutta, 1960, c. 110 ff.

¹⁴ Bhatia V. Jawaharlal Nehru and the Making of Indo-Soviet Relations, 1917—1947. New Delhi, 1981, c. 122 ff.

¹⁵ Krüger H. Zum Einfluss internationaler Faktoren auf die Herausbildung und Entwicklung der antiimperialistischen Haltung Jawaharlal Nehrus.—Politik und Ideologie im gegenwärtigen Indien. B., 1976, c. 310 ff.; Krása M. Nehru's Debut in Indian Foreign Relations.—Jawaharlal Nehru. A Political Leader, c. 63—104.

¹⁶ Nehru J. Letter to Lord Lothian (17 January 1936).—Selected Works of Jawaharlal Nehru (hereinafter referred to as SWJN). Vol. 7. New Delhi, 1975, c. 62—75.

¹⁷ Nehru J. Presidential Address at U. P. Conference (13 October 1923).—SWJN. Vol. 2. New Delhi, 1972, c. 210.

¹⁸ Nehru J. Whiter India? (October 1933).—SWJN. Vol. 6. New Delhi, 1972, c. 9—10.

¹⁹ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 1—3. М., 1977.

²⁰ См.: Неру Дж. Автобиография. М., 1955.

²¹ См.: Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955.

²² Nehru J. On Fascism and Democracy (28 October 1933); он же. Whiter India? c. 115; он же. Fascism and Communism (18 December 1933).—Там же, c. 133—134.

²³ Неру Дж. Автобиография.

²⁴ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3, c. 247.

²⁵ Там же, c. 247—248.

²⁶ Nehru J. On Fascism and Democracy, c. 115.

²⁷ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3, c. 248.

²⁸ Nehru J. Fascism and Communism, c. 134.

²⁹ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3, c. 365.

³⁰ Там же, c. 248.

- ³¹ Там же, с. 369.
- ³² В «Автобиографии» Неру писал, что сообщения о нацистских эксцессах в Германии вызвали весьма своеобразную реакцию у английских чиновников и их прессы в Индии. Они использовали эти сообщения, чтобы оправдать все то, что творили в Индии, и дать индийцам понять, что произошло бы с ними, если им пришлось бы столкнуться с нацистами.
- ³³ *Das Gupta D. Nehru — the Humanist.*— Afro-Asian Convention, с. 196.
- ³⁴ *Kumar R. Jawaharlal Nehru, the Indian National Congress*, с. 5.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 3, с. 243.
- ³⁷ Там же, с. 248.
- ³⁸ *Kumar R. Jawaharlal Nehru, the Indian National Congress*, с. 6.
- ³⁹ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 3, с. 370.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Nehru J. On Fascism and Communism*, с. 134.
- ⁴³ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 3, с. 245.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 367.
- ⁴⁶ Там же, с. 246.
- ⁴⁷ Там же, с. 367.
- ⁴⁸ *Das Gupta D. Nehru — the Humanist*, с. 196.
- ⁴⁹ *Mitrokhin L., Fedin N. India's Great Son. Soviet People about Nehru.* Bombay, 1975, с. 14.
- ⁵⁰ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 3, с. 377.
- ⁵¹ Там же, с. 249.
- ⁵² Там же, с. 376.
- ⁵³ Там же, с. 249.
- ⁵⁴ См.: *Неру Дж.* Автобиография, с. 521.
- ⁵⁵ Speech by J. Nehru, The Leader. April 15, 1934; см.: *Kumar R. Jawaharlal Nehru, the Indian National Congress*, с. 7.
- ⁵⁶ *Menon T. Prabhakar.* India's Foreign Policy as Defined by Jawaharlal Nehru.—Lecture given by India's Ambassador to the GDR in commemoration of Nehru at the Humboldt University of Berlin, 24 May, 1984 (рукопись), с. 3.

Т. Л. Шаумян

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРИНЦИПОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ**

«Наша земля стала слишком мала для нового оружия атомной эры. В то время, когда человек, гордый своим интеллектом и знаниями, прокладывает себе путь в космос и вторгается в атмосферу, самому существованию человеческого рода грозит опасность. Уже сейчас имеется достаточно средств массового уничтожения, чтобы истребить всякую жизнь на земле... И при этом может случиться, что контроль над ними окажется вне человеческих возможностей». Эти слова принадлежат Джавахарлалу Неру, первому премьер-министру и министру иностранных дел независимой Индии. Более тридцати лет назад, 27 ноября 1957 г., в послании лидерам СССР и США он выражал серьезную озабоченность «кризисом цивилизации, который переживает сегодня мир и подобного которому человечество никогда еще не знало». Дж. Неру верил, что «Америка и Россия способны разрешить этот кризис и спасти человечество от грозящей ему катастрофы»¹.

На рубеже 90-х годов XX столетия, через четверть века после кончины Неру, нельзя не отдать должное его прозорливости, способности сосредоточить внимание на таких внутривнутриполитических и международных проблемах Индии, на таких понятиях и принципах общечеловеческого характера, которые сохраняют свою актуальность и по сей день. Именно в столице Индии была подписана историческая Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, в которой руководители СССР и Индии выразили глубокое убеждение, что «ядерная война никогда не должна быть развязана и в ней не может быть победителей», так как «ядерное оружие грозит уничтожить не только то, что было создано человеком на протяжении веков, но и самого человека и даже жизнь на Земле»².

Сегодня Индия — активный участник Движения неприсоединения, инициатор многих важных предложений, имеющих широкий международный резонанс, влияющих на формирование мирового общественного мнения. Как отмечал М. С. Горбачев, «сплоченная, сильная, самостоятельная Индия, играющая выдающуюся роль в Движении неприсоединения, в инициативах шести:

государств — непреложный и необходимый фактор мира и безопасности в Азии и на всей планете»³.

Внешнеполитический курс независимой Индии определялся партией Индийский национальный конгресс, почти монопольно находившейся у власти в стране после 1947 г. Основные принципы внешнеполитической доктрины ИНК, за исключением концепции неприсоединения к военным блокам, как таковой, которая по понятным причинам могла быть конкретно сформулирована лишь после второй мировой войны, образования мировой социалистической системы и достижения Индией независимости, начали разрабатываться руководством ИНК и лично Дж. Неру к концу 20-х годов.

9 декабря 1958 г., выступая в Народной палате парламента в прениях по внешней политике, Неру полемизировал с теми, кто называл политику Индии «политикой Неру». Он считал себя лишь «ее выразителем». «Не я положил ей начало,— говорил Неру.— Это политика, обусловленная положением Индии, ее образом мыслей в прошлом, всей системой взглядов Индии, умонастроением индийцев во время нашей борьбы за свободу и современной международной обстановкой». Далее Неру утверждал, что имел отношение к внешней политике Индии «только в силу того случайного факта», что «представлял эту политику как министр иностранных дел», более того, он считал, что «кто бы ни ведал внешними делами Индии и какая бы партия ни стояла у власти, они не могли бы особенно сильно отойти от этой политики»⁴.

Прошедшие после этого выступления 30 лет подтвердили справедливость оценки Неру основных принципов внешней политики Индии, ее преемственности. Однако роль личности Неру в формировании и реализации основных внешнеполитических концепций Индийского национального конгресса в самый трудный период становления Индии как самостоятельного государства никак нельзя назвать «случайной». Внешняя политика Индии и сегодня во многом определяется принципами, сформулированными Джавахарлалом Неру — ее «архитектором, философом, строителем и выразителем»⁵, «признанным авторитетом Конгресса по иностранным делам» еще с середины 30-х годов⁶.

В своей книге «Открытие Индии» Неру писал, что «Национальный конгресс, подобно всем другим политическим организациям в Индии, долгое время был всецело поглощен проблемами внутренней политики и уделял внешнеполитическим событиям мало времени»⁷. Но уже с начала XX в., а в особенности после первой мировой войны, каждое национально-освободительное движение определяло свое отношение к проблемам международной жизни. В Индии с ее многообразным составом участников движения это осложнялось разногласиями не только между различными политическими партиями и группами, но и внутри ИНК⁸. Именно поэтому особое значение в выработке внешнеполитической концепции ИНК имело личное участие Неру — лиде-

ра национального масштаба, который четко осознавал национальные интересы своей страны в процессе мирового развития. Определяя место Индии в мировой политике, Неру базировался на глубочайшем знании своей страны, ее истории, философии, психологии и национальных черт характера индийцев, их усилившейся тяги к свободе и независимости, на четком понимании системы ценностей и идеалов индийского национально-освободительного движения⁹.

Понимание Неру взаимосвязи и взаимозависимости борьбы индийского народа за национальное освобождение и мирового революционного процесса сочеталось с четким представлением о том, что британское владычество в Индии было связано с колониальной политикой империализма в мировом масштабе. Поэтому вырабатывавшаяся Конгрессом внешнеполитическая линия основывалась на «ликвидации политического и экономического империализма во всем мире и установлении сотрудничества между свободными странами»¹⁰. Эти принципы, по мнению Неру, «полностью согласовывались с требованием о предоставлении независимости Индии».

Логическим следствием борьбы против британского империализма явилось осуждение партией Индийский национальный конгресс империалистической политики других колониальных держав в отношении угнетаемых ими народов. Еще в 1919 г. Конгресс осудил политику Великобритании по так называемому турецкому вопросу, а в 1920 г. выразил солидарность с народом Ирландии в его борьбе за независимость и заявил о своем стремлении «сотрудничать с другими странами, в особенности установить дружественные отношения со всеми соседними государствами»¹¹. В резолюции, принятой ИНК в 1921 г., в частности, отмечалось, что интересы Индии в области внешней политики не совпадают с интересами Великобритании и что Индия ни в какой форме не намерена поддерживать захватнические планы метрополии.

Конгресс осудил японскую агрессию в Китае и выступил в поддержку освободительной борьбы китайского народа, а в 1927 г. критиковал правительство Британской Индии за первоначальный отказ выдать паспорта группе врачей, которых направили в Китай для оказания медицинской помощи китайским борцам за свободу. В 1927 г. он еще раз заявил, что у индийского народа нет спорных вопросов с соседними странами и о его желании поддерживать с ними дружественные отношения.

Можно констатировать, что антиимпериализм — в широком смысле этого слова, а не только борьба с угнетавшим Индию британским империализмом — стал одним из основополагающих принципов внешнеполитической доктрины ИНК.

К концу 20-х годов в Конгрессе сформировалось передовое течение, сторонники которого выступали за активизацию борьбы за независимость Индии. Одним из его выдающихся лидеров стал Джавахарлал Неру.

В тот период особую актуальность приобрел вопрос об установлении связей с освободительными движениями других, в первую очередь азиатских народов, с которыми Индия была связана общностью исторических судеб, борьбой против колониальной зависимости.

Участие Неру в Брюссельском конгрессе Лиги борьбы против империализма, а также посещение в 1927 г. СССР, оказали большое воздействие на формирование его мировоззрения, содействовали более глубокому пониманию проблем колониальных и зависимых стран, способствовали его признанию в качестве одного из лидеров антиколониальной и антиимпериалистической борьбы в мире. В «Автобиографии» он, в частности, писал: «Брюссельский конгресс, а также последующие заседания комитета лиги, проводившиеся время от времени в различных местах, помогли мне разобраться в некоторых проблемах колониальных и зависимых стран»¹².

В тот период Неру, так же как и другие ведущие лидеры ИНК, считал, что после достижения независимости полная самостоятельность народов в международных делах может быть обеспечена на путях создания Азиатской федерации, в состав которой, по мнению Неру, могли бы войти Китай, Индия, Бирма, Цейлон, Афганистан, а также и другие страны¹³. Этой идее не суждено было осуществиться. Однако несомненно она отразила стремление народов к сотрудничеству в борьбе за национальную независимость. Впоследствии, уже в условиях распада колониальной системы империализма, оно привело к возникновению географически гораздо более широкого Движения неприсоединения. Поэтому идею создания Азиатской федерации, которую Неру развивал еще в 30-х годах, очевидно, можно было бы считать предвестником этого движения.

В 30-е годы в условиях общего обострения международной обстановки сформировались позиции ИНК по проблемам предотвращения войны и обеспечения мира, солидарности народов колониальных и зависимых стран в борьбе за национальную свободу.

Характерна реакция Неру на обострение напряженности на Европейском континенте. В «Автобиографии» он сообщал, что на него «больше, чем на других, повлияло развитие событий в Европе и на Дальнем Востоке. Мюнхен,— писал Неру,— явился для меня тяжелым ударом, а трагедию Испании я переживал как свое личное горе...»¹⁴ «Я все более убеждался в том, что отдельные политические или экономические проблемы в Китае, Абиссинии, Испании, Центральной Европе или в других странах были частицами одной общей мировой проблемы. Ни одна из этих частных проблем не могла быть окончательно разрешена до разрешения общей проблемы»¹⁵.

Партия Индийский национальный конгресс организовывала митинги и демонстрации солидарности с народами Испании и Китая, Палестины и Абиссинии. Была организована отправка

медикаментов и продовольствия в Китай и Испанию. Резолюции ИНК утверждали, что всеобщий мир может быть достигнут лишь на основе национальной и социальной свободы, что само существование империализма порождает войны. «Вызов, брошенный фашизмом и нацизмом, был, по существу, вызовом империализма,— заявил Неру.— Они были близнецами, с той только разницей, что империализм господствовал в колониальных и зависимых странах, а фашизм и нацизм, используя те же методы и средства, господствовали также и в своих собственных странах. Для торжества свободы во всем мире недостаточно уничтожить фашизм и нацизм, надо полностью ликвидировать империализм. Мир неделим. Также неделима и свобода, и мир не может долгое время оставаться свободным в одной части и поработанным в другой»¹⁶.

Пятидесятая сессия Конгресса, состоявшаяся в декабре 1936 г., подтвердила солидарность народов Индии с другими поработанными народами и призвала к активизации борьбы против империализма, за национальную независимость.

Ситуация в Европе продолжала обостряться. В этих условиях неизбежно вставал вопрос о позиции Индии в случае начала войны, о том, каким образом она сможет «примирить два основных направления» своей политики — «оппозицию английскому империализму и оппозицию фашизму и нацизму»¹⁷, согласовать национализм с интернационализмом. Неру считал, что это возможно лишь при условии, если английское правительство продемонстрирует готовность отказаться от империалистической политики в Индии и будет полагаться на добрую волю народа. «Только в свободной стране может развиваться интернационализм,— писал Неру,— ибо все помыслы и вся энергия поработанной страны направлены к достижению собственной свободы»¹⁸.

Еще в 1927 г. Конгресс заявил, что Индию нельзя принуждать вступать в какую бы то ни было войну, не добившись на это согласия ее народа. Заявление стало, по словам Неру, «одной из основ политики Индийского национального конгресса, а также, как это признавалось всеми, и политики Индии»¹⁹. В резолюции, принятой ИНК в 1928 г., указывалось, что индийский народ не желает, чтобы Англия использовала Индию в своих империалистических планах в отношении других народов, в подавлении освободительной борьбы таких же угнетенных, как сами индийцы.

Это требование имело серьезные основания. Войска, сформированные в Индии британскими колониальными властями, использовались ими в Бирме, Китае, Иране, на Среднем Востоке, в Африке. «Они становились символом английского империализма во всех этих странах и вызывали у народов вражду к Индии»,— писал Неру²⁰.

В 1938 г. ИНК еще раз подтвердил свою позицию отказа от участия Индии в войне «без согласия ее народа или представи-

тслей этого народа» и потребовал, чтобы «индийские войска не посылались для несения службы за границей»²¹.

В том же 1938 г. Неру совершил поездку в Англию и другие европейские страны и выступал там с разъяснением позиции Индии и ИНК. В августе 1939 г. он находился в Китае, где его застало начало второй мировой войны. В «Автобиографии» Неру писал, что «вернулся в Индию еще большим поклонником Китая и китайского народа, чем раньше, и в полной уверенности, что никакие невзгоды не сломят дух этого древнего, но снова столь помолодевшего народа»²².

С самых первых дней второй мировой войны Конгресс неоднократно выступал с резким осуждением политики фашизма, прославлявшей войну и насилие. В августе 1939 г. Рабочий комитет ИНК заявил, что вопросы войны и мира для Индии должны решаться самим индийским народом, а не правительством Англии. Отмечалось, что «прошлая политика английского правительства, а также события последнего времени со всей ясностью свидетельствуют о том, что это правительство не стоит за свободу и демократию и способно в любой момент предать эти идеалы». Поэтому такое правительство не может требовать от Индии, «чтобы она предоставила ему свои ресурсы во имя демократической свободы, которой она сама лишена и дело которой, вероятно, будет предано»²³.

14 сентября 1939 г. Конгресс принял резолюцию в связи с тем, что 3 сентября Индия была объявлена воюющей стороной. В ней осуждался фашизм и выражалась солидарность с теми, кто вел борьбу с фашистскими агрессорами. Заявляя о готовности к сотрудничеству с Англией, комитет ИНК в то же время отмечал, что его «нельзя добиться путем принуждения и давления». Комитет не может согласиться с тем, чтобы индийский народ выполнял приказы, издаваемые чужеземной властью. «Сотрудничество должно быть сотрудничеством между равными,— говорилось в резолюции,— оно должно проводиться с обоюдного согласия и во имя цели, которую обе стороны признают достойной». Индия, как считал Конгресс, не должна связать себя с войной, которая «ведется во имя защиты статус кво, империалистических владений, колоний, интересов отдельных групп и привилегий», однако она «готова содействовать созданию такого мирового порядка, который действительно будет основан на свободе и демократии и использует знания и ресурсы всего мира в интересах прогресса и благосостояния человечества»²⁴. Страна может участвовать в «реорганизации мира» лишь будучи свободной. Поэтому Конгресс призывал английские власти заявить о своих целях в войне «в отношении демократии, империализма и предполагаемого нового порядка, в частности, как эти цели будут распространены на Индию и осуществлены в настоящем. Предусматривают ли они уничтожение империализма и обращение с Индией как со свободной страной, политика которой будет направляться в соответствии с волей ее народа?»²⁵.

Однако британские колониальные власти еще раз продемонстрировали свое стремление видеть в индийском народе «не своих друзей и коллег, а только рабов, которые исполняли бы их приказания»²⁶, «желание сохранить империалистическое господство в Индии в союзе с реакционными элементами страны»²⁷.

В январе 1942 г. сессия Всеиндийского комитета Конгресса приняла резолюцию, в которой выражалась солидарность с советским народом, сражающимся против фашистской агрессии. Неру высоко оценивал «вдохновляющий подвиг советского народа», продемонстрированные им «силу и единство», которые, как он считал, были связаны и с «возрождением национальных традиций и новым осмыслением прошлого, продолжением которого считается настоящее». «Память о выдающихся деятелях национальной истории снова возрождена,— отмечал Неру,— и они стали героями советского народа»²⁸.

В период второй мировой войны Конгресс придерживался такой точки зрения, что только в результате ликвидации британского правления можно обеспечить надлежащую оборону Индии и ее эффективное участие в военных усилиях союзников. Обеспечение национальной самостоятельности, требование ликвидации колониализма и расизма, содействие делу всеобщего мира и прогресса — таковы основные принципы внешней политики, выработанные национально-освободительным движением Индии к моменту достижения ею независимости.

Становление самостоятельной внешней политики Индии на рубеже 40—50-х годов происходило в условиях огромных перемен в мире после окончания второй мировой войны, разгрома фашизма и образования социалистической системы. Освобождение Индии во многом положило начало распаду колониальной системы империализма.

В 1949 г., выступая в Колумбийском университете, Неру сказал, что Индия должна строить свою внешнюю политику исходя из своих собственных, ясно осознаваемых национальных интересов, не отступая при этом от своих идеалов²⁹. Национальные интересы могут быть гарантированы в том случае, если создадутся оптимальные внешние условия для самостоятельного национального развития, т. е. будут гарантированы суверенитет, территориальная целостность и безопасность страны, а также развитие отношений сотрудничества со всеми странами. Сохраняя идеалы, которым традиционно следовал Конгресс, Индия, как считал Неру, должна стремиться к укреплению мира, самостоятельно определять свою позицию по вопросам международной жизни, способствовать делу свободы, как национальной, так и личной, добиваться устранения расовой дискриминации, нищеты, болезней и неграмотности, охватывающих большую часть населения страны.

С первых дней независимости Индии Неру выступал с призывами к миру и разоружению, против агрессии в любой форме. «Если война — гнусность и величайшее преступление, кото-

рое нужно предотвратить,— сказал он,— то нужно подчинить этому наши мысли и нашу политику»³⁰. Неру неоднократно заявлял и о бессмысленности войн и бесперспективности урегулирования споров военными методами, так как они «не помогли разрешению ни одной из мировых проблем»³¹. Выступая в индийском парламенте в 1957 г., премьер-министр Индии говорил, что «любая попытка той или иной державы, какой бы могущественной она ни была, принудить к чему-либо другую державу военными средствами повлечет за собой уничтожение обеих»³².

Следуя принципам, выработанным Конгрессом и лично Неру, Индия на первом, самом сложном этапе своего становления как самостоятельного государства стремилась не ограничиваться обеспечением своих национальных интересов в узком смысле этого слова, а старалась играть активную роль в международной жизни. Выступая в Учредительном собрании в 1946 г., еще до формального провозглашения независимости, Неру отмечал: «То, что мы собираемся сделать в Индии, окажет сильное воздействие на остальной мир не только потому, что на мировую арену выходит новая свободная и независимая страна, но также и потому, что благодаря своим размерам и населению, своим ресурсам и способностям их эксплуатировать Индия является страной, которая сможет сразу же играть существенную роль в мировых делах»³³.

В силу геополитического положения Индии, ее исторических связей с другими странами Азии, воздействия индийского национально-освободительного движения на борьбу их народов взаимоотношения независимой Индии с азиатскими государствами стали одним из важнейших направлений ее внешней политики. Неру понимал, что в процессе деколонизации молодые независимые государства могут оказаться вовлеченными в конфликты и противоречия, характерные для периода «холодной войны». В этих условиях он считал необходимым укреплять солидарность и сотрудничество азиатских народов, так как, по его мнению, лишь таким путем они смогут обеспечить себе независимое развитие.

25 декабря 1945 г. в интервью корреспонденту газет «Манчестер гардиан» и «Хинду» Б. Шива Рао Неру сказал, что укреплению взаимопонимания и сотрудничества народов континента мог бы способствовать созыв Азиатской конференции. Позднее, в марте 1946 г., после возвращения из поездки в Юго-Восточную Азию он отмечал, что многие руководители стран региона также высказывали пожелания о созыве такого рода конференции. Индийский совет по международным отношениям выступил впоследствии инициатором и организатором Азиатской конференции. Выступая на ее открытии 23 марта 1947 г., Неру, в частности, сказал: «Хотя эта конференция созвана в Индии, мысль о ней возникла одновременно во многих умах, во многих странах Азии. Повсюду люди чувствовали и понимали, что на-

стало время нам, народам Азии, встретиться, чтобы объединиться и вместе идти вперед»³⁴.

Неру придавал большое значение факту созыва конференции с участием представителей 28 стран и народов континента и охарактеризовал ее как «веху, отделяющую прошлое Азии от ее будущего»³⁵.

К моменту созыва конференции еще не все ее участники добились полной независимости: продолжалась героическая борьба народов Индонезии, Индокитая, Ближнего Востока. Представители целого ряда стран прибыли в Дели с риском для жизни. Однако все они понимали, что переживают переломный момент в своей истории, когда главное — это осознать, какое место они занимают в мире — каждый в отдельности и все вместе, какова должна быть роль освободившихся стран на мировой арене, в решении кардинальных проблем, стоящих перед человечеством. Для участия в конференции были приглашены и представители советских республик Закавказья и Средней Азии, так как ее организатор Неру видел в Советском Союзе евроазиатскую страну, понимал, что без участия советских представителей невозможно обсуждение и решение актуальных проблем Азиатского континента.

Народы Азии, как считал Неру, должны «оглянуться назад», на «свое прошлое, теряющееся во тьме веков, и заглянуть вперед, в будущее, которое уже становится осязаемым». Они должны отдавать себе отчет в том, что лишь совместные действия, направленные на укрепление антиимпериалистической солидарности, взаимной помощи и поддержки, могут помочь в решении таких проблем, как создание мирных условий для нормального экономического и социально-политического развития азиатских народов, укрепления в них чувства национального самосознания. Неру сумел привлечь внимание участников конференции к тем проблемам, которые имели для них жизненно важное значение, объединяли, а не разъединяли их.

Прежде всего был поставлен вопрос о необходимости покончить с «одним из наиболее заметных последствий европейского господства в Азии — изоляцией стран Азии друг от друга». Неру видел основное значение конференции в том, что «она знаменует ту глубочайшую потребность разума и духа Азии, которая продолжала существовать вопреки изоляционизму, развившемуся за годы европейского господства». «Теперь, — продолжал Неру, — с исчезновением этого господства, разделявшие нас стены рушатся, и мы вновь видим друг друга и встречаемся как старые друзья после долгой разлуки»³⁶.

Неру был убежден, что, добиваясь полной ликвидации империализма и колониализма, освободившиеся страны должны принимать активное участие в борьбе за всеобщий мир, против нависшей ядерной угрозы, поставить перед собой «великую цель — помочь утверждению мира и прогресса во всем мире». Отражая общие настроения участников конференции, Неру ак-

центрировал особое внимание на том, что азиатские страны решают задачу укрепления сотрудничества для обеспечения целей экономического и политического развития, для утверждения всеобщего мира и безопасности, а никак не в целях создания военных союзов или блоков на Азиатском континенте. «Страны Азии перестали быть пешками в чужой игре,— утверждал Неру.— Они намерены проводить свою собственную политику в международных делах». Важнейшая задача освободившихся стран Азии — не дать вовлечь себя в военные блоки, организуемые странами Запада, которые стремятся не только восстановить, но и расширить свое влияние в Азии, ограничить свободу действия азиатских стран.

Конференция проходила через два года после того, как США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Поэтому, выступая на конференции, Неру акцентировал внимание на возникновении «угрозы новых войн наступающего атомного века». Он понимал, что начало ядерной эпохи создает качественно новую международную ситуацию — ведь «если ядерная война вспыхнет, она может положить конец нормальной цивилизованной жизни на нашей планете». В этих условиях он рассчитывал, что «появление Азии на мировой арене окажет существенную поддержку делу мира во всем мире».

Неру усматривал тесную взаимосвязь между понятиями «мир» и «свобода». Он говорил, что «всеобщий мир может настать только тогда, когда все нации обретут независимость и каждому человеку в любой стране будут обеспечены свобода, уверенность в завтрашнем дне и возможность плодотворного труда». Неру считал, что «экономические проблемы требуют немедленного разрешения», иначе странам Азии, которые крайне слабо развиты и где уровень жизни «ужасающе низок», грозит катастрофа. Экономическую и социальную структуру освободившихся стран следует строить таким образом, чтобы «с простых людей было снято давившее их тяжкое бремя и они получили полную возможность для гармонического развития». Развивающиеся страны должны бороться за равенство и экономическую справедливость, следовать своим, независимым курсом, в котором сочетаются специфические особенности каждой страны с взаимовыгодным сотрудничеством с другими странами.

На конференции Неру ставил вопрос о необходимости поддержки странами и народами Азии дела освобождения народов Африки, чтобы «помочь им занять их законное место в семье человечества». Он говорил, что свобода «не может быть ограничена той или иной страной, тем или иным народом, она должна стать достоянием всего человечества»³⁷.

На заключительном пленарном заседании конференции 2 апреля 1947 г. было высказано мнение о необходимости дальнейшего расширения и укрепления контактов между азиатскими странами и создания с этой целью специальной организации, которая способствовала бы лучшему пониманию внутренних и

внешних аспектов проблем Азии, развитию сотрудничества между азиатскими народами и их связей с другими странами и континентами, повышению жизненного уровня народов континента. С этой целью был даже создан совет во главе с Неру. Следующую конференцию решили провести в Китае в 1949 г.

Однако вторая конференция так никогда и не была проведена. Организация стран Азии существовала до середины 1955 г., после чего по инициативе Неру ее распустили. Он мотивировал это решение тем, что в существовавшей в тот период политической обстановке она была бессильна что-либо делать. В беседе с А. Аппадорай, тогдашним генеральным секретарем Индийского совета по международным отношениям, Неру сказал: «Практически с момента основания этой организации существовали конфликты между странами — ее членами, и в такой ситуации она вряд ли может принести какую-то пользу»³⁸.

Анализируя причины, по которым народам Азии так и не удалось в полной мере добиться взаимодействия и сотрудничества, известный индийский историк Бимал Прасад выделяет такие, по его мнению наиболее важные, как тяжелое наследие колониального прошлого, различия в политических и социальных системах стран Азии, нерешенность спорных пограничных проблем, конфликты и кризисы на этносоциальной основе, амбиции и соперничество между лидерами стран региона³⁹. Ситуация, сложившаяся в результате взаимодействия этих факторов, как считает Б. Прасад, создала условия для вмешательства внешних сил в отношения между азиатскими странами, что еще больше осложнило обстановку. Тем не менее созыв Азиатской конференции и создание Организации стран Азии, несомненно, явились шагом к образованию Движения неприсоединения уже в 1961 г.

Принципы, провозглашенные на Азиатской конференции 1947 г., Неру стремился реализовать во внешней политике самой Индии.

В атмосфере «холодной войны», активизации империалистической политики США и их союзников, создания системы военных блоков в непосредственной близости к границам Индии и вовлечения в них Пакистана, с которым у Индии и без того существовали острые спорные вопросы двусторонних отношений, в ее внешней политике укреплялись антиимпериалистические тенденции, формировалась индийская политика неприсоединения к военным блокам. Неру определил эту политику как «сохранение за Индией свободы принимать по всем возникающим для нее внутренним и международным вопросам самостоятельные решения, исходя из конкретных обстоятельств в каждом отдельном случае и не присоединяясь ни к одному из военных блоков, не заключая военных союзов ни с какой страной»⁴⁰. В то же время он подчеркивал, что политика неприсоединения «не имеет ничего общего с нейтралитетом, пассивностью или еще чем-нибудь в таком роде»⁴¹. Важнейшим позитивным аспектом этой политики Неру считал стремление к миру, «распространение сво-

боды во всем мире, требование свободы и независимости для колониальных стран и более широкое сотрудничество между странами»⁴².

Таким образом, неприсоединение, каким его видел Неру, отнюдь не означало устранение от жизненно важных проблем, стоящих перед человечеством. Премьер-министр Индии имел в виду выработку такого внешнеполитического курса, который должен был обеспечить принятие самостоятельных решений в области внешней политики, определяемых своим собственным пониманием национальных интересов страны и международных проблем. Такой курс создавал условия для развития отношений Индии со странами различных социальных систем.

Можно констатировать, что к середине 50-х годов в основных чертах сформировался внешнеполитический курс Индии, долгосрочные цели которого предусматривали укрепление ее национальной независимости, повышение роли в системе международных отношений в целом в интересах мира и безопасности, развитие взаимосвязей с другими странами на основе принципов мирного сосуществования и сотрудничества, противодействие колониализму, неоколониализму и расизму. Этот курс определялся моральными ценностями и принципами, лежащими в основе внешнеполитической доктрины ИНК, потребностями социально-экономического и политического развития самой Индии, укрепления ее обороноспособности, реальной военно-политической, стратегической и экономической обстановкой в мире и в регионе Южной Азии. Руководствуясь этими принципами, Индия признала КНР, а в 1954 г. было подписано известное соглашение между Индией и Китаем о торговле и связях с Тибетским районом Китая. В преамбуле этого соглашения были впервые сформулированы принципы *панча шила*, которые впоследствии, после конференции в Бандунге (1955 г.) и первой конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Белграде (1961 г.), были признаны в качестве основы отношений между развивающимися, неприсоединившимися к военным блокам странами.

Неру писал, что внешняя политика «является результатом экономической политики и пока Индия не выработает надлежащим образом свою экономическую политику, ее внешняя политика будет, несомненно, неопределенной»⁴³. Решая задачу укрепления независимости и обеспечения экономической самостоятельности, что отнюдь не вызывало сочувствия и поддержки у капиталистических держав, проводивших неоколониалистскую политику, Индия обратилась за помощью к СССР.

Преодоление негативных тенденций, сложившихся в условиях культа личности И. В. Сталина, позволило СССР оказать Индии действенную помощь в создании основ индустриализации и политическую поддержку в жизненно важных для нее вопросах укрепления национального суверенитета. Советско-индийское сотрудничество стало важным составным элементом внеш-

ней политики обеих стран и существенным фактором мира и безопасности. Оно помогло Индии противостоять неоколониализму стран Запада, которые вынуждены были считаться с ее интересами⁴⁴.

Большую роль в установлении индийско-советского сотрудничества сыграли визиты Неру в СССР в июне и Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индию в ноябре 1955 г. Выступая на митинге советско-индийской дружбы 22 июня 1955 г., Неру говорил: «Нет никаких причин, по которым страны с различными политическими, социальными или экономическими системами не могли бы сотрудничать, если только они не будут при этом вмешиваться в дела друг друга, навязывать свою волю или пытаться установить свое господство»⁴⁵. Он также отмечал, что «Индия и Советский Союз — соседи и, естественно, между ними должны существовать отношения добрососедства и дружбы ко взаимной выгоде наших стран и народов»⁴⁶. Неру неоднократно указывал, что дружба между Индией и СССР «благотворна для решения важных задач, стоящих перед человечеством, и в особенности важнейшей из них — задачи сохранения всеобщего мира»⁴⁷.

В середине 80-х годов руководителями СССР и Индии была подписана Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, в которой, как отмечал М. С. Горбачев, «смыкаются наши философские и политические подходы к строительству безъядерного мира с подходами великой Индии и миллиардов людей, представленных Движением неприсоединения»⁴⁸. В Делийской декларации утверждается, что «человечество достойно лучшей участи, чем быть заложником ядерного ужаса и отчаяния», что необходима выработка новой концепции мира, «дающей надежные гарантии выживания человечества»⁴⁹. Именно к этому призывал и Неру.

Делийская декларация утверждает, что философия и политика, построенные на насилии и устрашении, неравенстве и угнетении, дискриминации по расовому и религиозному признакам или цвету кожи, аморальны и недопустимы. Нельзя не вспомнить слова Неру, сказанные им в 1955 г.: «Мы полагаем, что насилие и ненависть не могут служить великому делу человеческого прогресса и что проблемы, стоящие перед миром, можно разрешить лишь с помощью дружественных согласованных усилий»⁵⁰.

Еще в середине 40-х годов Неру писал в «Открытии Индии», что «интересы и деятельность государств выходят за пределы их границ и носят общемировой характер», а прочный мир может быть создан «лишь на началах равенства и взаимного блага, на поднятии отсталых стран и народов до общего уровня благосостояния и культурного развития, на устранении расизма и угнетения», чтобы «избежать катастрофы в будущем и построить собственную свободную жизнь на основе свободы других»⁵¹.

Глубокое понимание взаимозависимости и целостности мира,

стремление решать актуальные проблемы современности с учетом интересов стран с различными общественно-политическими системами и неустанная борьба за свободу и общественный прогресс являются непреходящим по своему значению наследием национального лидера Индии.

Примечания

- ¹ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления. 1946—1964. М., 1965, с. 186—187.
- ² Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Индию. 25—28 ноября 1986 г. Документы и материалы. М., 1986, с. 46.
- ³ Правда. 04.07.1987.
- ⁴ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии, с. 224—225.
- ⁵ *Misra K. P.* Framework of Nehru's Foreign Policy. Nehru's Vision of Peace and Security in Nuclear Age. Delhi, 1987, с. 43.
- ⁶ См.: *Насенко Ю. П.* Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М., 1975, с. 5.
- ⁷ *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955, с. 452.
- ⁸ Там же, с. 566.
- ⁹ *Sen Mohit.* Nehru, Asian Unity and Nonalignment. Nehru's Vision of Peace and Security in Nuclear Age. Delhi, 1987, с. 55.
- ¹⁰ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 452.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955, с. 182
- ¹³ Там же, с. 637.
- ¹⁴ Там же, с. 628.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 454—455
- ¹⁸ Там же, с. 455—456.
- ¹⁹ Там же, с. 454.
- ²⁰ Там же, с. 460.
- ²¹ Там же.
- ²² *Неру Дж.* Автобиография, с. 638.
- ²³ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 462.
- ²⁴ Там же, с. 465.
- ²⁵ Там же, с. 466.
- ²⁶ Там же, с. 467.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, с. 567.
- ²⁹ Jawaharlal Nehru's Speeches. 1949—1953. Delhi, 1954, с. 398.
- ³⁰ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии, с. 83, 245.
- ³¹ Там же, с. 110.
- ³² Там же, с. 193.
- ³³ Там же, с. 39—40.
- ³⁴ Там же, с. 49.
- ³⁵ Там же, с. 54.
- ³⁶ Там же, с. 51.
- ³⁷ Там же, с. 55.
- ³⁸ *Prasad Bimal.* Trends in Asian Relations, 1947—1987. Asian Relations Commemorative Conference. 1987, с. 9.
- ³⁹ Там же, с. 7.
- ⁴⁰ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии, с. 331.
- ⁴¹ Там же, с. 57, 97.
- ⁴² Там же, с. 224.
- ⁴³ Там же, с. 58.
- ⁴⁴ См.: СССР и Индия. М., 1987, с. 135.
- ⁴⁵ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии, с. 155.

⁴⁶ Там же, с. 173.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Правда. 17.02.1987.

⁴⁹ Правда. 29.11.1986.

⁵⁰ *Неру Дж.* Внешняя политика Индии, с. 174.

⁵¹ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 595.

Дагмар Маркова (ЧССР)

ЛИЧНОСТЬ НА СТЫКЕ ДВУХ КУЛЬТУР

Настоящая статья не претендует ни на изложение новых фактов, ни на принципиально новый анализ работ Неру. Здесь автор не ставит своей целью изучение развития мировоззрения Неру, а лишь предпринимает попытки рассмотреть в определенном аспекте его деятельность и жизненный путь, обратив внимание на некоторые факты и обстоятельства его жизни в юности, как они представлены в его мемуарах. Речь идет о том, чтобы восстановить возможную связь между событиями жизни Неру в юности и способностью глубокого проникновения в суть сложных взаимодействий в общественной жизни и сознании отдельного человека на различных уровнях традиционных и современных представлений.

Как это принято в индийской большой семье, в нее входят двоюродные братья и сестры, а также другие родственники. Как правило, дяди и тети, не говоря уже о дедушках и бабушках, занимают в детских воспоминаниях индийцев важное место. Вместе с тем конкретные условия, в которых рос Джавахарлал, несмотря на большую семью, довольно сильно отличались от среды, в которой жили его современники в Индии. Уже в ранние годы его жизни порядки в семье отличались значительной вестернизацией. В такой большой семье совсем молодой Джавахарлал чувствовал себя довольно одиноко. Естественно, уже в то время у него стали развиваться собственные представления об окружающем мире. Должно быть, уже тогда он привык к одиночеству.

Много лет спустя, когда он вспоминал время, проведенное в тюрьме, Неру жаловался на огромное нервное напряжение, вызванное необходимостью жить вместе со многими людьми, сравнивая это с жизнью в «большой семье», «неприятные стороны которой увеличивались во сто крат, а от привлекательных почти ничего не осталось»¹. Безусловно, данное замечание можно рассматривать лишь как проявление индивидуальной особенности его характера, хотя стремление к одиночеству так редко встречается в самых различных индийских автобиографиях и мемуарах, что не может остаться незамеченным. Наоборот, «внутренний мир» индийца характеризуется преобладанием темы одиночества и чувства беспомощности, возникающих у инди-

видуума при оторванности от членов своей семьи². Не исключено, что Неру мог воспринимать свою склонность к одиночеству как своего рода порок, поскольку в 1935 г. он писал дочери: «...весьма желательно развить в себе привычку к совместным действиям, и культуру частично можно рассматривать как способность вписываться в новое окружение. Повышенный индивидуализм препятствует развитию добродетелей как на уровне общества в целом, так и на уровне общин, образующих его»³.

В детстве его отношение к родителям было довольно типичным для индийца. Он восхищался и боготворил отца, но и побаивался его. О матери такого сказать нельзя — перед ней он не испытывал страха и, как сам позднее признал, даже иногда пытался ею командовать. Когда Неру подросток, между ним и отцом установились вполне сердечные отношения. Тем не менее манера его писем отцу заметно отличалась от посланий к матери. 22 декабря 1911 г. он писал отцу из Англии: «Если Вы настаиваете на помолвке с упомянутой девушкой, я не возражаю. Прошу лишь отложить церемонию до тех пор, пока я ее не увижу. Если Вам кажется, что это невозможно, поступайте, как сочтете нужным, а я подчинюсь Вашему решению...»⁴. По тому же поводу он писал матери следующее: «Единственное, в чем меня можно упрекнуть, так это в нежелании жениться на совершенно незнакомой девушке. Неужели тебе хочется соединить меня с девушкой, которую я так и не смогу полюбить. Да и сможет ли она полюбить меня? Если так, уж лучше мне не жениться совсем... Я согласен, что любая девушка, которую вы с отцом выберете мне, будет обладать многими достоинствами, но все равно может получиться так, что я не смогу с ней ладить...»⁵ Поражает то, что Неру обсуждал этот вопрос со своим отцом, ведь подобное обычно делать было не принято. Обращение подчеркнуто смиренное к отцу и вполне дружеское к матери — явление, в индийской семье довольно широко распространенное.

По словам Неру, его отец Мотилал Неру был националистом в конкретном смысле этого слова, но он даже иногда восхищался англичанами и их образом жизни и действиями, считая своих соотечественников достойными их участи. Со временем Мотилал Неру стал постепенно отходить от этой умеренной позиции, — чрезмерная покорность все более возмущала его⁶. В детстве Джавахарлал не испытывал неприязни к англичанам. Его гувернантка была англичанкой. Часто к ним в дом приходили англичане — друзья отца. В душе он даже восхищался ими⁷. Когда он приехал на учебу в Харроу, то сначала очень страдал от одиночества и скучал по дому, но вскоре это прошло. Тем не менее свое внутреннее состояние в «Автобиографии» он охарактеризовал следующим образом: «Полностью я там никогда не акклиматизировался. У меня всегда было такое чувство, что я им чужой, и, должно быть, это чувствовали и другие. Поэтому я был до некоторой степени предоставлен самому себе. Но в об-

щем я принимал живое участие в играх и хотя не успевал ни в чем особенно, но и не считался тихоней»⁸. Таким образом, его новая жизнь в Харроу оказалась чем-то похожей на прежнюю—дома. Для сравнения обратим внимание на пример из «Автобиографии» Неру, где он говорит о подростке, так и не сумевшем сойтись с другими мальчиками в Харроу. Этим несчастным оказался сын махараджи Капуртхалы, очевидно, воспитывавшийся в совершенно других условиях⁹.

В этой связи следует привести еще один пример из «Автобиографии» Неру. С горечью расставаясь с Харроу в возрасте 17 лет, он сам себе задавал такой вопрос: «Было ли мне действительно жаль покидать Харроу? Не было ли это отчасти вызвано сознанием, что мне надлежит испытывать печаль, как того требовали традиции Харроу и его школьный гимн?»¹⁰ Неру признавался, что намеренно не сопротивлялся этим традициям, чтобы сохранить духовную гармонию с окружающим. Сказанное еще раз создает о нем впечатление открытости традициям самого различного происхождения и вместе с тем способности относиться к ним критично.

В 1908 г., вернувшись в Англию после каникул, юный Джавахарлал испытал состояние, близкое к чувству возвращения домой. Вместе с тем это «возвращение домой» оказалось довольно своеобразным. Вот что писал он об этом отцу: «Странно, но мне все время напоминают, что я здесь иностранец, чужой»¹¹. Подобный горький опыт часто заставляет людей возвращаться на родину, если не буквально, то по крайней мере мысленно. Конечно, не каждый обладает способностью прийти к таким ценным заключениям относительно своего опыта подобного рода, как Неру, когда он «открыл Индию». Много лет спустя, в 1940 г., в письме дочери он писал: «Юношам и девушкам, прошедшим годы своего взросления за рубежом, всегда трудно вжиться в индийскую среду. Вначале и я тоже столкнулся с определенными трудностями. Позднее, хотя я так и не сумел вжиться в нее ни тогда, ни теперь, между мной и Индией выросли очень сильные связи... и хотя я люблю выезжать за рубеж, но уже не смог бы оставаться за границей надолго. Поэтому в некоторой степени можно сказать, что я вжился»¹².

Вопрос о болезненном и счастливом возвращении на родину возникает в его воспоминаниях неоднократно: «Я чувствовал себя одиноким и бесприютным, и Индия, которой я отдал свою любовь и ради которой трудился не покладая рук, казалась мне чужой и непонятной. По своей ли вине я не мог приобщиться к духу и образу мыслей моих соотечественников? Я чувствовал, что даже между мной и моими ближайшими сподвижниками стала незримая преграда, и, огорчаясь своей неспособностью преодолеть ее, я замыкался в себе. Казалось, ими завладел старый мир, мир ушедших в прошлое идеологий, надежд и стремлений. Новый же мир был еще очень далек»¹³.

Тот образ жизни, который вел Неру после приезда в Индию,

постепенно перестал его удовлетворять. Он чувствовал, как его затягивает однообразие и рутина светских встреч с англичанами и индийцами. Свое внутреннее состояние он объяснял довольно просто: «Я думаю, что это чувство недовольства моим окружением объяснялось тем смешанным или по крайней мере неоднородным воспитанием, которое я получил»¹⁴. Стремление стать членом Конгресса и полностью посвятить себя его деятельности — результат неудовлетворенности. Первое знакомство Неру с индийской деревней, народными массами во время политических кампаний, годы, проведенные в тюрьме с друзьями-индийцами, а также политическая борьба совместно с Ганди, не говоря уже об изучении индийской истории, постепенно, шаг за шагом подвели его к традиционному индийскому образу мышления и позволили вкусить жизнь Индии во всех ее прелестях и недостатках. «Индия была у меня в крови, и многое в ней меня инстинктивно глубоко волновало. И все же я подходил к ней почти как чужеземный критик, полный отвращения к настоящему и ко многим пережиткам прошлого, которые я наблюдал. Я пришел к ней в известной степени через Запад и смотрел на нее так, как мог бы смотреть дружелюбно расположенный европеец»¹⁵. В письме к Ганди (1941 г.) он сетовал, что из-за его манер и внешности окружающие называли его европейцем или англичанином: «В некотором роде они правы, но это лишь поверхностное впечатление»¹⁶.

Здесь можно заметить, что некоторые привычки Мотилала Неру, отца Джавахарлала, и особенно его поездки в Европу, вызвали бурю негодования в брахманской общине Кашмира, поскольку по возвращении он отказался выполнять какие-либо обряды очищения¹⁷. Очевидно, религия в семье Неру никогда не играла большой роли. Молодому Джавахарлалу религия «казалась женским занятием»¹⁸, его отец и старшие двоюродные братья относились к ней с юмором. Эпизодические посещения храмов, поездки в Варанаси и т. п. практически не отразились на сознании Неру, о чем он писал в своей «Автобиографии». Таким образом, мировоззрение Неру никогда не отличалось религиозностью, и ему трудно было делить общество на группы по религиозному признаку. Его англо-ирландский наставник оказался убежденным теософом. Под влиянием теософии, а не домашней среды Неру пришел к высокой оценке древнеиндийской религиозной философии, и особенно таких ее канонов, как «Упанишад» и «Бхагавадгита». Он всегда давал высокую оценку этим произведениям, в то время как теософия ушла из его жизни полностью¹⁹.

Следовательно, Неру оценивал индуистскую религию с точки зрения мыслителя, а не верующего. «Бхагавадгита» должна была импонировать ему в силу присущего ей акцента на действие, что касается «Упанишад», то в них его влекло «стремление к истине»²⁰. Среда, в которой рос Неру, принимала теорию кармы о причинно-следственной связи и перерождениях как само

собой разумеющееся. Джавахарлал Неру признавал, что эта теория оказала влияние и на него, хотя не верил в нее в религиозном смысле и называл «не более чем отвлечёнными умопостроениями, относящимися к области, о которой мы почти ничего не знаем»²¹. Неру считал, что она может быть подтверждена или опровергнута лишь с течением времени.

Судхир Какар называл теорию кармы «обещанием надежды»²² для верующего индуса. Знать о существовании такого обещания надежды и отказаться от него — это, безусловно, отказ от способа получить какое-то облегчение в условиях тяжелой реальности. В то же время, уставая порой от своих многообразных обязанностей, Неру задумывался над тем, что, «достигнув определенного возраста, начинаешь находить нечто здоровое в древней индуистской идее саньясы». В 1939 г. Неру заметил: «У меня нет ни малейшего шанса стать саньяси, однако самой этой идее нельзя отказать в привлекательности»²³. Правда, идеалы саньясы не стали для него чем-то само собой разумеющимся, хотя он и отдавал им должное как возможности для людей, уставших от жизненных тягот, уйти от реальности. В письме от 9 мая 1945 г. он писал: «В моей жизни случались периоды, когда я надолго отрывался от своих друзей и близких, и для заполнения образовавшегося вакуума я создал свой воображаемый мир, во многих отношениях более приятный, чем реальный. Иногда в своих мыслях я не могу отличить реальный мир от иллюзорного»²⁴.

Неру признавал, что многие индийские традиции произвели на него глубокое впечатление. Однако следует отметить, что это необязательно относится к традициям, принятым в среде, где он непосредственно воспитывался. Вот что он писал в 1935 г.: «Странно, но Будда мне близок. Есть какая-то физическая привлекательность в статуе даже в традиционной позе»²⁵. Немногие патристически настроенные индийцы смогли бы высказаться об индуизме и его искусстве так же резко, как подчас высказывался Неру. В 1929 г. он говорил: «Наша религия превратилась в какую-то поваренную книгу и определяет, что вы можете есть... к кому можно прикасаться... с кем видеться. Наша национальная музыка — это не более чем адская какофония и болезненный шум, стоящие на нашем пути...»²⁶. В 30-е годы Неру в одном из своих писем сообщал: «Я хотел бы как можно дальше отойти от религиозных обрядов и церемониалов, от всего, что несет печать религии, — жить действительно нерелигиозной жизнью. Уважение к матери и желание не оскорблять ее чувства в настоящий период жизни иногда заставляют меня принимать участие в некоторых церемониях. Хотя я участвую в них без желания, как бы исполняю неприятную обязанность, может быть, лучше совсем обойтись без этого»²⁷. Тем не менее в своей «Автобиографии» Неру писал, что один из выдающихся руководителей Конгресса, Мохаммед Али, несмотря на многочисленные обсуждения вопросов религии, был совершенно убежден, что в глубине души

Неру религиозен. «Я часто спрашивал себя, какая доля истины заключалась в этом его утверждении,— писал Неру,— пожалуй, это зависит от того, что понимать под словами „религия“ и „религиозный“»²⁸. В 1924 г. маленькая племянница Неру спросила его, верит ли он в бога. Однако от прямого ответа он уклонился²⁹. Неру положительно отнесся к идее составления гороскопа для своего внука и настаивал на том, чтобы это сделали как можно точнее³⁰.

Хотя Неру пытался оставаться в стороне от соблюдения религиозных обрядов, стремление отойти полностью от них было сопряжено с объективными трудностями.

Вместе с тем его мировоззрение в течение всей жизни в своей основе было светским. Неру подчеркивал, что уже в 1943 г. он просил, чтобы после его смерти не совершались никакие похоронные религиозные церемонии. Свой пепел он завещал частью опустить в Ганг, а частью развеять над страной. Причем это его желание объясняется не религиозными убеждениями, а народной традицией, неотделимой от истории и культуры Индии³¹. Для человека, выросшего в индуистской среде, такие герои мифологии, как Рама или Хануман, психологически реальны, хотя он может не верить в их сверхъестественное бытие. Знания индуистской мифологии и фольклора у Неру с годами расширялись, как это обычно бывает у детей в тех семьях, члены которых имеют достаточно времени, чтобы рассказывать им мифы³². В юношеские годы он несколько отстранился от мира мифов. Для себя он открыл вновь царство героев и героинь эпоса, общаясь с простыми людьми во время своих путешествий по Индии. Неру так отзывался об индуистской мифологии: «Я часто размышлял, какими были люди, придавшие форму этим светлым мечтам и прекрасным вымыслам и из каких золотых россыпей мысли и воображения они извлекли их»³³. Это взгляд скорее индолога, чем индуиста, но ни в каком случае не верующего.

Вряд ли ученый стал бы ссылаться на действующих лиц индуистской мифологии так часто, как это делал Неру, например в своих тюремных дневниках и письмах. Для индийца это обычное явление. Вместе с тем обращение к ним Неру отличалось от принятого: «Я рад, что в семье есть люди, которые верят в бога, ведь кое-кому, например мне, этого в высшей степени не хватает... Что ни говори, а старый Ганеш подмигивал своим слоновьим глазом очень по-человечески, и есть в нем некое безудержное веселье»³⁴. Уже в 1936 г. он публично заявил: «...иногда мне кажется, не слишком ли много мы говорим о Сите, Савитри и им подобных; эти дамы, безусловно, заслуживают уважения, как сыгравшие весьма героическую роль и ставшие для нас символами нашей традиции.. Но мы не можем жить, опираясь на репутацию, завоеванную древними героями и героинями, не говоря уж о том факте, что эти примеры далеко не в полной мере применимы к современным условиям»³⁵. Он неоднократно

возвращался к вопросу о Сите и Савитри. Так, например, в 1955 г. при обсуждении законопроекта об индуистском браке Неру заявил: «Сита и Савитри упоминались здесь как идеалы женщин. Я что-то не припомню, чтобы подобным образом вспоминали о мужчинах. Оказывается, лишь женщины обязаны вести себя так, как Сита и Савитри, а мужчины могут делать все, что им заблагорассудится. Не знаю, можно ли индийцев-мужчин считать идеальными настолько, что они не нуждаются в дальнейшем совершенствовании»³⁶. Многим эти слова могли показаться резкими. Премьер-министр без колебаний пользовался любыми способами, чтобы убедить индийцев в необходимости совершенствования их уклада жизни. Тонко чувствуя национальные традиции, индийскую религиозную и мифологическую символику, он в то же время подходил к ним с мерками современного человека. Вспоминая о событиях 1936 г., Неру говорил, как он пытался объяснить простым пенджабским крестьянам, скандировавшим *Бхарат Мата ки джай* («Да славится Мать-Индия!»), что значит слово «Бхарат». Ведь *Бхарат Мата* — это вовсе не прекрасная и покинутая женщина с длинными волосами, ниспадающими до земли, как на сказочных картинках, а собирательный образ человека, сражающегося за свободу Индии³⁷. Если Неру не принадлежал бы одновременно к двум культурам, возможно, он и не спросил бы крестьян, что они подразумевают под словами *Бхарат Мата* и правильно ли понимают лозунг. Вероятно, не каждый премьер-министр смог бы объяснить различные мифы людям с традиционным сознанием так, чтобы подчеркнуть очевидное расхождение между мифом и реальностью: «При всем уважении к *рамараджу* прошу не забывать, что во времена Рамачандры население Индии было в несколько раз меньше, чем сегодня... Не существовало нехватки земель, и любой трудолюбивый человек мог занять участок земли и обеспечивать себя пищей. Конечно, жизнь людей в те времена прекрасной не назовешь, однако, всем хватало на пропитание, ведь население было относительно невелико. При чрезмерном росте населения наступал голод, уменьшавший его численность. Население в мире сегодня значительно выросло...»³⁸. Он не оскорблял чувства верующих категорическим отрицанием существования таких мифологических понятий, как *рамарадж*, но и не поддерживал горькие сетования консерваторов о потерянном рае. Неру лишь указывал на абсурдность ностальгической идеализации в наше время мифологического прошлого. Как истинно свободомыслящий человек, он мог подходить к этому вопросу с самых различных сторон. Возможно, привычная с детства жизнь на стыке двух культур придавала ему способность смотреть на мифы глазами простого индуиста — считать их откликом реального — и одновременно глазами человека с рациональным мировоззрением. Несмотря на убежденность Неру в том, что кастовая система и многое из того, что ей сопутствует, «совершенно нетерпимы, реакционны, представляют собой балласт и пре-

пятствуют прогрессу»³⁹, сознание собственной кастовой принадлежности иногда прорывалось у него в моменты откровенных самооценок. Так, Неру писал: «Я стал воплощением какого-то странного смещения Запада и Востока, всюду чужой, нигде не чувствующий себя дома. Мой образ мыслей и подход к жизни, пожалуй, сродни тому, что называют западным подходом, но Индия всячески цепляется за меня, как и за всех своих сыновей, и в глубинах моего подсознания живет расовая память о сотне — или сколько их было? — поколений брахманов. Я не могу освободиться ни от этого наследия прошлого, ни от приобретений, сделанных мною за последнее время»⁴⁰. Однако, как показало время, «странное смещение» оказалось счастливым. Чувство кастовой принадлежности присутствовало, возможно, лишь в самых глубоких слоях внутреннего мира Неру, поскольку по поводу свадьбы своей сестры в 1932 г. он писал: «Я приветствовал бы самый полный разрыв со старыми традициями, насколько он возможен... Меня совсем не интересует к какой касте принадлежит человек — брахманской, небрахманской или какой-нибудь еще. Между прочим, я вообще не вижу в этом смысла — женщина выходит замуж за другого человека, а не за общину»⁴¹. Эта позиция нашла свое еще более яркое выражение, когда встал вопрос о замужестве его собственной дочери.

Следует также отметить видение новой Индии, сформулированное Неру в 1941 г.: «Новая культура и цивилизация, которые придут (по крайней мере я в это верю) и создадут бесклассовое общество и превратят нас всех в брахманов и кшатриев, кем бы мы ни были»⁴². Конечно, Неру имел в виду общество равных людей, возвышая всех его членов до положения двух высших каст.

Неру развил в себе типичное для современного человека неприятие некоторых устарелых обычаев и традиций Индии. В то же время он понимал тех, кто не сумел от них отказаться, если действия последних не ущемляли интересов других людей. Разрыв, который он ощущал между собой и большинством соотечественников, ярко проявился, например, когда он назвал порочной существующую систему организации браков: «Во-первых, нам нужен закон о гражданском браке, распространяющийся на всех граждан Индии и не ущемляющий их прав по религиозному признаку. Во-вторых, следует облегчить процедуру развода, признав его зависящим лишь от обеих сторон, состоящих в браке... Лично для меня обоюдное желание разойтись кажется достаточным основанием для развода. Однако я сомневаюсь, чтобы большинство индийцев смогло принять такой закон сегодня»⁴³. В письме от 28 октября 1941 г. он писал о системе «большой семьи»: «Ее одновременно растаскивают в противоположные стороны индивидуум, претендующий на свое право жить так, как он этого хочет, и большая социальная группа, община или нация, требующая однородности образа жизни и равных возможностей для всех. Между этими двумя стремле-

ниями объединяющее притяжение большой семьи постепенно уменьшается... Она не сочетается с силами общественной мысли и материального мира, движущими сегодняшней жизнью. Поэтому она должна уйти. Но наша страна настолько огромна и имеет такие глубокие корни, уходящие в века, что на радикальные изменения потребуется много времени...»⁴⁴

Удивительно, но, когда бы Неру ни говорил о женских организациях или высказывал свое мнение о положении и проблемах индийских женщин, он не пользовался популярным в Индии образом материнства и еще реже обращался к традиционным стереотипам восхваления непорочных героинь. Что касается положения женщин, то Неру встал на позиции современного отношения к этому вопросу довольно рано. В своей речи при закладке фундамента Махила Видьяпит (Женского колледжа) в Аллахабаде он открыто выразил свое неодобрение по поводу доклада, сделанного руководством этого колледжа, содержавшего особые указания женщинам. Согласно этому докладу, мужчина считался кормильцем, а место женщины — дом, и ее обязанности сводились к тщательному уходу за детьми и обслуживанию старших. Неру критически заметил: «Даже здесь ее удел — одна из второстепенных ролей»⁴⁵.

Немногие национальные лидеры решались критиковать, например, обычай приветствовать старшего прикосновением к его стопам. Неру назвал его пережитком рабства⁴⁶. В другой связи он писал: «Боюсь, я больше не доверяю вайдьям, хакимам и им подобным, хотя и знаю, что некоторые из них весьма искусны и иногда являют примеры удивительных излечений»⁴⁷. В 1933 г. он писал дочери: «Наш век не похож на другие — это век отказа от иллюзий, век сомнений, неопределенности и вопросов. Мы уже не можем принимать древние верования и традиции, мы утратили веру в них в Азии, Европе и Америке. Поэтому мы *ищем* новые пути и новые представления об истине, в большей степени гармонирующие с реальными условиями нашего бытия...»⁴⁸. В данном контексте слово «ищем» следует подчеркнуть. Активно выступая за обновление, Неру часто повторял: «В древней культуре есть некое здоровое зерно, придающее жизни устойчивость и определенность»⁴⁹.

Несмотря на тесное сотрудничество с Махатмой Ганди, Неру считал его человеком, «которого очень трудно было понять — подчас его речи были почти непостижимы для среднего человека нашего времени»⁵⁰. Он утешал себя мыслью, что слова и символика, используемые Ганди, хорошо известны и доступны массам. Неру понимал, что Ганди знал Индию значительно лучше, чем он сам, и признавал: «Многие из нас отошли от этого крестьянского мировоззрения, и старый образ мышления, обычай и религия стали нам чуждыми. Мы называли себя современными людьми и подходили ко всему с меркой прогресса и индустриализации...»⁵¹ Своего отца и Ганди он называл личностями, оказавшими наибольшее влияние на его жизнь. В то же

время он упоминал К. Маркса и В. И. Ленина, чьи работы произвели на него огромное впечатление и способствовали формированию его мышления⁵². К числу типичных высказываний о Ганди, принадлежащих Неру, можно отнести слова, произнесенные им в 1933 г.: «Боюсь, что по образу мышления я отхожу от него все дальше и дальше, несмотря на сильную эмоциональную привязанность к нему. Его постоянные обращения к богу в высшей степени меня раздражают. Его политические действия зачастую управляются безошибочным инстинктом, но в других способность мыслить он не воспитывает... Какой удивительный контраст с диалектикой Ленина и других! Чувствую, как меня все больше и больше влечет к этой диалектике, и я все сильнее ощущаю пропасть между Бапу и мною...»⁵³

Если бы Неру придерживался только индуистской традиции, он не смог бы дать оценку исламской культуре в том виде, в каком он это сделал, и написать о «смешанной культуре» Северной Индии, и особенно Дели, с энтузиазмом подчеркивая в «Открытии Индии», что в средневековый период «шел естественный процесс синтеза старого и нового мировоззрения»⁵⁴. Этот подход позволил ему также утверждать, что «между традиционными индусским и мусульманским взглядами на жизнь имеется много различий, но они становятся почти незаметными, если их сравнить с современной научной и производственной точкой зрения на жизнь, так как последнюю от первых двух отделяет огромная пропасть... Не сомневаюсь, что все попытки с индусской и мусульманской стороны противостоять научной и промышленной цивилизации обречены на провал, и я буду смотреть на него без сожаления. Мы бессознательно и произвольно сделали свой выбор, когда в Индию пришли железные дороги и подобные технические средства»⁵⁵. В то же время Неру размышлял об «удивительной цивилизации, существовавшей тринадцать и более веков назад в пустыне Гоби, где расцветала необычная смесь индийской, китайской и русской культур и даже имелись следы римской культуры, санскрит был языком науки и легенда о Будде была золотым звеном, которое соединяло эти страны Азии...»⁵⁶

Проблема различных культур включает вопрос о различных языках. Получив образование в Англии, Неру с детства свободно владел двумя языками — хинди и английским. Он признавал, что в английском он сильнее, чем в хинди или урду, ведь в основном он учился в Англии. В отличие от некоторых своих высокообразованных соотечественников, хваставших тем, что по-английски говорят лучше, чем на родном языке, Неру подчеркивал, что, «к сожалению»⁵⁷, учился на английском языке. Неру никогда не переоценивал значение английского языка. Он особо настаивал на необходимости изучения и других европейских языков, что, по его мнению, нужно для расширения мировоззрения и непосредственного общения с культурой, отличной от собственной. Характеризуя своего близкого сподвижника Маулану

Абул Калам Азада, занимавшего в то время пост президента Индийского национального конгресса, Неру заметил: «Если бы у него была возможность выучить один или два европейских языка и с их помощью познакомиться с современным мышлением, он мог бы стать в высшей степени замечательной личностью»⁵⁸.

Так получилось, что Неру на английском языке писал лучше, чем на хинди. В устной речи порой он мог свободнее выразить свои мысли на хинди, а иногда на английском⁵⁹. Разговорным хинди он владел в совершенстве, ведь это был его родной язык. Он пользовался им во время публичных выступлений. Однако Неру не скрывал, что ему необходимы систематические тренировки, чтобы писать на хинди как на родном языке, ведь его словарный запас довольно ограничен. Язык, на котором Неру говорил дома, был ближе к урду, чем к хинди, вот почему во время публичных выступлений он легко общался на простом урду, но возможность серьезно заняться этим языком ему так и не представилась, и он лишь с трудом читал на этом языке. Тексты хинди на деванагари он читал более свободно, но в широком смысле этого понятия он не был знаком с индийской литературой, пока не стал заниматься ей в зрелые годы. Подобное положение он называл «довольно странной языковой основой»⁶⁰. Неру жалел, что не получил соответствующей подготовки по таким языкам, как хинди и урду, в раннем возрасте: «Если бы я учил их так же, как английский, то с инстинктивным знанием своего родного языка какую пользу мог бы получить»⁶¹. Во время тюремного заключения он читал журналы на хинди, чтобы расширить свой запас слов и выражений на этом языке, и многие из них записывал. Он чувствовал, что разрыв между руководителями и массами существовал из-за того, что лидеры широко пользовались английским языком.

Первое публичное выступление Неру, состоявшееся приблизительно в 1915 г., было на английском языке, поскольку он сомневался в своей способности достаточно долго говорить на хиндустани. Однако Неру понимал, что английский язык для выступлений перед народом уже непригоден⁶². В 1939 г. Неру при посещении Матхуры упомянул о своем незнании местного диалекта брадж и с сожалением признал: «Я почувствовал, насколько отрезан от жизни народа и корней его культуры и сколько в результате потерял»⁶³. Позднее он решил приступить к серьезному изучению литературы на хинди и урду. Его более поздние тюремные дневники полны цитат из поэзии на урду, в основном записанных на обоих языках.

Те, кто слышал публичные выступления первого премьер-министра Индии, помнят, что язык, на котором он говорил, далек от санскритизированного хинди; это был своего рода упрощенный хиндустани. Манерой выражать свои мысли в публичных выступлениях он отличался от многих индийских интеллектуалов, которые смешивали местные языки с английским. Как премьер-

министр, Неру опасался, что разрыв между руководством и массами может сохраниться в будущем, если хинди и далее станет развиваться лишь путем осовременивания заимствований из санскрита⁶⁴. Он придерживался такого мнения: «Если мы думаем, говорим и пишем, помня при этом о массах, то наша речь и письмо неизбежно будут стремиться к простоте и силе. Именно этот путь дает возможность преодолеть самомнение, а также националистические тенденции урду и хинди»⁶⁵. Возможно, именно эта «довольно странная языковая основа» и помогла ему разработать рациональные и реалистические подходы к дальнейшему развитию языка, принятого в Индии в качестве официального.

Противостояние культур, должно быть, представляло собой один из факторов, не позволявших Неру относиться к чему-либо как само собой разумеющемуся, поддерживая его страстное стремление изменить многие представления в Индии и привнести в страну дух современности. Неру никогда не поддерживал распространенную тенденцию подходить к различным общественным группам с точки зрения религиозной принадлежности. Первый премьер-министр независимой Индии сохранил способность видеть Индию глазами патриота: «Когда приезжаю в Бенарес (Варанаси), я погружаюсь в историю Индии. Турист из-за рубежа видит в узких улочках Бенареса лишь грязь и нищету. Обе картины правдивы. Те из нас, кто ездит за границу, попадают в ту же ловушку... В конце концов нам нужно построить собственный дом на своей земле и такой, какой хотим. Однако окна нашего разума должны быть открыты ветрам из других стран»⁶⁶.

Обстоятельства личной жизни Неру благоприятно отличались от судьбы среднего индийца и даже индийского интеллигента. В раннем детстве Неру, естественно, близко познакомился с индийской традицией, однако он воспитывался в довольно нетипичных для индийца условиях, что, возможно, способствовало развитию у него определенного субъективного чувства одиночества и интровертности. Но даже эти обстоятельства оказались благоприятными для дальнейшего становления его образа мышления. Общественное положение семьи позволило ему получить хорошее современное образование. Занятая им на раннем этапе своего жизненного пути позиция человека, любящего свою страну и одновременно обладающего способностью взглянуть на нее со стороны, позволила ему достичь действительного понимания проблем Индии и ясно увидеть будущее родины.

- ¹ *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955, с. 107.
- ² Ср.: *Kakar Sudhir.* The Inner World, New Delhi, 1981, с. 85—86.
- ³ Selected Works of Jawaharlal Nehru (далее — SWJN). Vol. 7. New Delhi, 1973, с. 11.
- ⁴ SWJN. Vol. 1. New Delhi, 1972, с. 9293.
- ⁵ Там же. с. 97.
- ⁶ См.: *Неру Дж.* Автобиография, с. 33—34.
- ⁷ Там же, с. 15.
- ⁸ Там же, с. 26.
- ⁹ См. там же, с. 27.
- ¹⁰ Там же, с. 28.
- ¹¹ SWJN. Vol. 1, с. 59.
- ¹² SWJN. Vol. 11. New Delhi, 1978, с. 467.
- ¹³ *Неру Дж.* Автобиография, с. 395.
- ¹⁴ Там же, с. 38.
- ¹⁵ *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955, с. 47.
- ¹⁶ SWJN. Vol. 11, с. 659.
- ¹⁷ См.: *Неру Дж.* Автобиография, с. 21.
- ¹⁸ Там же, с. 16.
- ¹⁹ Там же, с. 23—124.
- ²⁰ См.: *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 94—95.
- ²¹ Там же, с. 28.
- ²² *Kakar Sudhir.* The Inner World, с. 48.
- ²³ SWJN. Vol. 9. New Delhi, 1976, с. 626.
- ²⁴ SWJN. Vol. 13. New Delhi, 1980, с. 573.
- ²⁵ SWJN. Vol. 6. New Delhi, 1973, с. 367.
- ²⁶ SWJN. Vol. 3. New Delhi, 1972, с. 186.
- ²⁷ SWJN. Vol. 5. New Delhi, 1973, с. 491.
- ²⁸ *Неру Дж.* Автобиография, с. 118.
- ²⁹ SWJN. Vol. 13, с. 32.
- ³⁰ Там же, с. 467—468.
- ³¹ Там же, с. 287.
- ³² См.: *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 102.
- ³³ Там же, с. 79.
- ³⁴ SWJN. Vol. 13, с. 467.
- ³⁵ SWJN. Vol. 7, с. 481.
- ³⁶ Jawaharlal Nehru's Speeches. May 1953 — August 1957. Vol. 3. New Delhi, 1958, с. 451.
- ³⁷ SWJN. Vol. 7, с. 349.
- ³⁸ Jawaharlal Nehru's Speeches. March 1963 — May 1964. Vol. 5. New Delhi, 1968, с. 67.
- ³⁹ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 270.
- ⁴⁰ *Неру Дж.* Автобиография, с. 621—622.
- ⁴¹ SWJN. Vol. 5, с. 490—491.
- ⁴² SWJN. Vol. 11, с. 580.
- ⁴³ SWJN. Vol. 7, с. 662.
- ⁴⁴ SWJN. Vol. 11, с. 717.
- ⁴⁵ SWJN. Vol. 3, с. 362.
- ⁴⁶ SWJN. Vol. 7, с. 486.
- ⁴⁷ SWJN. Vol. 5, с. 466.
- ⁴⁸ Там же, с. 497.
- ⁴⁹ SWJN. Vol. 10. New Delhi, 1977, с. 640.
- ⁵⁰ *Неру Дж.* Автобиография, с. 85.
- ⁵¹ Там же, с. 254.
- ⁵² SWJN. Vol. 8. New Delhi, 1976, с. 869.
- ⁵³ SWJN. Vol. 5, с. 478.
- ⁵⁴ *Неру Дж.* Открытие Индии, с. 256.
- ⁵⁵ *Неру Дж.* Автобиография, с. 470.
- ⁵⁶ SWJN. Vol. 5, с. 469.
- ⁵⁷ SWJN. Vol. 4. New Delhi, с. 24.

- ⁵⁸ SWJN. Vol. 11, с. 447.
⁵⁹ Там же, с. 758.
⁶⁰ Там же, с. 757.
⁶¹ Там же, с. 758.
⁶² *Неру Дж.* Автобиография, с. 44.
⁶³ SWJN. Vol. 10, с. 641.
⁶⁴ SWJN. Vol. 5, с. 25.
⁶⁵ SWJN. Vol. 7, с. 389.
⁶⁶ Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 3, с. 452.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ, ИЗДАННЫЕ В СССР

Автобиография. М., 1955.

Открытие Индии. М., 1955; 1989.

Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления 1946—1964. М., 1963.

Взгляд на всемирную историю: Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. Т. 1—3. М., 1975; М., 1977; М., 1981.

Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. Библиотека индийской литературы. М., 1987.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ О ДЖАВАХАРЛАЛЕ НЕРУ

Джавахарлал Неру в Советском Союзе. М., 1955.

Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., 1973.

Володин А., Шаститко П. Пусть не обманет надежда. Жизнь и борьба Дж. Неру. М., 1989.

Насенко Ю. П. Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М., 1975.

Ульяновский Р. А. Джавахарлал Неру.— Политические портреты. М., 1980.

Горев А. В., Зимянин В. М. Неру. М., 1980.

Мартышин О. В. Политические взгляды Джавахарлала Неру. М., 1981.

Ульяновский Р. А. Три лидера великого индийского народа. М., 1986.

Вафа А. Х., Литман А. Д. Философские взгляды Джавахарлала Неру. М., 1987.

CONTENTS

Introduction	3
<i>Reminiscences</i>	
I. M. Maysky	7
H. Fisher (GDR)	8
P. D. Erzin	12
M. Menshikov	14
V. E. Dymshits	16
N. V. Goldin	17
B. Romanov	19
A. Selivanov	21
A. Libov	22
I. Erenburg	23
I. Abashidze	24
M. Makhmutov	27
<i>Studies</i>	
E. N. Komarov. Javaharlal Nehru: Socio-Political Conditions, World Outlook and Historical Role	30
P. V. Kutsobin. Vanguard National Leader of India	77
I. I. Yegorov. Nehru on the Need of Development along Socialist Path	86
O. V. Malyarov. Nehru about the Strategy of Socio-Economic Development of India	92
Jaroslav Holman (Czechoslovakia). Problems of Development in the Indian Village	122
L. V. Mitrokhin. The Role of Nehru in the Development of India-USSR Relations	136
Miloslav Krasa (Czechoslovakia). Nehru and the "Prayag" in Europe	148
D. Vaidemann (GDR). The Exposure of Fascism	163
T. L. Shaumyan. From the History of Formation of the Principles of India's Foreign Policy	172
Dagmar Markova (Czechoslovakia). Personality at the Junction of Two Cultures	187
The List of the Main Works by Nehru Published in the USSR	201
Selected Bibliography of Soviet Writings on Javaharlal Nehru	201

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Воспоминания	
И. М. Майский	7
Г. Фишер (ГДР)	8
П. Д. Ерзин	12
М. Меньшиков	14
В. Э. Дымшиц	16
Н. В. Голдин	17
Б. Романов	19
А. Селиванов	21
А. Либов	22
И. Эренбург	23
И. Абашидзе	24
М. Махмутов	27
Исследования	
Э. Н. Комаров. Джавахарлал Неру: социально-политические условия, мировоззрение и историческая роль	30
П. В. Куцобин. Передовой национальный лидер Индии	77
И. И. Егоров. Неру о необходимости социалистически ориентированного развития	86
Ю. В. Маляров. Неру о стратегии социально-экономического развития Индии	92
Ярослав Хольман (ЧССР). Проблемы развития индийской деревни	122
Л. В. Митрохин. Роль Неру в становлении индийско-советских отношений	136
Милослав Краса (ЧССР). Неру и «Праяг» Европы	148
Д. Вайдеман (ГДР). Обличение фашизма	163
Т. Л. Шаумян. Из истории формирования принципов внешней политики Индии	172
Дагмар Маркова (ЧССР). Личность на стыке двух культур	187
Основные работы Джавахарлала Неру, изданные в СССР	201
Избранная библиография работ советских авторов о Джавахарлале Неру	201
Contents	202

Джавахарлал Неру. Воспоминания. Исследования. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.— 204 с.
ISBN 5-02-016703-7

В сборнике представлены воспоминания о встречах с Джавахарлалом Неру и исследования, посвященные его воззрениям и деятельности. Особое внимание уделяется выдающейся роли Неру в борьбе за завоевание и укрепление независимости Индии, в формировании позитивного курса ее внешней политики и в установлении советско-индийского сотрудничества.

Научное издание
ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Воспоминания
Исследования

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *Н. Л. Скачко*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 16349

Сдано в набор 12.01.88. Подписано к печати 28.06.89. А-03389. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13+1 п. л. вкл. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 15,14. Тираж 5000 экз. Изд. № 6693. Зак. № 28. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 23

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1947—1987).— 20 л.

В книге рассматриваются итоги, проблемы и перспективы экономического, социального и политического развития Республики Индии в период независимости. Показана роль различных общественно-экономических укладов в экономическом базисе, основные этапы и направления экономической политики; анализируются социально-классовая структура индийского общества, формы классовой борьбы, ее роль в партийно-политическом процессе. Раскрыта роль традиционных институтов (религии и касты) в индийской политике; показана эволюция государственного строя и аппарата управления, роль партийно-политических сил; анализируется внешняя политика Индии.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкниги», а также по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, д. 14, корп. 2, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкниги».

**Книги Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука» можно предварительно заказать
в магазинах Центральной конторы «Академкнига»,
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации**

**Для получения книг почтой заказы просим направлять
по адресу:**

- 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, д. 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
- 232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
- 690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
- 320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
- 420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград, Литейный пр. 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пр., 2;
- 199044 Ленинград, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 19а;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;

- 630076 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
- 142292 Пущино Московской обл., МР «В», I;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).